

ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ

დავით გურამიშვილი

საბუნებისმეტყველო
მეცნიერებათა
კანდიდატი

1927

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
Э. Б. Межелайтис, С. С. Наровчатов, В. О. Перцов
С. А. Рустам, А. А. Сурков*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Переводы Н. Заболоцкого

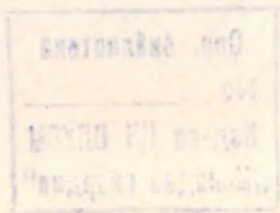
*Вступительная статья,
составление и примечания
С. С. Цаишвили*

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1980

Творческое наследие выдающегося грузинского поэта Давида Гурамишвили (1705—1792) составляет сборник «Давитнани», включающий две поэмы и ряд лирических стихотворений. В творчестве Гурамишвили, особенно в поэме «Бедствия Грузии», нашли отражение трагические события в истории Грузии первой половины XVIII века, времени опустошительных набегов внешних врагов, раздоров и междоусобиц внутри страны.

Первый и наиболее достойный преемник великого Руставели, Гурамишвили создал свой оригинальный поэтический мир, оказавший глубокое воздействие на последующую поэзию, прежде всего на творчество Важа Пшавела и Николоза Бараташвили. Высокая простота и народность формы, демократизм и патриогизм его поэзии стали образцом для грузинских поэтов будущего.

В настоящем издании все произведения Давида Гурамишвили представлены в переводах на русский язык замечательного мастера поэтического перевода Николая Заболоцкого.

ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ

После Руставели древняя Грузия не имела поэта более великого, нежели Давид Гурамишвили.

Если Шота Руставели жил в эпоху наивысшего политического, экономического и культурного расцвета феодальной Грузии (XII—XIII века), то Давид Гурамишвили был поэтом того периода, когда судьба грузинского народа висела на волоске. В результате многовековой экспансии могущественных государств Востока, инспирировавших и внутринациональные распри, страна пришла в полный упадок как в политическом, так и в социальном отношениях. Передовые общественные деятели Грузии XVII—XVIII веков искали выход из создавшегося положения, и в конечном счете эти поиски привели их к мысли о необходимости присоединения к единой России. Но, чем яснее проявлялось стремление грузинского народа связать свою судьбу с великим северным соседом, тем резче становилось сопротивление этому шагу со стороны мусульманских государств, среди которых своим могуществом и агрессивностью особенно отличались Иран и Османская империя. В этот период Грузия оказалась на распутье. Малейшее колебание было равнозначно национальной катастрофе. Но грузинский народ нашел в себе достаточно сил для того, чтобы преодолеть все преграды на пути сближения с Россией, а через нее — и с другими передовыми странами, дабы спасти от окончательной гибели свою древнюю и самобытную культуру, само свое физическое существование как нации.

Давид Гурамишвили был сыном этой бурной эпохи, и в его поэзии нашел свое отражение неслышимый дух народа. Несмотря на трагизм обреченности, пронизывавший его поэтическое творчество, он с надеждой смотрел в грядущее, искал в нем «светлый луч» (это —

его излюбленный поэтический образ) надежды на спасение своей родины.

Ни жизнь вдали от родной Грузии, ни личная трагедия, столь тесно связанная с судьбой грузинского народа, не сломили душу поэта, не смогли подорвать его гуманистические идеалы, его веру в светлое будущее родины, которая с такой силой запечатлелась в неувыдающих строках его книги «Давитиани».

Ниже мы попытаемся в самых общих чертах познакомить читателя со страницами бурной биографии поэта и определить некоторые особенности его творчества, снискавшие ему славу одного из талантливейших поэтов грузинского средневековья.

1

Давид Гурамишвили родился в 1705 году вблизи столицы древней Грузии Мцхета, на берегу реки Арагви (эта местность хорошо известна русскому читателю по ее описанию, сохранившемуся в строках лермонтовского «Мцыри»), в окрестностях деревни Сагурамо, которая, по свидетельству историка XVIII века, славилась «плодоносными деревьями, виноградниками, зерном... скотом, зверем и птицею, лесами, долинами и красивыми горами».¹

На возвышенном месте близ Сагурамо, называемом Горис-Убани, и поныне сохранились развалины старинной крепости. По преданию, здесь издревле проживал род Гурамишвили; на это прямо указывают и строки «Давитиани»: «Был и я когда-то князем, жил в селе Горис-Убани».

По свидетельству исторических хроник, предки Гурамишвили переселились из Южной Грузии приблизительно на рубеже XV—XVI веков, когда в южных провинциях Грузии (так называемом Месхети-Джавахети) резко усилилась турецкая экспансия.

После переселения в Картли и Кахети род Зевдгинидзе разделился на несколько ветвей. В одной из хроник XV века («Мцхетская грамота») упоминается князь Гурам Зевдгинидзе, который, как видно, положил начало новому роду; его потомки, Гурамишвили, поселились на границе между Картли и Кахети, именно в окрестностях Сагурамо (само название «Сагурамо» произведено от их фамилии).

Детство Давида прошло в Гурамиант-кари (так тогда называли Сагурамо) или, как мы уже говорили, на его окраине, в Горис-Убани. По древнему грузинскому обычаю детей из высшего сословия отда-

¹ Вахушти Багратиони, Описание царства Грузинского, Тбилиси, 1941, с. 94 (на грузинском языке).

или на воспитание в крестьянские семьи. Это была твердо укоренившаяся традиция, положительное значение которой признавалось всегда. И Давид, как об этом свидетельствует он сам, был отдан на воспитание кормилице — в семью, видимо, настолько бедную, что и ему неоднократно привелось испытать беды и невзгоды трудового люда. Не может быть никаких сомнений, что именно в это время познакомился Давид с сокровищами богатой народной словесности, усвоил сочную народную речь, с которой не расставался до глубокой старости, несмотря на то, что практически всю жизнь был оторван от родины. Эта нерасторжимая связь оказала исключительно плодотворное влияние на содержание и стилистику его творчества. Здесь же, вероятно, познакомился поэт с жизнью грузинского крестьянина, которой позднее, в «Давитиани», посвятил он немало незабываемых строк.

Прекрасное место — Сагурамо. На севере виднеются горы Кавказского хребта, с которых течет шумная Арагви. С юга его ограничивает покрытый густыми лесами хребет Иално, на западном отроге которого высятся древний монастырь Зедазени. Здесь же Мцхета, Джвари и Свети-Цховели — памятники древней культуры грузинского народа.

Происхождение (предки Давида занимали видное место при дворе царей Картли и Кахети), воспитание, окружение будущего поэта несомненно создавали все условия для получения юным Гурамишвили соответствующего образования, для достойного служения в будущем родине, народу.

Судьба, однако, готовила ему горькую участь... Именно на его глазах разыгралась страшная национальная трагедия, одной из непосредственных жертв которой стал сам Давид Гурамишвили.

2

Во второй половине XIII века на Грузию, экономика и культура которой находились в периоде расцвета, обрушилось татаро-монгольское нашествие. С этих пор грузинскому народу уже не удавалось хотя бы недолго пожить в мирных условиях. По выражению древних летописцев, Грузия уподобилась кровавой молотилке, на току которой вместо пшеницы молотили человеческое мясо и кости. Нашествия Тимура во второй половине XIV века привели Грузию к окончательному упадку. В дальнейшем политически раздробленное грузинское государство подверглось экспансии со стороны шахского Ирана и султанской Турции. Их целью было окончательно подчинить или полностью истребить христианские народы Кавказа, чтобы не осталось никаких

шансов на то, что какая-либо из стран Западной Европы через Кавказ сумеет утвердиться на Востоке. Особый страх внушало среднеазиатским мусульманским странам вступившее на путь подъема русское государство.

Еще более обострилась политическая ситуация в XVII—XVIII веках. Достаточно вспомнить хотя бы эпоху шаха Аббаса I (1587—1629), который не только подверг неоднократным набегам и превратил в руины царства Картли и Кахети, но и оторвал от родной земли тысячи грузин, силой заставив их переселиться во внутренний Иран. В большинстве случаев грузины, стремясь избежать полного истребления, укрывались во время вражеских набегов в горах. Иран и Турция изыскивали средство и против этого. По их наущению на Грузию стали совершать набеги северокавказские феодалы. Руководимые ими отряды нападали на грузин, укрывавшихся в горах и ущельях от иранских и турецких войск. Восточные политики сеяли раздоры и вражду между самими грузинскими племенами, чему способствовали внутренние неурядицы феодального государства. Братоубийственная резня становилась все более частым явлением в Грузии. . . Уже не было никаких элементарных условий для сколько-нибудь нормальной человеческой жизни.

В этом отношении можно считать достоверными слова одного иностранного путешественника, описывавшего Восточную Грузию XVIII века: «. . .Благословенный край. . . превратился в пустыню, и теперь большинство населения даже не представляет себе, что значит благоустроенная жизнь. Люди укрываются в землянках и ищут только средств к спасению, но большей частью безрезультатно».¹

* Однако грузинский народ даже в самые тяжелые годы не складывал оружия. Путь к спасению постоянно искали передовые общественные деятели. Одной из выдающихся личностей в истории Грузии был царь Вахтанг VI (1675—1737), поэт и ученый, пытавшийся осуществить политическое и культурное возрождение страны.

Первые годы его царствования совпадают с годами детства и отрочества Давида Гурамишвили.

3

Царствование Вахтанга VI приходится на первую четверть XVIII века. Правда, он правил только в Картли, но много сил отдал попыткам объединения грузинских царств и княжеств в единое централизованное государство.

¹ М. А. Полиевктов, Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу, Тифлис, 1935, с. 166.

Были сделаны определенные шаги как во внутренних, так и во внешних делах, достигнуты некоторые успехи в хозяйственно-экономической области. В первую очередь следует отметить приведение в порядок системы дорог и ирригационных сооружений, которые в результате бесконечных войн пришли в почти полное расстройство. Был восстановлен или заново отстроен целый ряд важных сооружений, крепостей и церквей. Прделана работа по составлению уникального свода законов, известных под названием «законы Вахтанга». Долгое время после него они считались основой феодальной организации Грузии.

Особенно важными оказались достижения в области культуры. В 1709 году была основана первая грузинская типография, в которой было напечатано немало уникальных книг. Большая их часть имела учебно-воспитательное назначение. Неизмеримо возрастает значение первой грузинской типографии вследствие того, что здесь в 1712 году было осуществлено первое печатное издание венца грузинской поэтической культуры — бессмертного «Витязя в барсовой шкуре» Шота Руставели.

Вахтанг прекрасно осознавал все значение этого факта и огромную ответственность, которую он возложил на себя, взявшись за осуществление этого издания (до того времени произведение Руставели распространялось только в рукописях), и принял все меры к тому, чтобы книга вышла на соответствующем уровне — как с художественной, так и с научной точки зрения. Он снабдил это издание собственным исследованием историко-филологического характера, заложив тем самым основу научной руставелологии.

Работа, проделанная небольшой группой ученых, которых Вахтанг объединил вокруг себя для осуществления этой задачи, была действительно образцовой. Помимо вышеперечисленных фактов, о высоком уровне научных знаний того времени говорит и то, что именно в это время был приведен в систему уникальный памятник грузинской историографии «Картлис цховреба» («Житие Картли»), поощрялось составление новых летописей. В основу историографии легла национальная концепция.

При поддержке Вахтанга был создан первый словарь грузинского языка, составленный воспитателем Вахтанга, блестящим писателем и ученым Сулханом-Саба Орбелиани (1658—1725).

Сын Вахтанга, Вахушти Багратиони (1695 или 1696—1784), взялся за изучение истории и географии Грузии. Огромный труд его, «Описание Грузинского царства», вместе со словарем Сулхана-Саба Орбелиани явился высшим достижением грузинской научной мысли того времени.

Вахтанг не только поощрял развитие грузинской литературы и особенно — расширение переводческой практики, но и своими произведениями способствовал ему. В то время было переведено немало памятников восточной литературы. Углубились и обрели новое содержание русско-грузинские литературные взаимосвязи. Один за другим с русского языка переводились важные литературные памятники. Эта работа стала еще более плодотворной, когда впоследствии Вахтанг VI возглавил грузинскую колонию в России.

Его неутомимая деятельность, направленная на культурное возрождение Грузии, способствовала дальнейшему развитию страны. Просветительскими тенденциями характеризовалась вся государственная деятельность Вахтанга VI, явное влияние его просветительских идей испытывал и Давид Гурамишвили, ставший затем одним из самых активных последователей литературной школы Вахтанга.

Принципиальную позицию занимал Вахтанг и в вопросах внешней политики. Прекрасно понимая, что агрессивная политика Турции и Ирана по отношению к Грузии могла привести страну к гибели, Вахтанг решил заручиться поддержкой у стран западной цивилизации.

Поиски реального союза с Западной Европой оказались безуспешными (известно, что дипломатическая миссия Сулхана-Саба Орбелиани, совершившего по инициативе Вахтанга путешествие в Европу, потерпела неудачу). С культурной точки зрения эти шаги все же принесли известные плоды и сказались на дальнейшей просветительской деятельности Вахтанга и его соратников.

Подобно своим непосредственным предшественникам, в частности Теймуразу I и царю Арчилу (XVII век), Вахтанг пришел к выводу, что единственным реальным союзником Грузии может стать единоверная Россия, и все последующие политические акции его были направлены на дальнейшее сближение с великим северным соседом.

Конечно же, каждое новое начинание связано всегда с известным риском, но Вахтанг смело пошел на этот риск. В результате этого он, подобно святому Георгию, оказался, пользуясь метафорическим выражением Давида Гурамишвили, лицом к лицу с разъяренными драконами (подразумеваются Иран и Турция).

Непосредственным поводом для конфликта стал военный союз Вахтанга с Петром Первым, на который Вахтанг возлагал большие надежды. Опираясь на военную мощь русского государства, Вахтанг стремился освободиться от «покровительства» Ирана и вернуть захваченные турками южные провинции Грузии. Россия со своей стороны была заинтересована в поддержке Грузии в борьбе с Ираном и Турцией.

Это была исключительно опасная акция: в случае неудачи картлийского царя ожидала жестокая расправа. Следует отметить, что часть грузинских государственных деятелей (в том числе — наследник Вахтанга царевич Бакар) критически относилась к идее Вахтанга.

Русский дипломат Волконский в докладе Петру Первому (1721) именно так представлял создавшееся положение. Он писал, что Вахтанг «видит в Грузии несогласие между шляхетством, а ежели-де войска Ваши введены будут в Грузию, то уже и поневоле принуждены будут многие его партию взять и с ним согласны быть».¹

Как уже говорилось, Давид Гурамишвили в своем «Давитиани» глубоко и объективно описал всю сложность данной исторической ситуации.

23 августа 1722 года русская армия высадилась на каспийском побережье в районе Дербента. Вахтанг VI, согласно договоренности, направился навстречу со своими войсками и, расположившись лагерем в окрестностях Гянджи, ожидал прибытия русских войск, чтобы объединенными силами начать решающее наступление.

Однако эта экспедиция, на которую Вахтанг возлагал такие надежды, не состоялась. Дальнейшему наступлению русских войск, в то время вступивших без боя в Дербент, помешала нехватка провизии, который флотилия не могла подвезти из-за сильных штормов, а также неудовлетворительное состояние конницы. Более же глубокая и скрытая причина состояла в нежелании Петра вступить в открытый конфликт с Турцией, который на том историческом этапе мог осложнить международную политику России.

Вахтанг оказался в тяжелом положении. Он уже полностью разоблачил свою позицию, расположившись лагерем у Гянджи в готовности оказать помощь русским войскам. Шах решил примерно наказать Вахтанга и передал Картли кахетинскому царю Константину, принявшему мусульманство. Восточную Грузию охватила пламя братоубийственной войны. Этим не преминула воспользоваться Турция, и Картли была захвачена турецкими сераскирами. Возрожденный трудом Вахтанга Тбилиси завоеватели сровняли с землей.

В 1724 году Вахтанг, не способный противостоять турецкой агрессии, был вынужден покинуть Картли. Со свитой, состоявшей из 1200 человек, он эмигрирует в Россию в надежде, что скоро вместе с русскими войсками вновь вернется на родину.

Однако дальнейшие политические события разрушили планы Вахтанга. Это было его последнее прощание с родиной, горечь кото-

¹ Цит. по кн.: Г. Г. П а й ч а д з е, Русско-грузинские отношения в первой половине XVIII в., 1970, с. 45—46.

рого он позднее выразил в поэтических строках. Главное, однако, было в том, что, несмотря на его личную трагедию, избранная им политическая ориентация была совершенно правильной, как это подтвердила дальнейшая историческая жизнь грузинского народа.

4

Давид Гурамишвили стал не только очевидцем, но и участником трагических событий в истории Грузии. Пройдут годы, и он с поразительной точностью и объективностью (правдивость — главный принцип его творчества) опишет в своем «Давитиани» ужасающие эпизоды бедствий Грузии. Проследим, однако, те неожиданные перипетии, которыми была полна жизнь поэта.

В поэтических строках «Давитиани» Гурамишвили рассказывает о своей деревне Сагурамо, где жили его родители, многочисленные родственники и где прошло его отрочество. Он рассказывает не только о бедствиях, но и о том, как его односельчане справляли традиционные праздники, какие песни они пели, в какие праздничные одежды наряжались в эти дни девушки его родного села.

Юный Гурамишвили, как видно, уже принимал участие в боях, которые с первым криком петуха на рассвете чуть ли не каждый день ожидали его соотечественников. Как непосредственный участник, делится он воспоминаниями о крупной битве на равнине близ Гори, называемой Зедавела. Это была одна из братоубийственных стычек. Победа в этой битве была равноценна поражению, поскольку фактически здесь сражались друг с другом различные грузинские племена. С болью вспоминает поэт о зедавельской трагедии, в которой войско его любимого царя Вахтанга, в рядах которого, как видно, сражался и молодой поэт, потерпело еще одно поражение:

От рассказов этих горьких
И в гортани горько стало!
Зедавельская долина
Ополчений не вмещала.
Атакуя, войско турок
Одолели мы сначала,
Но потом разбиты были:
Нас измена доконала.

Страшный день! Отряды турок
Проливали кровь невинных,
Обезглавливали женщин,
Чернецов, простолюдинов.

Наши головы возили
На арбах, в больших корзинах,
Мертвецов не хоропили, —
Грызли волки их в долинах.

Зедавельская битва произошла 14 октября 1723 года. За нею, как мы видели, последовала эмиграция Вахтанга и его приближенных. Восточную Грузию охватила анархия.

Почти во всех стратегически важных крепостях турки установили свои гарнизоны. Они обложили непосильной податью и постоянно грабили мирное население Картли и Кахети. В одном историческом документе того времени прямо сказано: «Картли пришла в полное расстройство. Население разбежалось: кто бежал в Имерети, кто — в Джавахети, а кто — в Кахети от притеснений врагов». ¹ Рынки Турции и Крыма были полны пленными грузинами, которых за гроши продавали завоеватели. Гурамишвили с огромной поэтической силой нарисовал картину разорения, вызванного внутренними и внешними врагами:

Перечислить беды Картли
Только мудрому по силам.
Стала плевелом пшеница —
Был огонь ей молотилом.
Десять душ один неверный
Убивал с великим пылом,
Там, где двое появились, —
Сто повертывались тылом.

Злой ингуш, черкес и турок,
Перс, дидоец и лезгия,
Чтоб хоть раз унижить Картли,
Выходили из теснин.
Вслед за тем возникла смута,
На грузина встал грузин.
От меча родного брата
Пал в сраженьи не один.

Вскоре сам Гурамишвили и его семья стали жертвой этой страшной смуты. Это произошло в 1727 году. Давиду было в то время 22 года; он, как видно, незадолго до того женился. Жена его, из дворянской семьи Гараканидзе, жила в селе Ламискана, в нескольких десятках километров от Сагурамо.

¹ Цит. по кн.: «История грузинской литературы в шести томах», т. 2, Тбилиси, 1966, с. 553 (на грузинском языке).

Читателю следует запомнить название этого села, ибо именно там разыгралась трагедия, в результате которой поэт оказался навеки оторванным от родной земли (жители этого села и поныне свято хранят память о поэте и ежегодно вместе с многочисленными гостями отмечают посвященный ему праздник, носящий название «гурамишви-лоба»).

В то время, опять-таки из страха перед возможным нападением лезгин, семья Гурамишвили переехала к своим новым родственникам в село Ламискана. Оказалось, однако, что и туда свободно добрались враги. В один июльский день на Давида здесь напали лезгины. С документальной точностью описывал поэт впоследствии историю своего пленения.

Жатва и уборка урожая в Грузии, как и в других странах древней культуры, составляли целый ритуал. В соответствии с развитыми здесь различными отраслями хозяйства особое значение приобретали те дни, когда начинался сенокос, жатва или сбор винограда. В назначенный день каждая семья приглашала соседей (или наемных работников) в помощь. Каждое такое приглашение, разумеется, завершалось ритуальным пиршеством (обычай этот называется «мамитади»).

В это время и родичи Гурамишвили, Гараканидзе, готовились к жатве. Подготовка мамитади была поручена Давиду, который с утра приступил к ней вместе с двумя помощниками. На берегу речки Ксани, где находилось поле Гараканидзе, и поныне бьет прозрачный ключ. В ожидании работников Давид снял с себя оружие, оставил его у корней дуба и пошел к источнику умыться.

Этим воспользовался притаившийся в кустах отряд вооруженных лезгин (как рассказывает поэт, их было человек пятнадцать). Нападение было настолько быстрым и неожиданным, что оказать сопротивление никто не успел. Связанного по рукам Давида увели из Ламискана на север. В жизни Давида Гурамишвили началась совершенно новая пора, доставившая поэту бесчисленные муки и страдания.

5

Кто бывал в горных районах Грузии или переходил пешком через Тушету, Пшавию и Хевсурети в Дагестан, может хорошо себе представить, сколько мучений перенес связанный пленник на этом пути, тем более что, опасаясь преследователей, похитители вели его по бездорожью. С адскими муками сравнивал поэт свои страдания:

Тут они меня схватили,
Руки-ноги мне связали,

По тропинкам, по тущобам
За сто гор меня угнали.
Проливал я слез потоки,
Изнывал я от печали.

Его привели в аул, расположенный на Главном Кавказском хребте и носящий название Унцукуль. Эта деревня стала более известной впоследствии в связи с эпопеей Шамиля, как один из его опорных пунктов.

Беря поэта в плен, враги преследовали одну цель: они хотели обменять Давида, как и других пленных грузин, на скот или же продать его крымским купцам, часто посещавшим дагестанские рынки, на которых торговали пленными.

По словам Гурамишвили, лезгины несколько раз пытались его продать, и, если бы не упрямое стремление поэта к свободе, кто знает, на какой восточный рынок попал бы он, где затерялся бы, подобно многим тысячам угнанных в рабство грузин, где угас бы его высокий дар.

Как известно, дагестанскому пленению поэт посвятил несколько лирических шедевров. Они отличаются конкретностью видения и высокопоэтическим обобщением. Перед глазами читателя разворачиваются потрясающие картины физических и моральных страданий. Плен оказался огромным испытанием духовных сил поэта. Он гордо переносил всевозможные унижения и постоянно думал о родине, о близких:

Но судьбою был заброшен
Я на север от Кубани.
Горе мне! О, кто б со мною
Разделил мои стенанья!

В одном из стихотворений, посвященных этим дням, поэт воссоздает те возвышенные гимны, в которых с верой и надеждой он обращался к небесным силам, призывая их помочь ему в мучительном плену:

О пленительная ликом!
Отблеск вечного светила!
Ни одна страна на свете
Мне тебя не заменила.
Сделай так, чтоб в отчих землях
Приняла мой прах могила!

Гурамишвили не намерен был терпеть такую жизнь и не предавался одним только молитвам. Он принял непоколебимое решение

не сдаваться на милость судьбе и попытался бежать. Его поймали и жестоко избили, но эта неудача не сломила его твердую волю.

Гурамишвили снова бежит от своих насильников. Ценою колоссального душевного и физического напряжения он преодолевает тысячи препятствий и на этот раз избавляется от плена. Одиннадцать дней он скитался в горах и, как сам же рассказывает, изголодавшись и дойдя до грани физического изнеможения, лишь на двенадцатый день достиг он «русской окраины», оказавшись тем самым в безопасности. Описывая в «Давитиани» историю своего бегства, поэт рисует впечатляющие картины переменчивости своей судьбы, своих душевных переживаний. Красноречивые, живо написанные эпизоды сменяют друг друга и блестяще увенчиваются сценой встречи с русскими казаками, которые протянули беглецу руку помощи и предложили измученному поэту хлеба:

Слово «хлеб» я знал по-русски,
Слышал я его и ране.
Услыхав его, я понял,
Что на русской я окраине.
И душа, забыв о муке,
Погрузилась в ликованье,
И, как сноп, я там на землю
Повалился без сознания.

Был казак в селеньи этом,
Мне ниспосланный судьбою.
Как родной отец за сыном,
Он ухаживал за мною.
Обнял он меня с любовью,
Оросил мне грудь слезою...

Так впервые вошел в грузинскую поэзию образ простого и великодушного русского труженика. Однако в этом конкретном факте можно увидеть и нечто большее. Он приобретает известное символическое значение на пути становления и развития русско-грузинских дружественных отношений, в которые огромный вклад внесли Вахтанг VI, Давид Гурамишвили и передовые государственные деятели Грузии.

6

Маршрут своего бегства поэт, видимо, продумал еще в плену:

Путь на север по светилам
Находил я неустанно;

Семь планет проводниками
Мне служили постоянно.

Преодолеть Кавказский хребет и вернуться в Грузию было фактически неосуществимой мечтой, причем Давиду хорошо было известно, какое тяжелое положение было тогда в Восточной Грузии.

Единственным путем к спасению был «путь на север». Русские поселения уже вплотную примыкали к Дагестану, а в Москве, как он знал, находился его великий учитель Вахтанг VI со многими грузинскими общественными и государственными деятелями.

При поддержке своих новых русских друзей и покровителей поэт, покинув Терек, через Астрахань уже в 1729 году прибыл в Москву, ко двору Вахтанга.

В Москве поэт нашел, если можно так выразиться, «маленькую Грузию». Здесь был Вахтанг со своими высокообразованными сыновьями Вахушти и Бакаром, многочисленная свита Вахтанга — выходцы из лучших грузинских семейств. Здесь поэт встретил своего брата Христофора, также весьма образованного человека, дядю Мераба Гурамишвили и других близких людей.

В Москве, при дворе царя Вахтанга, поэта приняли с радостью и почетом. Ему была пожалована довольно высокая должность начальника арсенала, под его начало передали склады оружия, необходимого для будущих боев за освобождение Грузии, надежды на которое Вахтанг еще не утратил.

Правда, великого покровителя и друга Вахтанга Петра Первого уже не было в живых, но авторитет Вахтанга в восточных делах был еще достаточно значительным. Наследники Петра с большим уважением относились к Вахтангу и к его многочисленной свите; русское правительство выделяло крупные средства для поддержания былого блеска при дворе грузинского царя.

Годы, проведенные в Москве при дворе царя Вахтанга, не прошли для Давида Гурамишвили бесследно. Двор грузинского царя стал важным центром культурно-просветительской деятельности.

Основы русско-грузинских культурно-литературных связей были заложены задолго до того. Особенно важным периодом в этом отношении был конец XVII века, когда в Москве навсегда поселился царь Арчил, руководивший развернувшейся здесь культурно-просветительской работой. Как известно, Петр Первый находился в дружеских отношениях с Арчилом и его семьей. Он пожаловал грузинам поместья под Москвой, заложив тем самым прочную основу московской грузинской колонии. Арчил избрал своей резиденцией село Всехсвятакое (располагавшееся в районе нынешнего Сокола).

Широкая культурная деятельность Арчила и его сына Александра (ближайшего соратника Петра Первого, назначенного им первым фельдцейхмейстером артиллерии) общеизвестна. Здесь, в Москве, они основали грузинскую типографию, печатали грузинские книги, переводили необходимую литературу по различным отраслям знания. Так, например, Арчил перевел с русского «Православное вероисповедание» Петра Могилы, сын его перевел одно из сочинений известного русского просветителя Симеона Полоцкого и т. д. Посредством переводов с русского грузины познакомились также с западноевропейской литературой того времени.

Как и следовало ожидать, эта работа приобрела еще более широкий масштаб с 1725 года, когда в Москву прибыла многочисленная свита Вахтанга VI. Справедливо отмечается в научной литературе, что «грузины, направлявшиеся на север в надежде на лучшее будущее, помимо военно-политических, преследовали также учебно-культурные цели — ознакомление на месте с достижениями русской культуры и их освоение. Без этого путешествие столь большого числа образованных людей в такую даль было бы непонятно».¹

В особом почете при дворе Вахтанга была литература. Проводились поэтические турниры. На одном из них Давид Гурамишвили, как он вспоминает, нанес жестокое поражение поэту Джавахишвили. Здесь, в московской грузинской колонии, снискал он славу поэта (из его ранних стихов дошли до нас лишь немногие). Просветительская струя поэзии Давида Гурамишвили берет свое начало в годы, проведенные в Москве (стихи «Давитиани» дидактического характера и др.); здесь же познакомился он ближе с достижениями русской литературы и науки и произведениями русского народно-песенного творчества, плодотворное влияние которого так ясно видно в некоторых его лирических стихах (иногда он даже указывает на соответствующие источники). Мы имеем, таким образом, все основания сказать, что подлинно демократический характер его поэзии в значительной мере, наряду с грузинским народным творчеством, определило и его глубокое знание русского фольклора.

К сожалению, однако, такой подъем в жизни вахтанговской колонии продолжался недолго. Уже начиная с 1734 года, вследствие перераспределения политических сил на мировой арене (обострение русско-турецких отношений, конфликты со Швецией и Пруссией и т. д.), русские войска были выведены с Северного Кавказа, и надежды Вахтанга VI на освобождение Грузии с помощью русских

¹ «История грузинской литературы», т. 2, Тбилиси, 1966, с. 523.

войск не сбылись. Он отошел от политической деятельности и на правах простого смертного избрал местом жительства Астрахань, где и скончался в 1737 году (во впечатляющей траурной оде «Кончина царя Вахтанга. . .» оплакал Давид Гурамишвили великого сына Грузии).

Обезглавленная грузинская эмиграция оказалась перед дилеммой — вернуться на родину или же согласиться на предложение русского правительства остаться в России, принять русское подданство и поступить на государственную службу. За это правительство предлагало эмигрантам крепостных и поместья в разных губерниях России (князьям по сорок, а дворянам — по двадцать дымов, то есть дворов крепостных крестьян).

Для Давида Гурамишвили мысль о возвращении на родину была беспочвенной мечтой. У него были точные сведения о том, что в Грузии царил такая же смута, как и ранее. Поместья его были разорены, а в Картли и Кахети правила враждебная Вахтангу ветвь царской фамилии.

Вместе с большинством членов грузинской колонии Давид решил перейти в русское подданство.

С этого дня жизнь поэта была навсегда связана с Россией и его второй родиной, Украиной.

В тот же период из оставшихся в России грузин была сформирована грузинская гусарская рота, которая вскоре количественно выросла и была переименована в гусарский полк. Давид Гурамишвили вначале служил рядовым, при завершении воинской службы достиг чина поручика (следует заметить, что вместе с ним в гусарском полку в качестве добровольца находился его престарелый дядя Мераб Гурамишвили).

Поселение грузин на Украине шло не так уж быстро (ему препятствовало враждебное отношение местных помещиков, а также незаконные действия некоторых русских чиновников). Так или иначе, но к 1741 году распределение поместий завершилось. По точным сведениям, Давиду достались поместья в Миргороде и в расположенной в 8 километрах от него деревне Зубовка — всего до 30 семей крепостных, что также подтверждается архивными данными.

Однако у Давида первое время все же не было условий для нормальной жизни и, разумеется, для литературного творчества. Жизнь еще готовила ему суровые испытания. В непрерывно сменявших друг друга войнах грузинские гусары, в рядах которых находился и Давид Гурамишвили, самоотверженно сражались под русскими знаменами, закладывая основу для дальнейшего укрепления русско-грузинского содружества. Отважный воин Давид Гурамишвили, полу-

чивший боевое крещение еще на родине, в течение ряда лет с честью выполнял свой долг бесстрашного воина-гусара.

С 1739 года полк грузинских гусар участвовал в так называемой Крымской войне, целью которой было обуздание турецкой экспансии в Причерноморье и на Балканах.

Это была тяжелая, изнуряющая и длительная война против многочисленной турецкой армии (достаточно сказать, что русские войска совершили гигантский марш-бросок, без отдыха пройдя почти тысячу километров). Она закончилась блистательной победой русского оружия. Под Ставучанами и Хотинном русская армия нанесла жестокое поражение огромной армии Оттоманской империи, которой командовали лучшие турецкие полководцы.

Главкомандующий русскими войсками фельдмаршал Миних, восхищенный мужеством грузин, писал в докладной записке Высшей военной коллегии: «...Грузинская гусарская рота... через всю кампанию находилась, и той роты офицеры и рядовые противу неприятеля поступали так, как надлежит весьма храбрым и надежным людям, каковыя при армии весьма быть потребны».¹

Известно также, что в этой войне, завершившейся блестящей победой русского воинства, вместе с другими своими соотечественниками прославился и Давид Гурамишвили. Из рядовых гусар он был произведен сперва в чин капрала, а затем — квартирмейстера роты; с 1740 года он получил чин вахмистра.

Вскоре грузинские воины были переброшены на север, и в 1741—1742 годах они сражаются со шведами (Швеция требовала, чтобы Россия отказалась от территорий, завоеванных Петром Первым). В этой войне грузинские гусары также отличились.

Только после этой кампании вернулись грузины на Украину. Гурамишвили приступил к приведению в порядок своих поместий, которые, как мы знаем из его поэмы, находились в запущенном состоянии, а хозяйство пришло в полное расстройство. Поэт, видимо, еще не успел закончить своих хозяйственных дел, как грузинский гусарский полк был снова призван на войну. Возможно, этими превратностями полной неожиданностей жизни навеяны строки:

Много проса получил я,
Да не смог отведать мчади:
Мне в другое ехать место
Было велено без клади.

¹ Цит. по кн.: С. И. Кубанейшвили, Давид Гурамишвили в грузинском гусарском полку, Тбилиси, 1955, с. 67 (на грузинском языке).

В середине XVIII века вместе с другими государствами Европы против экспансионистской политики Фридриха II активно выступает и Россия. В 1756 году началась Семилетняя русско-прусская война.

В этой жестокой и кровопролитной войне поэта ждала новая беда. В знаменитой битве под Кюстрином, когда чаша весов колебалась то в одну, то в другую сторону, русская и грузинская коница после первого вынужденного отступления с молниеносной быстротой атаковала врага. Отряды пруссаков дрогнули и в беспорядке стали отступать. Бежавшего врага преследовал и Давид, но лошадь его внезапно увязла в болоте, а всадник, падая, повредил плечо. Здесь на него неожиданно наткнулся оторвавшийся от основных сил отряд пруссаков и взял его, находившегося почти без сознания, в плен. Это произошло 15 августа 1758 года. Вместе с другими пленными Гурамишвили заключили в Магдебургскую крепость.

Сколько времени Давид провел в плену? Когда вернулся он на Украину? Полагали, что он был освобожден только после окончания Семилетней войны, то есть в 1763 году. Однако материалы, обнаруженные за последнее время в русском военном архиве, документально подтверждают, что Гурамишвили вернулся на Украину раньше.¹ 4 октября между Россией и Пруссией был заключен договор об обмене военнопленными. Видимо, именно в силу этого договора Гурамишвили был освобожден 7 декабря 1759 года.

Поэт вернулся из плена больным. Поврежденное плечо вылечить уже не удалось, и он был отчислен из родного полка, находившегося тогда еще на военном положении.

Как выясняется из тех же документов, высшие власти оценили его боевые заслуги. Ему была оказана материальная поддержка, и в 1760 году в чине поручика он вышел в отставку (ценные материалы для военной биографии поэта содержит его челобитная на имя российской императрицы Елизаветы и другие документы, хранящиеся в Центральном военном архиве).

Вернувшись на Украину, поэт нашел свое имение полностью разоренным, что произвело на него весьма тягостное впечатление. В стихотворении, озаглавленном: «Плач о том, как Давид Гурамишвили попал в плен в Пруссии и потерял даже то, что имел для своего пропитания», поэт рассказывает о своем отчаянном настроении и душевной неприютности.

Однако Давид, по-видимому, вновь собрался с силами и вместе со своей молодой супругой Татьяной Васильевной, на которой он же-

¹ См.: С. Кубанейшвили, Давид Гурамишвили в грузинском гусарском полку, Тбилиси, 1955 (на грузинском языке).

нился в Россию, стал восстанавливать разоренную усадьбу, приводить в порядок хозяйство.

Проходят десятки лет, прожитые поэтом на Украине, но, как видно из его творчества, немало ночей провел он в мыслях о родине, о Сагурамо и Зедазени, где находились могилы его предков.

Мы не располагаем точными сведениями о его деятельности в это время. Видимо, Давид был активным членом нового поселения грузин на Украине и пользовался большим авторитетом (потомки грузинских поселенцев и ныне живут в этом районе).

Однако яснее всего свидетельствует о деятельности Давида Гурамишвили его книга «Давитиани» — самое ценное, что мог он оставить в дар родному народу. Каждая строка «Давитиани» — искренняя исповедь великого поэта, выражение его огромного жизненного опыта. Он ждал только подходящего случая, чтобы переслать свою книгу, свое любимое детище, на родину, и случай этот наконец представился. В 1787 году, когда на Украине (в Кременчуге) при дворе Потемкина находилось грузинское посольство во главе с сыном Ираклия II царевичем Мирианом, Гурамишвили с упованием и надеждой передает ему свой сборник стихов. Именно благодаря этому счастливому случаю книга «Давитиани», проделав огромный путь, прибыла на родину поэта.

С удивительной трогательностью относился поэт к тому народу, среди которого провел он большую часть своей жизни. Он сблизился с тружениками Украины, изучил их быт и духовную культуру. В его лирических стихах звучат русско-украинские фольклорные мотивы, а в поэме «Веселая весна» (или «Пастух Кацвия») гармонично сочетаются яркое описание украинских и грузинских народных обычаев, бытовые и фольклорные элементы. Исследователи грузинской и украинской литературы справедливо отмечают, что в своем лирическом шедевре «Зубовка» Гурамишвили одним из первых воспел красоту украинской женщины.

В своей практической хозяйственной деятельности он искренне стремился облегчить тяжелые материальные условия украинского крестьянина, разрабатывал, в частности, проект системы, необходимой для орошения нив Полтавщины, страдавших от засухи, пытался также внедрить на Украине водяные мельницы грузинского типа и даже составил необходимые чертежи, добываясь практического осуществления своей идеи.

До сравнительно недавнего времени мы не располагали точными сведениями о том, сколько лет прожил Давид Гурамишвили и где был предан земле прах поэта, оторванного от родины. В настоящее время оба эти вопроса решены: украинский исследователь Дми-

трий Косарик обнаружил материалы, из которых видно, что поэт дожил до глубокой старости. Он скончался 24 июня (по старому стилю) 1792 года. Была найдена и могила поэта. Прах его покоится и Миргороде, в храме Успения богородицы.

Светлую память о Давиде Гурамишвили вместе с грузинским народом свято хранит и братский украинский народ. Свидетельство тому — памятник Гурамишвили в Миргороде и мемориальный музей. Имя его стало своеобразным символом единения и дружбы двух братских народов нашей страны.

7

В творчестве каждого истинного художника проявление национального духа неразрывно связано с его личной судьбой. Чаяния и страдания народа, к которому принадлежит поэт, отображенные в его творчестве, обретают огромную силу художественного воздействия, вызывают ответное сочувствие читателя. Тогда мы верим ему и смело входим в этот таинственный мир; без этого невозможно говорить о высокой поэзии. Только поэзия, идущая по пути исторической и социальной правды, сохраняет то вечное очарование, перед которым оказываются бессильными века.

На первый взгляд может показаться, будто только личные переживания выражены в известных строках Давида Гурамишвили:

Я болезнь свою скрываю,
Но она не хочет скрыться.
Замирает в муках сердце,
Беспокоит поясница.
Хорошо ли, если пахарь
С плугом в гору громоздится?
Грех тому, кто нас заставил
С нашей родиной проститься.

В контексте его творчества эти слова воспринимаются как горькая исповедь человека, задумавшегося о судьбе родины, о жестоких испытаниях, выпавших на ее долю. Здесь личная скорбь перекликается с глубоко переживаемой автором трагедией народа, приобретающая ту силу обобщения, которая только и может служить главным критерием оценки всякого художественного произведения.

Прежде чем коснуться особенностей поэзии Давида Гурамишвили, следует сказать несколько слов о том культурно-историческом окружении, в котором вырос и сформировался он как поэт и мыслитель.

литель. Это тем более необходимо, поскольку период в истории мировой культуры, пришедший на смену античности, считался в буржуазной историографии эпохой мрака и невежества. Одними из первых отвергли эту точку зрения классики марксизма.

Руководящим в этой связи должно стать для нас высказывание Фридриха Энгельса, который, характеризуя ограниченность подобных взглядов, писал: «На средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории, вызванный тысячелетним всеобщим варварством. Никто не обращал внимания на большие успехи, сделанные в течение средних веков: расширение культурной области Европы, образование там в соседстве друг с другом великих жизнеспособных наций, наконец огромные технические успехи XIV и XV веков. А тем самым становился невозможным правильный взгляд на великую историческую связь, и история в лучшем случае являлась готовым к услугам философов сборником примеров и иллюстраций».¹

В связи с творчеством Давида Гурамишвили нас особенно интересуют те качественно новые черты, которые внесло в историю человеческой культуры средневековье.

Известный французский ученый Гюстав Лансон в своей «Истории французской литературы», резюмируя успехи, достигнутые средневековьем в области духовных ценностей, подчеркивает, что этот отрезок истории человечества был не только сам по себе плодотворен, но и подготавливал будущее. Средние века, развивавшиеся в основном под знаком христианской культуры, отмечены выдающимися достижениями почти во всех областях художественного творчества.

Достаточно было бы напомнить здесь о христианской духовной литературе с ее многочисленными отраслями. Ее развитие знаменует определенный важный этап духовной жизни человечества (богатейшие материалы в этом отношении содержит духовная литература народов христианского мира — греков, славян, грузин, армян и др.). Христианская культура выдвинула на передний план проблемы личного совершенствования человека и выявила новые нравственные категории. Развиваясь по этому пути, духовная литература закладывала основы для возникновения качественно нового эстетического идеала.

Это в равной мере касается не только определения нравственных, этических категорий, но и достижений в области художественного мышления. Взять хотя бы такой фундаментальный момент

¹ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 21, М., 1961, с. 287—288.

художественного мышления, как символизация реальных явлений. В своей известной книге, посвященной Андрею Рублеву, Д. С. Лихачев совершенно справедливо замечал, что при таком художественном освоении действительности вскрываются не только конкретные признаки явления, а его вечная сущность, и эпитеты подчеркивают по преимуществу идеальный признак предмета, составляющий его «вечный» «духовный» смысл. Этот огромный опыт, накопленный развитием художественной мысли, в значительной части обусловлен именно достижениями христианской культуры (здесь, конечно, наряду с духовной литературой подразумеваются различные отрасли пластического искусства и т. п.).

Все вышесказанное непосредственно касается не только вообще грузинской духовной культуры, но и поэзии одного из представителей последнего периода грузинской средневековой литературы, Давида Гурамишвили, в творчестве которого своеобразно преломляются некоторые стилистические особенности духовной литературы.

В жизни таких стран, как Грузия, христианство сыграло конкретную историческую роль. Оно объединяло народ в его борьбе против экспансии восточных государств. С этой точки зрения христианство в Грузии выполнило миссию определенной национальной идеологии.

Принципиально ошибаются, однако, те исследователи, которые ищут полную аналогию между религиозной идеологией (в данном случае — христианской) и мировоззрением того или иного автора. Чем крупнее художник, тем меньше коэффициент такого совпадения, соответствия.

Здесь достаточно было бы сослаться на двух художников мирового значения, величайших представителей средневековой литературы — Данте Алигьери и Шота Руставели.

Несмотря на глубоко христианскую настроенность и на религиозную модель изображаемого мира, автор «Божественной комедии» стоит на собственной мировоззренческой позиции и формулирует новый идеал человека. Именно за поиски новых путей мышления назвал его Энгельс последним поэтом средневековья и вместе с тем первым поэтом нового времени.

Мировоззрение автора «Витязя в барсовой шкуре» возникло на основе христианской религии, и поэтому именно идеологическое содержание творчества Шота Руставели глубоко связано с национально-исторической почвой (несмотря на то, что внешне сюжет поэмы разворачивается в странах мусульманского вероисповедания).

Главное, однако, состоит в том, что, как бы ни зависел Шота Руставели от христианского мировоззрения, в какой бы дозе ни ска-

зывались в его мышлении следы христианских или иных средневековых учений, остается фактом, что гениальный поэт идет своим путем и предлагает нам собственное понимание жизни, собственное мировоззрение.

Руставели смело поставил совершенно неожиданную для средневековья проблему: о месте человека, о его уделе в земной жизни — и нашел для нее поистине ренессансное решение.

Постановка глубоко человеческих проблем в «Витязе в барсовой шкуре» уже сама по себе была игнорированием официальной религии.

Новых высот мировоззрения Руставели достиг не путем рефлексии и логического мышления, а своей гениальной поэтической интуицией. Важнейшую роль сыграла в этом грузинская действительность XII века.

Краеугольным камнем мировоззрения Руставели является возвышенный гуманизм, пронизывающий от начала до конца всю поэму, всю ее художественную систему, ее персонажей, которые своим ренессансным духом решительно разрушают средневековые христианские эстетические и этические рамки.

Художественное видение поэта в первую очередь направлено в сторону земного, реального мира. На вопрос о том, какими факторами обусловлена явно ренессансная струя в творчестве Руставели, современная руствелология дает вполне определенный ответ, но рассуждения об этом увели бы нас далеко от нашей темы.

В творчестве Гурамишвили христианская идеология преломляется сквозь иную призму, но, как и у его великого предшественника Руставели, и надо сказать — в гораздо более мистических красках (это обуславливалось обостренными противоречиями эпохи), в нем широко отразились нравственные начала, характерные для христианского мышления, или отдельные художественные мотивы, истоки которых лежат в библейских книгах. Ниже мы увидим, как своеобразно использует Гурамишвили такой, например, раздел христианской литературы, как духовная поэзия (гимнография), но и здесь очевидна та же диалектика приятия и преодоления христианской культуры, какая была отмечена выше в связи с мировоззрением Данте Алигьери и Шота Руставели.

Гурамишвили в им же самим модернизированные, можно сказать, духовные гимны внес земную, светскую струю, да иначе и быть не могло. Давид Гурамишвили прежде всего — великий поэт и сын своего народа. Его поэтическое чутье преодолевало глубокие душевные противоречия; вместо христианско-мистического созерцания и терпеливого ожидания вечного блаженства он горел жизненным ог-

нем, страдал болью своей родины и создавал песни, которые были для него дороги и любимы, как собственные дети, — песни, которые, он верил в это всей душой, станут друзьями грузина и в горе и в радости.

8

«Давитиани» — художественная летопись Грузии XVIII века. Особенно важна в этом отношении первая часть книги, известная под названием «Бедствия Грузии». Гурамишвили, как уже говорилось, избрал совершенно своеобразный способ изложения и в волнующей форме поведал об исторических судьбах своего народа. Своеобразие повествования обусловлено в первую очередь тем, что, воссоздавая картины грузинской жизни, он одновременно рассказывает и о своих собственных злоключениях. Это придает страницам «Бедствий Грузии» удивительную непосредственность. Здесь эпос и лирика постоянно сменяют друг друга; и по форме своей это — уникальное произведение (в этом отношении поэма «Бедствия Грузии» превосходит поэмы того типа, интереснейшие образцы которого были созданы в грузинской литературе XIX века, — например, «Судьба Грузии» Н. Бараташвили, поэмы И. Чавчавадзе и А. Церетели и др.).

Автор «Бедствий Грузии» выступает как мужественный и честный летописец. У Гурамишвили культ правды возведен, если можно так сказать, до уровня веры. Нужно смело смотреть в глаза правде, какой бы горькой она ни была. Измена правде есть измена родине и народу. Вместе с тем говорить правду — и трудно, и опасно (старая грузинская пословица гласит: «Говорящий правду должен держать коня оседланным»), но без большой смелости, требующейся для того, чтобы сказать правду, нечего и говорить об исцелении родной страны. Своеобразным девизом поэмы «Бедствия Грузии» могли бы послужить замечательные слова Гурамишвили:

Говорить я буду правду,
Не глашатай я химере.
Недостойных не прославлю,
Не унижусь в лицемерьи.
Пусть хоть голову снимают
С плеч моих, — по крайней мере,
Не сравню кого попало
С достославным Кахабери.

Такая принципиальная позиция автора придает «Бедствиям Грузии» возвышенное звучание как в социальном, так и в национальном

плане. Здесь беспощадно вскрываются общественные пороки, обли-
чаются и внутренние, и внешние враги грузинского народа — все те,
кто виновен в его страданиях.

Вопрос о том, быть или не быть Грузии, стоял в то время дей-
ствительно с небывалой остротой. Феодальные противоречия разди-
рали ее изнутри. Грузинскому крестьянину негде было укрыться.
Притесняемое жестокими помещиками трудовое население перебегало
из одной области Грузии в другую (это явление в XVIII веке при-
няло массовый характер), но ничто не могло его спасти: одного поме-
щика просто сменял другой. Именно в эту эпоху распространилась
эпидемия другой, еще более страшной социальной болезни — так на-
зываемое «пленопродавство», или торговля пленными. Она постепен-
но привела к тому, что феодалы, стремясь восполнить ущерб, причи-
няемый им упадком сельского хозяйства, продавали своих крепост-
ных работорговцам, прибывавшим с невольничьих рынков Востока.

Участились братоубийственные войны, возникавшие на почве
феодальных распрей. Ослабевшая центральная власть была бессильна
обуздать феодалов, прекратить их постоянные столкновения. Круп-
ные князья, жаждавшие власти, поочередно вступали в союз с чуже-
земными силами и сами же способствовали их вторжению в Гру-
зию.

Выше уже говорилось о том, как обострилась международная
обстановка. Несколько крупных государств оспаривали друг у друга
право окончательно завладеть ослабевшей Грузией.

В описании бедствий Грузии правдивый летописец и взволнован-
ный очевидец дополняют друг друга. Удивительная точность в из-
ложении фактов и способность к их глубокому анализу позволяют
поэту выявить социальные и политические причины, которые при-
вели страну на край гибели. И все же в поэме доминирует чувство
художника, огромная эмоциональная напряженность. В пластически
нарисованных картинах каждый эпизод, описанный с потрясающей
жизненной правдой, украшен обобщенными художественными обра-
зами, смелыми метафорами. Именно Гурамишвили принадлежит фи-
гуральное выражение — Грузия его эпохи похожа на неправильно
вспаханное поле; поэт изображает пахаря, идущего за сохой в гору,
тогда как другой с кривой бороною спускается вниз, ему навстречу.
За этим художественным сравнением следует суровый вывод:

Тот, кто действовать способен
С безрассудством столь нелепым,
Пусть меня не угощает
Дурно выращенным хлебом.

А затем прямо указано, кого подразумевает поэт:

Что вспахали кахетинцы,
В гору двигаясь с сохой, —
Заровняли карталинцы
Кривобокой бороною.

С такой же смелостью и справедливым гневом уподобляет поэт братоубийственную резню в Грузии драке петухов, в пылу ссоры забывших о главном враге, который овладевает обоими без труда.

Смелое обличение недостатков, прямое и нелюбезное выявление общественного порока и точность выводов — вот чем определяется социальный пафос поэмы «Бедствия Грузии», ставшей свидетельством большого художественного чутья автора и правильного осознания им исторической перспективы.

Культурное движение эпохи Давида Гурамишвили, как уже говорилось выше, ставило перед собой просветительские цели. Грузинские ученые и писатели, не щадя сил, трудились для того, чтобы страна, отставшая в культурном отношении из-за превратностей исторической судьбы, смогла идти в ногу с современной цивилизацией. Им удалось до некоторой степени возродить традиции древней классической эпохи, а также обеспечить широкое развитие переводческой практики. Особое внимание уделялось так называемому дидактическому направлению в литературе. Именно в то время на грузинский язык были переведены памятники дидактического содержания как из восточной (например, «Калила и Димна» и др.), так и из античной литературы. При поддержке и участии самого руководителя этого движения, Вахтаंगा VI, с русского языка было переведено несколько сборников назидательного характера (среди них следует отметить краткие дидактические наставления, так называемые апофтегмы, и др.). Писались оригинальные сочинения в дидактическом роде. Так, например, именно в то время был создан блестящий сборник басен Сулхана-Саба Орбелиани («Книга мудрости вымысла»), главная тема которого — именно вопросы обучения и воспитания.

Цель грузинских просветителей была совершенно ясной. Вероятно, ни в чем так не нуждалась разоренная и притесняемая внутренними и внешними врагами Грузия, как в образованных и просвещенных людях, способных самоотверженной борьбой и трудом принести народу обновление.

В силу понятных причин Давид Гурамишвили отводит этой теме большое место в своем произведении. Первые главы «Давитиани» фактически касаются вопросов обучения и воспитания («Наставления для обучающихся») и свидетельствуют о гуманизме и демократиче-

ском духе автора. Здесь изложен целый нравственный кодекс, назначение которого — пробудить у молодого читателя стремление к учебе. Подобно тому, говорит поэт, как всякое творение природы устремляется к солнцу, человек обязан всем существом своим стремиться к просвещению. Учение — самое драгоценное и вечное сокровище, острое оружие в борьбе с врагами. Он сравнивает необразованного человека со слоном без хобота, барсом без когтей и первейшим критерием человечности считает уровень образования. Высшее благо, по Гурамишвили, — стремление к учебе и просвещению. Однако поэт, как это вообще для него характерно, не скрывает от читателя тех трудностей, с которыми связано получение образования. Путь, ведущий к вершинам знания, не устлан розами, — учит он. Только труд — надежная поддержка на этом пути, но зато «корень учения горек, плоды же сладки».

Автор «Наставлений для обучающихся» позаботился и о подыскании соответствующей художественной формы для выражения своих взглядов. Мы встретим у него и неожиданные метафоры, и яркие, запоминающиеся афоризмы. Поэтому на родине поэта редко встретишь человека, не знакомого с мудрыми поучениями Гурамишвили, не знающего наизусть его лапидарных сентенций. Прошли века, но они не забыты в повседневной жизни грузина, — именно в этом и состоит сила подлинной поэзии.

Так же оценивали «Наставления для обучающихся» выдающиеся грузинские общественные деятели последующих эпох. Великий грузинский поэт и мыслитель Илья Чавчавадзе справедливо заметил, что дидактическую поэзию Давида Гурамишвили смело можно поставить в один ряд с творениями Лукреция, Вергилия и Горация.

«Давитиани», как мы уже говорили, по своему жанру стоит на грани эпоса и лирики. Рисуя историческую панораму Грузии, поэт сопровождает отдельные эпизоды своими лирическими размышлениями, придавая тем самым глубоко интимный оттенок поэтическим строкам «Давитиани».

Здесь автор прямо, непосредственно делится с нами собственными переживаниями, душевными страданиями, вызванными ощущением несправедливости происходящего. В то же время герой его лирических стихов — это личность, размышляющая о судьбе своего народа, о тяжелой участи родины. Именно благодаря этому поэзия Гурамишвили отнюдь не ограничивается узкими рамками камерной лирики.

Бил во мне источник жизни —
Полный влаги желобок.

Ныне там, где был источник,
Хлынул слез моих поток.

Уже не личная, а общенародная боль, глубокая тоска, вызванная утратой родины, звучат в словах поэта:

А теперь оставим притчи.
Сядьте, люди, к очагу.
Всем, кто дома, кто за дверью,
Место в нашем есть кругу.
Вспомним мы родную землю —
У нее мы все в долгу:
В плен мы отдали отчизну
Ненавистному врагу.

При этом Гурамишвили смело обращается к общечеловеческим темам, касаясь вопроса о долге человека перед своей землей, морально-нравственных проблем. Его идеал — нравственно чистый, гуманный человек, всей душой сочувствующий чужому страданию. Он часто возвращается к теме жизни и смерти, размышляя о них в глубоко философском плане. Медитационный строй его стиха при этом обретает чарующую непосредственность, а в постановке проблемы взаимоотношения человека и божества он напоминает величайших средневековых гимнографов. Конечно, при разработке таких тем поэту — сыну своего времени — отнюдь не чужды были религиозно-мистические мотивы.

В его стихах человек часто одинок; покинутый богом, он стойко переносит тяжелейшие удары судьбы. Именно на этой почве возникает возможность отхода мировоззренческой концепции Гурамишвили от идеалов древней духовной поэзии, гимнографии. В гимнах Гурамишвили мы уже не видим одномерного отношения к божеству, тогда как универсальная цель типичного гимнографа состоит в мистическом созерцании всевышнего.

В гимны Гурамишвили просачивается горький яд сомнения. Его обращение к брэнному миру построено на контрастах. Так создаются строки огромной художественной силы, в которых нам видится скрытый, но по сути своей мятежный дух:

Если ты есть бденье, что есть сновиденье?
О коварный мир! О мгновенный мир!
Если ты — питанье, что есть голоданье?
О коварный мир! О мгновенный мир!
Коль ты — жизнь земная, что есть смерть людская?

О коварный мир! О мгновенный мир!
Избери ж любое, то или другое,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Суетность и коварство преходящего мира сего действительно потрясающе изображены в одном из стихотворений, в котором, опираясь на народные представления, поэт создает художественную картину, выражающую глубоко религиозное настроение:

Мир, как море в непогоду,
Переменчив с давних пор.
По его основе время
Вышивает свой узор.
Кто там острою косою
Косит нас, костляв и хвор?
Бренный мир и в блеске молний
Темен, им наперекор!

Здесь с удивительной остротой выражены общечеловеческие страдания, и строки эти можно отнести к числу лучших творений певцов мировой скорби. Поэзия Гурамишвили выражает земные переживания и ощущения человека, хотя по своей художественной структуре некоторые стихи его напоминают творения духовных гимнографов.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание еще на одну особенность поэтического дарования Гурамишвили, позволяющую резко отграничить его гимны от поэзии чисто духовного характера. Как высоко одаренного подлинного поэта, Гурамишвили характеризует, — и это мы уже отмечали, — восприятие действительности в живых, конкретных образах. Примерами могут послужить хотя бы поразительно реалистичные эпизоды «Бедствий Грузии». Он блестяще использует этот действительно свыше ниспосланный дар и в гимнах духовного свойства.

В этом смысле он несомненно модернизирует гимнографию — не только в формальном отношении (Гурамишвили первым в грузинской поэзии внес народные интонации в песнопения и гимны духовного типа), но и в других, гораздо более существенных аспектах. Вместо поэтических абстракций (преимущественно образов, в готовом виде взятых из Библии), составляющих основное отличительное свойство духовных гимнов, Гурамишвили обогащает свои гимны конкретными впечатлениями, взятыми из живой действительности. Здесь реальный и мистический аспекты сплетаются воедино. Так строятся его лири-

ческие шедевры, например: «Зубовка», «О том, как Давид Гурамишвили в битве под Кюстрином с лошадей увяз в болоте. . .» и т. д.

Это сочетание — одна из весьма важных стиливых черт его поэзии (к сожалению, в переводах такое чередование различных планов часто игнорируется).

9

Давид Гурамишвили — один из крупнейших деятелей многовековой грузинской литературы, поэт, творчество которого определено всем ее развитием, и, как всякий великий художник, он внес свой собственный вклад в это развитие.

Грузинская литература еще до XVIII века, до появления Давида Гурамишвили и его современников, прошла долгий и сложный путь. В соответствии с движением исторической жизни у нее были периоды подъема и упадка. Было даже время, когда грузинская поэтическая лира как будто совершенно умолкала. Как писал грузинский историк И. Джавахишвили, создалось впечатление, что в великом очаге грузинской поэзии творческий огонь в то время навсегда подернулся пеплом (имеется в виду эпоха после вторжения монголов, XIV—XVI века).

Но, несмотря на неблагоприятные условия (как видел читатель, и XVII—XVIII века не были для Грузии периодом благоденствия), все же началась борьба за возрождение, которую возглавили грузинские писатели XVII века (Теймураз I, Арчил, Иосеб Тбилели и др.), и особенно — плеяда грузинских просветителей (Вахтанг VI, Сулхан-Саба Орбелиани и др.), к числу которых принадлежит и Давид Гурамишвили.

Естественно, что борьба за возрождение опиралась на традиции классической поэзии XII—XIII веков, и прежде всего — на творчество Шота Руставели, вершину этой поэзии. С целью расширения национального культурного горизонта возобновились попытки восстановления нарушенных контактов с восточной литературой (были переведены многие блестящие образцы персидской поэзии). Прощупывалась почва для укрепления литературных связей с Западной Европой и Россией (как мы видели, большую роль в этом отношении сыграла московская грузинская колония, членом которой одно время был Давид Гурамишвили).

Однако в грузинской поэзии того периода Гурамишвили избрал совершенно особый путь, и это говорит о его несомненной оригинальности как поэта и мыслителя. Что здесь имеется в виду? В грузинской литературе XVII—XVIII веков, ориентировавшейся на классиче-

ское наследие, замечается явный уклон в сторону эпитонства. В ряде случаев вместо творческого освоения классических традиций приходится говорить о влиянии и подражательстве. Естественно, объектом подражания в первую очередь был «Витязь в барсовой шкуре» Шота Руставели. Как это свойственно эпитонам, подражали форме, тогда как высокие духовные ценности, содержащиеся в этом произведении, оставались незамеченными.

И для Давида Гурамишвили Шота Руставели служит самым ярким примером истинной поэзии. Он считает Руставели патриархом грузинской поэзии, взрастившим вечно живое «древо стихотворства» в Грузии. Однако в то же время именно он сделал наиболее решительные шаги к творческому преодолению огромного влияния Руставели. В этом отношении следует учитывать замечание классика грузинской литературы XIX века Акакия Церетели о том, что Гурамишвили был «первым писателем, пожелавшим избрать свой собственный путь и избавившимся от рабского подражания Руставели». ¹ Действительно, Гурамишвили поистине творчески подходит к великому наследию своего гениального предшественника. Он не только испытывает влияние Руставели, но и прокладывает свой путь, создавая совершенно оригинальный поэтический мир. Это — еще один пример того универсального процесса творческого осмысления традиций и смелого новаторства, без которого история мировой литературы была бы всего лишь топтанием на месте.

Давид Гурамишвили стоял перед новыми историческими задачами, и соответственно в его поэзии возникли ранее неизвестные темы, для которых поэт подыскал совершенно новый поэтический ключ. В его творчестве сведена к минимуму некоторая условность, присущая классической грузинской поэзии, и центр тяжести перенесен на непосредственное высказывание мысли. Гурамишвили поставил себе задачей создание художественной летописи своей родины, стоявшей на историческом перепутье, и для решения этой задачи на первый план выдвинул создание поэтических форм, свободных от излишних украшений. Он смело обратился к грузинскому фольклору и одним из первых в грузинской поэзии широко открыл двери для простой, по-народному прозрачной поэтической речи (даже в специфических духовных гимнах). В этом состоит наиболее важный вклад Давида Гурамишвили в развитие грузинской поэзии, благотворное влияние его творчества на литературу последующих эпох.

¹ А. Церетели, Три лекции о «Витязе в барсовой шкуре». — В сб.: «Грузинские писатели о Шота Руставели», Тбилиси, 1937, с. 188 (на грузинском языке).

Он отверг также чрезмерно цветистый, вычурный стиль восточной поэзии, получивший большое распространение в Грузии XVI—XVIII веков. Гурамишвили совершенно справедливо признан одним из предшественников новой грузинской поэзии (подразумевается поэзия XIX века), взявшей ориентацию на литературные традиции стран новой цивилизации. Илья Чавчавадзе, как известно, назвал это культурное движение «европеизмом», подразумевая под этим, в широком смысле, проникновение новых культурных тенденций из Западной Европы и, конечно же, из России (те элементы культуры, которые усвоил Давид Гурамишвили за долгие годы жизни в России, оказали значительное влияние на его творчество).

Давид Гурамишвили, как уже было сказано, открыл широкий доступ в свое творчество фольклорному потоку, сыгравшему едва ли не решающую роль в его поэтике. Ему чужды как всяческая высокопарность, так и увлечение сложными метафорами. Он максимально приблизил язык поэзии к разговорной речи. Стих Гурамишвили прост и прозрачен. Поэт творчески заимствовал из народных источников многообразные ритмы, интонации и различные поэтические приемы.

Гурамишвили окончательно отверг метафорический стиль поэтического языка, в период позднего средневековья (XVII—XVIII века) превратившегося в собрание готовых и застывших в своей неподвижности поэтических формул (хрусталь и жемчуг — зубы, чернильные озера — глаза, гишер и вороново крыло — волосы и т. д.). Разумеется, это отнюдь не означает, что Гурамишвили вообще не пользовался метафорой. Некоторые из его метафор — подлинные открытия, блистающие первозданной прелестью, но главным художественным приемом его поэзии все-таки является сравнение, идущее от непосредственных наблюдений над жизнью. С той же народной поэзией Давида Гурамишвили сближает часто встречающийся в его стихах параллелизм образов, когда на первый взгляд независимые друг от друга поэтические фрагменты служат передаче единой мысли. Достаточно вспомнить отрывок из стихотворения «Жалоба Давида на суетный и мгновенный мир», где из независимых друг от друга поэтических образов складывается цельная поэтическая картина жестокости этого мира.

Хочется особо подчеркнуть следующее: увлечение фольклорными формами у Гурамишвили носило абсолютно осознанный характер (что само по себе является редким исключением в грузинской поэзии той эпохи). Вспомним слова поэта из вступления к «Давитиани», где он прямо сообщает, почему выбирает в своем творчестве именно этот путь:

Не взрастил я терн колючий
Вкруг деревьев этих строк.
Я хочу, чтоб каждый отрок
Их плода отведать мог.

Это была явная попытка демократизации грузинской поэзии. Давид Гурамишвили хорошо знал, что освобожденные от тяжелого книжного стиля, облеченные в простую, доходчивую форму мысли легко найдут дорогу к широкому читателю. Тем самым он пытался заполнить ту пропасть между людьми учеными и неучеными, которая из-за строгого разграничения сословий была так характерна для средних веков. И в этом случае Гурамишвили защищал передовые для своего времени позиции просветительства.

Свои глубокие душевные переживания, раздумья над земной участью человека поэт, как это уже отмечалось, порой выражал в гимнах духовного характера. В этих стихах он производит своеобразную обработку темы, характерной для христианской поэзии и выражающейся в обращении человека к богу. В таких случаях его личные духовные искания возвышаются до уровня общечеловеческих переживаний. Поэзия Гурамишвили поднимает глубокие философские вопросы, старается вырваться из тесных рамок человеческого бытия. В стремлении к «вечному свету» как символу божественного Гурамишвили следует примеру христианских авторов.

Однако поэт не изменяет своим творческим принципам. Его речь и тут проста и легко доступна. Гурамишвили опять и опять, с помощью того же фольклорного материала, пытается модифицировать (если можно так выразиться) духовную поэзию. Примечательно, что в таких случаях в качестве фольклорных прототипов он специально использует образы грузинской ритуально-обрядовой поэзии (автор сам указывает на это в своей рукописи).

Почему Гурамишвили обратился именно к поэзии ритуального характера — объяснить нетрудно. Грузинская ритуальная поэзия, которая из-за специфических условий исторического развития страны до позднейшего периода сохраняла элементы языческих верований, была очень популярна в народе и в известном смысле соперничала с христианской литургией.

Народ привык к такой поэзии: она была неременной спутницей всех народных празднеств и исполнялась в сопровождении музыки и танцев. Поэтому Гурамишвили намеренно выбирал для своих стихов широко известные размеры и ритмы, творчески используя традиционные формы. По его замыслу, такой прием должен был способствовать более легкому усвоению идей, выраженных в его стихах.

Однако в истории грузинской литературы огромная заслуга Давида Гурамишвили заключается не только в том, что он с такой жадной жаждой принял к национальным истокам народной поэзии и обогатил литературу сокровищами народной словесности, но также и в том, что главным предметом своего творчества он сделал жизнь простых людей. Если мы вспомним основные каноны средневековой мировой литературы, которая косо смотрела на включение «простонародной тематики» в сферу поэзии, то станет очевидной явно демократическая позиция Гурамишвили.

В этом смысле особенно примечательна брызжущая жизнью и здоровьем поэма «Веселая весна» — блистательный образец истинной простоты и ясности. Несмотря на то, что в поэме часто встречаются сентенции, построенные на основе христианской моралистики, вся она пронизана духом свободы от догм, сковывающих человека.

«Веселая весна» как по своим отдельным мотивам, так и по основной сюжетной линии относится к жанру бытовой народной поэмы. Ее основу составляют народные представления о пробуждении природы. Радость вновь расцветающей жизни охватывает всех и вся, от крохотной былинки до человека. Обновление природы вызывает неудержимое влечение друг к другу всего живого.

Ушла Зима с холодными снегами,
Пришла Весна с весенними цветами.

И всё, что было на земле мужского,
Соединилось с самочками снова.

И хлеб взошел, и травы
Пробились, и дубравы
Листвой покрылись вновь.

С большим юмором, веселыми яркими красками рисует автор приключения, связанные с естественной, здоровой любовью, ведущей к созданию новой семьи. Бесхитростные и вольные пастухи и пастушки присоединяются к великому торжеству природы. И вместе с тем своими идиллическими настроениями поэма «Веселая весна», без сомнения, напоминает нам произведения буколического жанра.

Вместо духовных исканий человека, придавленного «первородным грехом», характерных для средневековой литературы (преимущественно христианской), в поэме ощущается мощное биение античного начала, физическое и духовное здоровье: человек — дитя природы, и он ни на мгновение не должен от нее отрываться. Слияние с природой, жизнь по законам природы делают род человеческий таким же бессмертным, как бессмертна сама природа и весь внешний мир в своем извечном обновлении.

Вот основной пафос поэмы, который самого автора заставляет забыть на миг о глубокой скорби по поводу бесприютности оставшегося в одиночестве, всеми покинутого человека.

Исследователю поэзии Давида Гурамишвили открывается большой интерес поэта к русскому и украинскому фольклору. В своей рукописи автор дает в грузинской транскрипции названия произведений, которые, по всей видимости, служили определенным творческим импульсом для выбора новой интонации или песенного мотива его собственных сочинений (к примеру, он указывает на такие образцы русско-украинского фольклора, как: «Улетела зозуленька тай через дубину...», «Не дам покою, пойду с тобою...», «Что за причина, всегда кручина...», «Полно, полно, не прельщайся...» и т. д.).

Многолетнее пребывание в России и на Украине позволило поэту познакомиться не только с книжной культурой, не только наблюдать быт и нравы простых тружеников (что тоже нашло яркое отражение в его творчестве), но и основательно изучить богатейший фольклор русского и украинского народов. Гурамишвили жизнью и всем творчеством своим кровно связан со второй своей родиной, и это оказало весьма плодотворное влияние на богатый и многоцветный мир его поэзии.

Творчество Давида Гурамишвили имеет еще множество аспектов, истолкование которых выходит за рамки данной статьи. Нам кажется, что высказанные выше положения создадут у читателя определенное представление о творческом облике поэта, о его месте в истории грузинской литературы, — главное, о том, что Давид Гурамишвили, если можно так выразиться, завершил целую эпоху в грузинской литературе (имеется в виду древняя, или средневековая литература) и своими бесспорно новаторскими поисками заложил основу возникновения литературы совершенно нового типа, провозвестниками которой явились замечательные грузинские романтики.

В 1980 году грузинский народ вместе с братскими народами Советского Союза отмечает 275-ю годовщину со дня рождения своего великого сына и певца. Его творчество своим гуманизмом, благородными идеями, высокой поэтичностью перекликается с нашей современностью и сегодня живет полной жизнью.

Его поэзия — это прежде всего поэзия веры, проповедующая бессмертие рода человеческого. Поэтому поэтическое наследие Давида Гурамишвили выстояло под натиском времени, вышло за пределы родной страны и стало достоянием мировой литературы.

Саргис Цаишвили

СТИХОТВОРЕНИЯ

**1. ИМЯ И ПРОЗВИЩЕ ТОГО,
КТО НАПИСАЛ ЭТУ КНИГУ**

Написал «Давитиани»
Я, Давид Гурамишвили.
Рек божественное слово —
Сладкий плод моих усилий.
Ток живой по древу жизни
Устремил я в изобильи,
Говорил о муках крестных,
Чтобы люди слезы лили.

В Картли добрых вин не стало,
В том повинны войны с Чари.
Диких ягод винограда
Я промыслил для маджари.
Чтоб меня вы помянули,
Приношу вино вам в чаре.
Люди, нет для вас худого
В бескорыстном этом даре.

Не взрастил я терн колючий
Вкруг деревьев этих строк.
Я хочу, чтоб каждый отрок
Их плода отведать мог.
Не разлейте ж мой напиток,
Он пойдет вам, дети, впрок.
Берегите эту книгу,
Чтоб служила долгий срок.

В дни былые ритор Шота,
Муж, искусный в этом деле,
Вывел древо стихотворства,
Несравнимое доселе.
Взрыли корни глубь земную,
На ветвях плоды созрели.
Много знал я стихотворцев, —
Нет подобных Руставели!

Как юнец, который лихо
Мчит на палочке верхом,
Сходен резвыми прыжками
С настоящим ездоком, —
Так и стих мой бедный сходен
С Руставелевым стихом.
Подражать ему пытаюсь,
Получил я поделом.

Мне достался после Шота
Сад обобраный, пустынный.
Как ребенок, между ловчих
Я толкался с хворостиной.
Не нашел плодов я в поле,
Не разжился я дичиной.
Зря, рыбак нерасторопный,
Замутил я воду тиной.

Стих жемчужный Руставели
Не сравнить с моей трухою.
Но кокетки могут ловко
Приукраситься сурьюю.
И вода вином прекрасным
Людам кажется порою.
В час нужды лесная груша
Служит пищей неплохою.

Там, где нет коней исправных,
Всякой лошади почет.
Там, где нет высоких ростом,
Недомерок — не урод.
Без красотки — и дурнушка
За красивую сойдет.

Тот, кто книг других не знает,
И мою, авось, прочтет.

Бренный мир, как палкой по лбу,
Оглушил меня безвинно:
Сгину я — и дом мой сгинет,
Ибо не дал бог мне сына.
И собрал свои стихи я,
И связал их воедино,
Чтоб меня вы помянули
Добрым словом в день помина.

Я взрастил с трудом великим
Эту книгу — сироту,
Воспитал ее усердно,
Дал ей знания полноту,
Но оставил некрещеной,
Ибо впал я в нищету.
Кто дарует ей крещение,
Тех молитвою почту.

Мужа мудрого молю я
О мирском ее крещеньи:
Утверди ее, грузинку,
В нашем правом разуменьи,
Если в чем солжет неволью,
Сбереги от заблуждений,
Пусть чурается враждебных
И греховных помышлений!

Вот зачем я, стих слагая,
Слушал мира небылицы.
Не дала судьба мне сына,
Обделила несчастливца.
Будь же, юноша, мне братом!
Будь сестрою мне, девица!
Обо мне, читая книгу,
Не забудьте помолиться.

Вас, мои живые братья,
Да хранит великий бог!

Пусть веселье сменит стоны
Ваших жалоб и тревог.
Помолитесь, чтоб создатель
Взял меня к себе в чертог,
Чтобы адского мученья
Избежать я, грешный, мог!

Недосказанное ныне
Не успел сказать я связно.
Всё свободной ждал минуты,
Ах, зачем я ждал напрасно!
Копья скорби грудь пронзили,
Сердце сделалось безгласно.
Рай ли ждет меня господень,
Или ад грозит всечасно?

Потому в тоске я плачу
И не в силах больше петь.
В изголовьи встала злая,
Несговорчивая смерть.
Ни мольба, ни меч, ни подкуп
Смерть не могут одолеть.
Лишь набросится — любого
Постарается стереть.

Отче мой, шатер чудесный
В Картли ты воздвиг над нами, —
Был высок он и просторен,
Осененный облаками.
Жил я в нем, и вдруг оттуда
Выгнал ты меня пинками.
Море слез с тех пор я пролил,
Размышляя над грехами.

О превратный мир! За что же
Возлюбил я образ твой?
Почитал тебя я сладким —
Ты же горький и дрянной.
Ты зачем меня навеки
Из земли увел родной?
Отчего ты, беспощадный,
Надругался надо мной?

Прадед деда и прабабка!
Дед и бабушка! В свой черед —
Мать, отец, сестрицы, братья,
И жена, и весь мой род, —
Мир вам в царствии небесном!
Да избегнет ада тот,
Кто составил эту книгу,
Чтоб читал ее народ!

2. НАСТАВЛЕНИЯ ДЛЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

*Десять полезных и нужных советов,
внушаемых отрокам*

Эту заповедь Давида
Слушай, алчущий познания:
Тот, кто горечь превозможет, —
Вкусит сладость воспитанья.
Лучше скорбным быть в начале,
Чем в конце терпеть терзанья.
Час придет — сочтешь за благо
Все минувшие страданья.

Мать, родив в болезнях сына,
Предает забвенью муки,
Ибо радость материнства
Отгоняет все доуки.
Снявший гроздья виноградарь
За вином не знает скуки.
Во сто крат блажен счастливец,
Изучивший все науки!

Знанье будет до кончины
Верным спутником твоим.
Этот клад неоценимый
Неотъемлем, неделим.
Мир грозит всему иному
Озлоблением своим, —
Человек, лишенный знания,
Безоружен перед ним.

Но куда б ни шел ученый,
Он не ведает преград:
Недоступным и незримым
Он сокровищем богат.
Знатье вор тайком не стащит,
Не отнимет супостат.
Глупым знанье бесполезно,
Для разумных знанье — клад.

Сам не слишком-то ученый,
Я глупца узнаю скоро:
Он добро и зло усвоил
Вперемешку, без разбора.
Неуч их не различает:
Ум бедняге не опора.
Слон без хобота он, глупый,
Простофиля, полный вздора.

Как боец, который мчится
Без оружия в пыл сраженья,
Словно тигр, когтей лишенный,
Но свирепый от рожденья, —
Как любой, кто бесполезно
Тратит силы напряженье, —
Неспособен умный неуч
Выполнять свои решенья.

Долго мудрости искал я,
Не нашел другой взамен:
Мудрый так живет на свете,
Как на это вдохновен.
Мудрый всюду будет мудрым,
С ним не будет перемен.
Он, как я, за корку хлеба
Не согнет своих колен.

Мудрый славен силой слова,
Мастер — тонкостью работ,
Поп — молитвами. Торговец
Разъезжает круглый год.
Воин кровь в сраженьи точит,
Пахарь льет на пашне пот,

Нищий просит подаянья. . .
Кем ты будешь в свой черед?

Я привел тебе к примеру
Семь родов существованья.
Вот восьмой: царем на троне
Царские вершить деянья.
Вот девятый: с пастухами
Гнать на луг стада бараньи.
Вот десятый: быть влюбленным,
Жить в плену очарований.

Царь, пастух, влюбленный, нищий,
Пахарь, воин и купец,
Поп с крестом, искусный мастер
И прославленный мудрец —
Десять их. И я о каждом
Напишу тебе столбец,
Чтоб по склонности занятье
Мог ты выбрать под конец.

1

Должен милую влюбленный
Возлюбить с великой силой,
Почитать великим счастьем
Вечно следовать за милой,
Без нее любую радость
Должен он считать постылой,
За любовь пойти на муки,
Не ропща перед могилой.

2

Осторожным и бессонным
Должен быть пастух-вожак.
Сторожит он бодро стадо,
Будь то холод, зной иль мрак.
«Жизнь отдать свою за паству
Добрый пастырь должен всяк», —
От зверей спаси незримых
И меня, сказавший так!

Царь обязан справедливым
 Быть, как сказано когда-то,
 Щедрым, мудрым, милосердным,
 Строгим, грозным, если надо.
 Должен, правя государством,
 Он блюсти законы свято.
 Символ паствы, в деснице
 Скипетр держит он из злата.

Нищий должен быть и скромн,
 И в речах своих учтив.
 Всем он шлет благословенье,
 Подаянье попросив.
 Любит бог его, беднягу,
 Он, как Иов, терпелив.
 Горделивых бог не любит,
 Но бедняк не горделив.

Пахарь или виноградарь,
 Вековечный раб мотыг,
 От восхода до заката
 Спину гнуть свою привык.
 Жарким потом истомленных,
 Тень прельщает горемык,
 Но они трудами кормят
 И себя, и всех владык.

Воин должен быть могучим,
 Справедливым, юным, смелым.
 Подчиняться господину
 Должен духом он и телом.
 Он любовь к своим собратьям
 Доказать обязан делом
 И бесстрашный бой с врагами
 Почитать своим уделом.

Для купца торговля — прибыль,
 Пить не должен он допьяна.
 Он обязан, промышляя,
 Жить на свете без обмана,
 От мошеннических сделок
 Сторониться неустанно,
 Содержать весы и меру
 В лучшем виде, без изъяна.

Поп не должен быть трусливым,
 Пусть не скажет невзначай:
 «Если где беда случилась —
 Без меня пройдет пускай».
 Поп умершего хоронит,
 Провожает душу в рай.
 Он нарушит свой обычай,
 Если выпьет через край.

Мастер — муж благочестивый,
 Я, Давид, пою о нем.
 Счастлив труженик, который
 Честным кормится трудом!
 Виноградник изобильный —
 Он с супругою вдвоем.
 Дети мастера — оливы,
 Украшающие дом.

Мудрый жить в миру обязан,
 Словно муж-пустынножитель.
 Обучать людей он должен,
 Как наставник и учитель.
 Если он дурным поступком
 Осквернит свою обитель —
 За соблазн всего народа
 Отвечает соблазнитель.

Вот все десять, о которых
Я сказать тебе хотел.
Облюбуй себе по вкусу,
Избери одно из дел.
Хочешь — будь бродягой-нищим
Иль трудись, как земледел.
Не скажу ни слова больше.
Час ученья подоспел.

Как не гнется под рукою
Ветка ивы омертвелой,
Так же трудно обученью
Поддается престарелый.
С молодой лозою легче —
С ней, что хочешь, то и делай.
Без труда детей обучит
Воспитатель их умелый.

Бог тебе, дитя, на помощь!
Ты мое послушай слово.
Отрекись навек от мрака
Для сияния дневного.
Обращать стопы к пороку
Непохвально и не ново.
Приглуши, юнец, волынку,
Коль дудишь ты бестолково.

Своенравные порывы
Ты в самом себе сокрой.
Сладкий мед невоздержанья
Горькой станет лебедой.
Не прислушивайся к речи
Соблазнительной, дурной,
И тогда познаешь счастье,
Утешенье и покой.

Сыпать в чистые кувшины
Разный мусор не годится.
Нелегко их будет вымыть, —
Станешь охать и томиться.
Заскрежешь ты зубами:

«Что наделал я, тупица!
Не послушал я Давида,
Не хотел добру учиться!»

Нужно отроку учиться,
Чтоб познать себя: откуда
Он пришел, куда стремится,
Где обязан жить покуда,
Чем воздаст тому, кто глине
Сообщает вид сосуда?
Как коню не оступиться,
Если он обуздан худо!

Юным отрокам и девам
Надлежит уметь молчать,
Не давать движеньям воли,
На устах носить печать,
Ни улыбкой, ни морганьем
Чувств своих не выдавать.
Тот, кто ближнего осудит,
Сам судимым может стать.

Не тверди: «Зачем ты учишь,
Если сам учился мало?
Трус, зачем ты восхваляешь
Доблесть храбрых, взмах кинжала?»
Нам невежество — погибель,
Вот премудрости начало.
Не томись, как я, от зноя,
В тень беги, коль жарко стало.

Соломон, мудрец великий,
Возлюбив господне лоно,
Написал немало притчей
В книге божьего закона.
Но пришлось ему нарушить
Некий стих во время оно...
Не угодно, так не чтите,
Дети, даже Соломона.

Не учу я вас неправде,
Не хочу я людям зла.

Вот вам маленькая притча
Про подобные дела:
Видел я одну ослицу,
Не простой она была, —
Для себя ослят рожая,
Людям мула родила!

Мудрый лекарь распознает
Пульс больного в час недуга,
Но зовет других, как только
Самому придется туго.
Сам себе плохой я лекарь,
Вам же впрок моя услуга.
Для чего же безрассудно
Порицать за это друга?

Хоть и слеп я, — в этом мире
Есть незрячие вдвойне.
То, что старшим не скажу я,
Вам скажу наедине:
Коль пловец не в силах плавать,
Он потонет в глубине.
Лучше в детстве видеть розги,
Чем века гореть в огне!

3. О СНИСКАНИИ БЛАГА

Разум — это хлеб насущный,
Ибо служит нам питаньем.
Но, как соль нужна к обеду,
Так же нужен навык к знаньям.
О судьбе толкуют люди —
Мы хвалить ее не станем.
Даст судьба — отнимет глупость, —
Грош цена таким даяньям!

Мне судьба напоминает
Смену света и теней:
То погода, то ненастье,
То светлей нам, то темней.
То она сжигает злаки,
То гноит посев полей.
Нынче даст — отнимет завтра...
Как же мне поверить ей!

Как слепая великанша,
По земле она блуждает,
Шарит сослепа рукою,
Ищет мужа и вздыхает.
Тех, кто под руку попался,
Приподнимет, распознает, —
Приглянулся, так оставит,
Нет, так на землю кидает.

И еще сказать я должен
То, что выскажу сейчас.
Мудрецы судьбу слепую
Порицали много раз:
Нет ни радости, ни горя
Постоянного у нас.
Одарен лишь тот судьбою,
Кто, бессмертный, душу спас.

Блага, лучшего, чем разум,
Не открыто белым светом.
Но, коль ты ослеп от страсти,
Путь к нему тебе неведом.
Даже то, чего достиг ты,
Во грехе утратишь этом.
Коль добра себе желаешь,
По моим живи советам.

Страсть, безумцев ослепляя,
Днем назвать умеет ночь,
Труса делает отважным,
Чтобы к буйству был охоч.
Разум, как горох от стенки,
От нее отскочит прочь.
Ослепленный страстью гибнет,
И нельзя ему помочь.

Эпикур, философ древний,
Так об этом разумеет:
Одаренный от природы,
Духом муж не оскудеет.
Тот же, кто подвержен страсти,
Стать богатым не сумеет,
Еле справившийся с малым,
Он за крупным гнаться смеет.

Человек, невольник страсти,
Воспротивившись уму,
Ничего вокруг не видит,
Что не нравится ему.
Ворох роз он растерзает,
Сорняков притащит тьму,

Изменив жене, блудницу
Не уступит никому.

И еще скажу: на свете
Есть глупцы такого склада,
Что за ладан почитают
Мерзость собственного смрада.
Сколько б зла ни натворили —
Им не горе, не досада.
Им супруга — наказание,
А любовница — услада.

Ныне саду нашей жизни
Я хвалу свою воздам.
Я люблю его, с восторгом
Роз вдыхаю фимиам.
Но бежал я рощ священных,
Изменил я соловьям
И, внимая сказкам мира,
Стал я сказочником сам.

Тороплюсь начать сказанье
Я, рассказчик доброхотный,
Ибо клад, зарытый в землю, —
Клад никчемный и бесплодный.
Из деревьев наилучших
Сад развел я плодородный.
Не во вред пойдет, но в пользу
Урожай мой ежегодный.

Пусть же мне подскажет разум,
Как события перечесть:
Ведь, коль многого захочешь,
Потеряешь то, что есть.
Отказаться от рассказа —
Не большая также честь.
Коль попал в табун пегасов,
Вслед за ними надо бресть.

ПОЭМЫ

4—27. БЕДСТВИЯ ГРУЗИИ

1

ИЗМЕНА КАРТАЛИНЦЕВ И КАХЕТИНЦЕВ СВОИМ ГОСУДАРЯМ

Двух владык я именую,
Жизнь охватывая взглядом.
Отдаленные от корня,
Расцвели их ветви рядом.
Первый сыном был Давида,
За грехи людей распятым,
А второй на троне Картли
Наречен Вахтангом Пятым.

То был царь — благодетель
Сирой братьи неимущей,
Псалмопевец и ученый,
Гимны господу поющий.
Ветвь прославленного древа,
Что возросло обильной кущей,
Он прославился, как пастырь,
Бодро стадо стерегущий.

Люди слушались Вахтанга,
Чтили царские дела.

Без царя и жизнь не в радость
Добродетельным была.
Но сошли они с дороги
И низверглись в омут зла, —
Надругались над стезею,
Что к спасению вела.

Недовольные владыкой,
Люди бросили служенье,
Знаки милости царевой
Позабыли в ослепленье.
До того дошли иные
В сатанинском заблужденье,
Что, разбив псалтырь Давида,
Прекратили песнопенье.

Завелась в войсках измена,
Непослушным стал народ, —
На словах Вахтанга хвалит,
А в душе его клянет.
Позабыли свет господень,
Сатане воздав почет.
Человек же, как известно,
Что посеет, то пожнет.

Царь послал людей достойных,
Не замешанных в расколе,
Чтоб к народу обратились
С изъявленьем царской воли:
«Уплатите все налоги
И со мной не ссорьтесь боле.
Время тяжкое настало,
Нет достатка поневоле.

Богоматерь учит: верьте
В посылающего манну!
Это он качать младенца
Выбрал деву невенчанну.
Это он Иоакима
Сделал дедом, бабкой — Анну.

3
Ради вашего спасенья
Я ему молиться стану!»

Не поверили грузины
Добродетельным словам,
И оглохли, и ослепли,
И в великий впали срам.
Пристрастились и монахи
К непохвальным их делам.
Ослабела добродетель,
Враг гнезвился тут и там.

Люди с мужественным сердцем,
Столь могучие доселе,
Добровольно отступили
И душою оробели.
Для насильников проклятых
Отворили цитадели
И, врага в страну впуская,
Защищать родных не смели.

Укротился пыл отважных
И любви в сердцах не стало,
Чтоб осилить басурмана,
Больше силы не хватало.
Бросив близких и любимых,
Рать трусливая бежала.
Подрались между собою,
Подружились с кем попало.

И немало одержали
Наши недруги побед.
Стать хозяином нетрудно,
Коль нигде отпора нет.
Бросив жен, иные мужи
Повлеклись блудницам вслед,
Ибо вместо Иисуса
Стал им дорог Магомет.

Началась вражда, и люди
Осквернились словом бранным.

Появились спесь и зависть,
Не гнушались и обманом.
От разбойников не стало
Жизни бедным поселянам:
Вдов, сирот, детей невинных
Гнали в рабство к басурманам!

И творец, увидев это,
Наказал своих рабов:
Отнял он у них отчизну,
И пристанище, и кров.
Он сказал: «Христопродавцы!
Позабыв закон Христов,
Вы увидите крушенье
Всех земных своих основ!»

2

**ВОЗМЕЗДИЕ БОЖИЕ ЗА ГРЕХИ
ЛЮДЕЙ**

Люди богу согрешили,
И была господня кара:
На две части расколосось
Небо в пламени пожара.
Грянул град, и виноградник
Содрогнулся от удара,
Саранча поля покрыла,
Ураган промчался яро.

Наступил великий голод,
Хлеб исчез на долгий срок.
Виноградари в кувшинах
Не хранили вина впрок.
Пашни стали маловаты
И удои коров убог.
Но никто не принял к сердцу
Этот тягостный урок.

И опять в грозе и буре
Были молнии и громы.

Росы высохли, и злаки
Стали кучами соломы.
Люди молча горевали,
С покаяньем незнакомы,
И на знаменья смотрели,
Как слепцы, полны истомы.

И невиданные звери
Появились в изобильи,
Пожирая как живущих,
Так и тех, кто был в могиле.
Ружья, луки и кинжалы
Их нисколько не страшили,
И отцы своих младенцев
Защищать не в силах были.

Эти звери обладали
Станным свойством: никогда,
Повстречав скотину в поле,
Ей не делали вреда.
Но, когда, отчаясь, люди
Оставляли города,
Беглецов они душили,
Загрызая без труда.

Но народ не стал умнее.
И тогда великим мором
Поразило скот домашний.
Смерть грозила людям хворым.
От мечей неумолимых
Кровь лилась по косогорам.
Всё, что сказано Давидом,
Было божьим приговором.

В тысяча семьсот двадцатом
От рождения Христова
Весть о грешном человеке
Донеслась до всеблагого.
И поднялся враг с востока,
И явился с юга снова.

Беды Картли и Кахети
Описать не в силах слово!

Перечислить беды Картли
Только мудрому по силам.
Стала плевелом пшеница —
Был огонь ей молотилом.
Десять душ один неверный
Убивал с великим пылом,
Там, где двое появились, —
Сто повертывались тылом.

Злой ингуш, черкес и турок,
Перс, дидоец и лезгин,
Чтоб хоть раз унижить Картли,
Выходили из теснин.
Вслед за тем возникла смута,
На грузина встал грузин.
От меча родного брата
Пал в сраженьи не один.

Точно так же, как шальные
Петухи на поле бранном,
Что клюют друг другу гребни
В озлобленьи постоянном,
А собака их обонх
Хвать! И горе им, буянам! —
Так и Картли и Кахети
В плен попали к басурманам.

Рассказать о том подробней
Не решаюсь я, родные.
Слишком много дел позорных
Обнаружу для страны я.
Люди добрые заплачут,
Позлорадствуют дурные.
Даже то, что здесь сказал я,
Мне в вину зачтут иные.

Коль солгу, какую пользу
Принесут мои сказанья?

Если ж буду я правдивым —
Ждать за это мне изгнания.
Смерть грехи не скроет наши,
И влекутся, по преданью,
За дурной душой — дурные,
Доброй — добрые деянья.

Как хорошее прославить,
Коль дурное не ругать?
Если зло во зло не ставить,
Что добром именовать?
Можно ль добрые поступки
У достойного отнять?
Чем оправдывать злодея,
Лучше мучеником стать!

Льстить в лицо, ругать заочно —
Добрым людям не годится.
Чем с неправдой жить на свете,
Лучше с правдой в небо взвиться.
Разве будет виноградарь
Жалким тернием гордиться?
Пусть погибнет плоть за правду,
Но душа возвеселится!

Говорить я буду правду,
Не глашатай я химере.
Недостойных не прославлю,
Не унижусь в лицемерьи.
Пусть хоть голову снимают
С плеч моих, — по крайней мере,
Не сравню кого попало
С достославным Кахабери.

Из врачей лишь тот нам дорог,
Кто целит любой недуг,
А не тот, кто без лекарства
Уморит больных вокруг.
Только тот хорош хозяин,
Кто беречь умеет слуг,

А не тот, кто, безрассудный,
Погубить их может вдруг.

Обличителю нередко
Не прощают обличенья,
Но стране забвенья правды
Не приносит облегченья, —
Злоумышленники будут
Продолжать злоумышленья.
Выводите зло наружу,
Чтоб страшились искушенья!

Люди плутов порицают,
Чтобы вновь не плутовали,
Те же, кто им подражает, —
Призадумываться стали.
Нужно с самого рожденья
Все грехи отбросить дале,
А не то — нельзя избегнуть
Порицанья и печали.

Кто не хочет осужденья,
Должен злу сопротивляться.
На себя взглянуть полезней,
Чем в чужом белье копать.
Грех тому, кто над невинным
Начинает издеваться!
Порицать злодеев нужно,
Добрых нечего касаться.

Плохо то, что злые сами
Мастера чернить других.
Даже скромные наглеют,
Подражая сплетням их.
Но зерно, однако, сеют
На полях они плохих.
На земле у них — хоромы,
В небе — хижины у них.

Как бы смертный ни таился,
Язва вскрыется, конечно.

Скрыть болезнь никто не может,
Коль она терзает вечно.
Не сердись же, коль о язвах
Говорят чистосердечно,
Не хули чужие лица,
Коль свое небезупречно.

Я болезнь свою скрываю,
Но она не хочет скрыться.
Замирает в муках сердце,
Беспокоит поясница.
Хорошо ли, если пахарь
С плугом в гору громоздится?
Грех тому, кто нас заставил
С нашей родиной проститься.

Некий пахарь своенравный
Плелся в гору за сохой,
А другой назло под горку
Шел с кривою бороной.
«Сила горы одолеет», —
Уверял упрямец мой.
«Снова всё с землей сровняю», —
Отвечал ему второй.

Тот, кто действовать способен
С безрассудством столь нелепым,
Пусть меня не угощает
Дурно выращенным хлебом.
Кто убьет родного брата,
Зарубив в бою свирепом,
Пусть томится в преисподней,
Пусть ответит перед небом!

Почему ж ты слово правды
До сих пор не скажешь внятно?
Что не скажешь маловерам:
«Уходите безвозвратно!
Не давайте мне ни крошки
Из того, что вам приятно!

Коль не прав я, все убытки
Возмещу я семикратно».

А теперь оставим притчи.
Сядьте, люди, к очагу.
Всем, кто дома, кто за дверью,
Место в нашем есть кругу.
Вспомним мы родную землю —
У нее мы все в долгу:
В плен мы отдали отчизну
Ненавистному врагу.

Что вспахали кахетинцы,
В гору двигаясь с сохой, —
Заровняли карталинцы
Кривобокой бороною.
И вцепились мы друг в друга,
И нагрянул враг с войною,
Придавив Кахети с Картли
Басурманскою пятою.

Вот к чему они приводят —
Безрассудные дела.
Что теперь Кахети, Картли?
Сожжены они дотла!
Где короны государей,
Украшенье их чела?
Горе мне! В пучине бедствий
Вся душа изнемогла.

3

**ПРИГЛАШЕНИЕ ЦАРЯ ВАХТАНГА
К ГОСУДАРЮ РОССИЙСКОМУ**

Вот рассказ о том, что было,
Что теперь уж на исходе:
О судьбе царя Вахтанга,
Роковой его невзгоде,

О делах несчастной Картли,
О родном моем народе,
О самом себе, который
Плакал в путях о свободе.

Внук жестокий Шах-Аббаса,
Шахом был тогда Тамаз.
Вечно пьяный и распутный,
Был он бедствием для нас.
Слышать жалобы народа
Не хотел он с пьяных глаз,
Оттого при нем законы
Продавались за абаз.

Возлюбил он два порока:
Сладострастие и пьянство,
Оттого утратил волю
И рассудка постоянство.
Окружен в своих покоях
Пышной роскошью убранства,
Управлять своей страной
Уж не мог он, полный чванства.

Вспомнить мог бы я о многом,
Что наделал тот тиран, —
Как афганцев взбаламутил,
Всполошил турецкий стан,
Как российскому владыке
Отдал временно Гилян,
Как у Картли и Кахети
Отобрал Кумаш-Кавган.

Искра в пламя превратилась,
Грянул гром на небосклоне,
Вздрогнул каменный Метехи,
Развалился, пал Сиони.
Заключенным Шах-Тамаз
Стал Вахтанг Багратиони, —
Позабытый, оскорбленный,
Семь он лет страдал в полоне.

Был на севере владыка,
Повелитель всей России —
Петр Великий, нареченный
Императором впервые.
Он для подвигов великих
Заострил мечи тупые.
О его душе бессмертной
Молят господа живые.

Он при жизни неустанно
Об отечестве радел;
Мудрый, щедрый, справедливый,
Он блюсти закон умел;
Всемогущею рукою
Всех врагов он одолел.
Опочивший, продолжает
Он творить немало дел.

После смерти государя,
Воцарившись на престоле,
Все российские владыки
По Петровой правят воле.
Если в чем и не согласны —
Не противятся тем боле.
Не умрут дела Петровы,
Существует мир доколе!

Исполняют государи
Все Петровы повеленья.
Он оставил завещанье —
Как выигрывать сраженья,
Как вести в стране торговлю,
Объезжать свои владенья,
Как нарушивших законы
Покарать за преступленья.

Вызывает восхищенье
Войска русского уклад:
Каждый полк в особой форме,
На один устроен лад.

В поле стройно маршируя,
Как один идут солдат.
Удивительно искусство
Их подкопов и осад.

.

Государь писал Вахтангу:
«Ты — отец мой. Будь со мною.
Лишь Христос от Магомета
Оградит тебя стеною.
Припади ко мне ты грудью,
Прислонись ко мне спиною,
Всех врагов твоих, как сено,
Мы сожжем вдвоем с тобою».

И писцы запечатлели
Этот царственный указ,
И посланье завернули
В шитый золотом атлас.
И, призвав гонцов надежных,
Приказали им тотчас:
«Если вздумаете мешкать,
Тьма навек покроет вас».

И гонцы им отвечали:
«Тотчас, судари, коль надо!»
И, как ветер, полетели
Из полунощного града.
И на третий день, под вечер,
Лишь повеяла прохлада,
Утомленные, вступили
Под ворота Сейдабада.

Царь сумерничал в покоях,
Предаваясь размышленьям.
Мысль о смутах наполняла
Сердце царское томленьем.
Вдруг он видит из окошка:
Мчится вестник по ступеням.
То, что царь теперь услышал, —
Ожидал он с нетерпеньем.

Точно так же, как фиалка
Расцветает от тепла,
Как ожившая от спячки
Просыпается пчела,
Как довольный тенью путник
Оттирает пот с чела, —
Так теперь душа Вахтанга
Снова радость обрела.

Лишь дошли до государя
Эти радостные вести,
Дух воспрянул у владыки,
Поднялась душа из персти.
Побеседовать с гонцами
Было делом царской чести.
Наконец за пир веселый
Все они уселись вместе.

Во дворец позвали тайно
Царедворца и вазира,
Пир веселый затянулся,
Сладко пели флейта, лира.
Позабыв печальный траур,
Каждый думал после пира:
Стало правильно вращаться
Колесо кривое мира.

4

СОВЕТ У ЦАРЯ КАРТАЛИНСКОГО

И тогда князей грузинских
На совет к царю позвали.
Те, открыв большие книги,
По чинам расселись в зале.

Мудрецы подальновидней
Говорили, что едва ли
Миновало время бедствий,
Но другие ликовали.

Эти, полные надежды,
Уверяли в свой черед:
«Братья, скажем без утайки, —
Ваш неправилен расчет.
Христианский царь отныне
Под защиту нас берет.
Отчего же, малoverы,
Новых ждете вы невзгод?»

Те ответили: «Увидим,
Время скоро нас рассудит.
Всё устроится, конечно,
Если мешкать царь не будет.
Но, коль в Грузию не сразу
Войско русское прибудет,
Враг, узнав про это дело,
Наши земли обезлюдит».

Так же, как олень усталый
К роднику спешит напиться, —
Жаждал с русским государем
Царь свидания добиться.
Он спешил, хотя и трудно
Было с родиной проститься,
И на тех, кто прекословил,
С недоверьем стал коситься.

И князья, заметив это,
Продолжать не стали спор.
«Поезжай, коль так, — сказали, —
Но надень простой убор.
Силен враг — срубить он может
Сто лесов на сотне гор.
Коль нагрянет он с войною,
Помоги нам дать отпор.

Коль решил, то надо ехать,
Но не медли ради бога.
Не бери большой охраны,
А тем боле — войска много.
Назовись гонцом грузинским,
Царский сан скрывая строго.
Для излишних подозрений
Не давай врагам предлога».

Царь сказал: «Не подобает
Прибегать царям к обману.
Я скрывать пращу Давида
И хитон Христов не стану.
Если я, подобно вору,
Подберусь к чужому стану,
Как же я пред государем
И двором его предстану?»

Лучше я с могучим войском,
Не прибегнув к этой лжи,
Гнев обрушу на неверных
За разбой и грабежи.
Пусть ответят мне сторицей
Разорители Гянджи,
Прежде чем державы русской
Я увижу рубежи».

И советники сказали:
«Если так, мы все с тобою.
Хорошо, коль в этом мире
Ты всегда храним судьбою.
Но, увы, на свете часто
Всё кончается бедою.
Как нам быть, коль наша радость
Мукой сменится сплошною?»

Не ответил царь ни слова,
Промолчал на эту речь.
Положил он твердо в сердце
На врага обрушить меч.

Приближался час обеда,
Разошлись, и дело с плеч!
Не смогли царя вельможи
От беды предостеречь.

Зарыдав, они сказали:
«Горе нашему народу!
Эта царская затея
Нам сулит одну невзгоду.
Были две петли на шее —
Будет третья сумасброду.
Разве могут три дракона
Предоставить льву свободу?»

Возмущались, что ответил
Царь на просьбу их отказом:
«Трех царей он почитает —
Три ярма готовит разом.
Спасалар великий шаха,
Внемлет он его приказам,
Чтит и русского, и турка,
Потеряв последний разум!

Это дело, безусловно,
Недостойно одобренья.
Коль заспорят эти трое,
Вовлекут и нас в сраженья.
Стиснут нас они тискаами,
И не будет нам спасенья,
И великому проклятью
Предадут нас поколенья!»

Так они твердили, только
Кто их слушателем был?
Царь был царь, и поступал он,
Как разумней находил.
И пошел в поход владыка
Во главе несметных сил,
И Гянджу с ее полями
Вражьей кровью оросил.

**ВРАГИ ДОНОСЯТ ШАХУ
О НАМЕРЕНИЯХ ЦАРЯ ВАХТАНГА;
ШАХ ОТНИМАЕТ У ВАХТАНГА КАРТЛИ
И ПЕРЕДАЕТ ЕЕ ЦАРЮ КАХЕТИНСКОМУ**

При одной болезни долго
Переносим мы страданья,
Но при двух болезнях разом
Тщетны лекаря старанья.
Царь Вахтанг не ладил с сыном
Даже в годы испытанья.
Никогда не утихали
Между ними пререканья.

Хитрый враг меж ними сеял
Недоверье и вражду.
Затянули спор опасный
К своему они стыду.
Не смогли Петра увидеть,
Про свою сказать нужду,
Только шаха прогневили
И накликали беду.

Расходились их сужденья,
Разжигая в сердце рану:
Царь Вахтанг тянулся к русским,
Сын покорствовал Ирану.
Обманул их мир мгновенный,
Я хвалить его не стану, —
Не смогли они исполнить
Многих дел, приличных сану.

Шах противников Вахтанга
При своем держал престоле.
Соглядатаи не спали
И по их служили воле.
И враги сказали шаху:
«Царь мечтает о крамоле.
Заодно с царем Вахтангом
И вазир твой, этмандоле».

Шах, услышав об измене,
Опечалился, смущен.
Обо всех делах подробно
Приказал разведать он.
Этмандоле поплатился,
В преступленьи уличен,
И по приговору шаха
Был немедля ослеплен.

Дней прошло с тех пор немного,
Снова шаху донесенье:
«Повелитель Гурджистана
Вероломен, вне сомненья.
Он торопится в Россию,
Видя наши затрудненья.
Мы должны его немедля
Покарать за преступленья».

Получив донос вторичный,
Распалился властелин, —
Он добраться до Вахтанга
Из своих не мог долин.
Шах лишил Вахтанга царства,
И владыкою грузин
Сын Ираклия был признан —
Царь Кахети — Константин.

Константин по-басурмански
Звался Мамед-Кули-ханом.
Отличался он отвагой,
Был казист и строен станом.
Много лет, подручный шаха,
Управлял он Исфаганом.
Знать, имел он славный гребень,
Чтоб чубы чесать поганым.

Шах воздвиг его над Картли
Так, как раньше над Кахети.
Он считал царя подпоркой
Для своей иранской клетки.

«Царь Вахтанг, — писал он гневно, —
Поднял меч, раскинул сети.
Уличи его в измене, —
Развяжи узлы мне эти».

6

СОВЕТ У ЦАРЯ КАХЕТИНСКОГО

Вышел в поле царь Кахети
И воздвиг шатер для тени,
И вельмож на совещанье
Из своих призвал владений.
Вкруг шатра стояла стража,
Образуя огражденье.
Затруднительного дела
Предстояло обсужденье.

И промолвил приближенным
Муж, стоящий у кормила:
«Мудрым оком оцените
Правды царское мерило.
Хоть судьба меня потомством
До сих пор не наделила,
Так судить нам нужно, чтобы
Пред детьми не стыдно было.

Ныне я, как перед богом,
Правду вам сказать готов.
Судия благочестивый
На суде — не суеслов.
Пусть мне шах дарует Картли, —
Не приму его даров.
Мы и так, как свечи, таем
В окружении врагов.

Клялся я царю Вахтангу
Другом быть ему и братом.

Страшно в клятвопреступленьи
Быть мне, дети, виноватым!
Если этот дар приму я,
Царь сочтет его захватом.
Лучше шаха не послушать,
Чем злодеем стать проклятым.

Кроме прочего, я знаю, —
Ум подсказывает мой,
Что приказ последний шаха
Для Вахтанга — звук пустой.
Коль потребую я Картли,
Царь пойдет на нас войной.
Хочет шах, чтоб псам в добычу
Отдал брата брат родной.

Сотворен я человеком,
Мне не вечно жить на свете.
Час придет, и стану прахом,
Как возник из праха, дети.
Что ж врагом мне делать брата?
Враг повсюду на примете.
Пусть мой брат владеет Картли,
Мне довольно и Кахети.

Отомстив лезгинам, буду
Я спокоен вместе с вами.
Никогда на землю брата
Не обрушусь я с войсками!
Нашу родину Кахети
Опяшу крепостями.
Таково мое решенье.
Прав ли я, судите сами».

«Кто ж себя, — сказали кахи, —
Топором ударить рад?
Кто из тела вырвет душу,
Чтоб попасть за это в ад?
Счастье в дом к тебе стучится —
Гонишь ты его назад.

Пусть бездетен ты, но в доме
И племянник есть и брат.

Почему ты дар господень
По своей теряешь воле?
Виноват ли тот, кто клятву
Нарушает поневоле?
Шах за эту непокорность
Обвинит тебя в крамоле.
«Таем мы», — сказал ты нынче, —
Будем таять вдвое боле.

Нет, мы думаем, что лучше
Этот выполнить приказ.
Пусть к царю твой брат поедет,
Зять Вахтангов Теймураз.
Твой отец Ираклий помощь
Подавал царю не раз.
Подчинится — царствуй в Картли,
Нет — рассчитывай на нас».

Царь сказал на это: «Кахи!
Шах, страшась не без причины,
Разделил народ грузинский
Раньше на две половины.
Почему ж теперь он хочет,
Чтобы стали мы едины?
Он затем дает мне Картли,
Чтоб поссорились грузины.

Если кто, обремененный
Многочисленной семьею,
Ни пристанища, ни кровя
Не имеет за спиною,
Если бьет его гонитель,
Он же ссорится с роднею, —
Бросьте этого безумца
В пламя книзу головою!

Ненавижу я неправду,
Не склонюсь перед лжецом.

Буду я Вахтангу сыном,
Он же будет мне отцом.
Ведь враждебные державы
Окружили нас кольцом.
Чтоб идти с мечом на брата,
Быть мне надобно глупцом».

7

**ДРУЖЕСТВЕННОЕ ПОСЛАНИЕ
ЦАРЯ КАХЕТИНСКОГО
К ЦАРЮ КАРТАЛИНСКОМУ**

Царь, потребовав бумаги,
Начертил своим калами
Купу веток виноградных,
Окруженную огнями.
Знак двух царств — два равных стяга
Преклонил он над ветвями:
«Пешкеш дур» — девиз на первом,
На втором девиз — «Салами».

Константин писал Вахтангу:
«Царь, молю тебя о встрече.
Шах пожаловал мне Картли,
Но его лукавы речи.
Окруженные врагами,
Таем мы с тобой, как свечи.
Если мы объединимся,
Нам обоим будет легче.

Царской милости прошу я,
Напиши мне свой ответ.
Быть с тобою мне в разлуке
Никакого смысла нет.
Если только соизволишь,
Сам явлюсь я для бесед.
Удостой меня вниманья,
Дай отеческий совет!»

Но не будем многословны,
Сократим повествованье!
Оседлав коней, посланцы
Повезли царю посланье.
Царь его в своей столице
Получил без опозданья.
Суесловие людское
Злом почло благодаянье!

Царь прочел письмо и к сердцу
Принял дружеское слово,
И вельмож на совещанье
Пригласил немедля снова.
Увидав два равных стяга —
Знак отечества двойного,
Иессей насупил брови
И нахмурился сурово.

Всё, что было в том посланьи
Знаком дружеских забот,
Карталинские вельможи
Толковать пошли вразброд.
Царь сказал им: «Эта купа
Только в Грузии растет.
Нам письмо не предвещает
Затруднений и невзгод».

Всё же кружево посланья
Кой-кто принял за дерюгу,
Называя притязаньем
Дружелюбную услугу.
Картли купой виноградной
Посчитали с перепугу,
Стяг угрозе приравняли,
Кахов — огненному кругу.

Царь сказал: «В посланьи этом
Никакого нет коварства.
Ведь «Салами» — это дружба,
«Пешкеш дур» — признание царства.

Круг огня есть круг неверных,
Обступивших государство,
Купа лоз — народ грузинский,
Дружба нам в беде — лекарство.

Мы есть купа винограда,
Ибо в мире мы родня.
До тех пор, пока мы вместе,
Не боимся мы огня.
Просит мира царь и дружбы,
Стяг учтиво наклона, —
Сохранив за мною Картли,
Из Кахети чтит меня.

Но когда бы эти лозы
Разделили на две кучи,
Их тотчас бы ураганом
Разметало в прах летучий.
Беспризорный виноградник
Губят зверь и гад ползучий, —
Кто поссорит брата с братом,
Пусть кипит в смоле горючей!

Нам, не мудрствуя лукаво,
Нужно вынести решенье.
Кто гневить не хочет бога,
Превозможет все сомненья.
От целебного бальзама
Прекращаются мученья.
Если царь приехать хочет —
Посылайте приглашенья.

Мы понять его сумеем,
Лишь приехал бы сюда!
Что б его сюда ни гнало —
Дружелюбие иль вражда, —
Не попробовав, едва ли
Мы узнаем вкус плода.
Люди бьют плоды о камень,
Если мякоть их тверда».

Все решили Константина
Пригласить в свою округу,
Но противники Вахтанга
Воспротивились с испугу.
Словно корни, что на поле
Не дают проехать плугу,
Своего они добились,
Не пустив царей друг к другу.

8

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ ССОРЫ МЕЖДУ
ЦАРЯМИ КАРТЛИ И КАХЕТИ**

По душе пришлось Вахтангу
Предложение Константина:
«Прав владыка, если только
Не изменит беспричинно».
И тотчас же за владыкой
Он послал гонца-грузина.
Иссей взбесился, словно
В грудь ударила дубина.

Иссей подумал с сердцем:
«Брат таит ко мне вражду.
У него я в заточеньи
Поседел, терпел нужду.
Коль теперь договорятся
На мою они беду,
Никакой утехи в жизни
Я вовеки не найду!»

Неужели я позволю
Над собой всю жизнь глумиться?
Не меня ли истомила
Беспросветная темница?
Сколько он мне зла наделал —
Мой безжалостный убийца!
Горе мне, безумцу, если
Дам я им объединиться!»

И открылся он однажды
Чернецу монастыря:
«Царь коварно поступает,
К людям злобою горя.
Если он родного брата
Истязал три года зря,
Неужели пощадит он
Кахетинского царя?»

Он владыку и в Кахети
Не считает господином.
Если царь сюда приедет,
Плохо будет с Константином!
Ты, чернец, спасенья ради
Не остался мирянином, —
Так не дай же надругаться
Над владыкой неповинным!»

И монаха Епифана
Иессей послал в Кахети,
Написав царю: «Безумец,
Иль не видишь козни эти?
Царь, убийство замышляя,
Для тебя раскинул сети.
Ты бездетен, — за бездетных
Отомстить не могут дети.

Не кивай на Теймураза:
Он родной Вахтангу зять.
Дочь царя — его супруга, —
Что с такого можно взять?
У тебя ислам в почете,
Здесь — Христова благодать.
Теймураз христианину
Зла не может пожелать.

Шах тебя прогонит с трона,
Уличив в такой крамоле,
Теймураз не мусульманин, —
Он не будет на престоле.

Вы же сами говорите:
«С каждым днем мы таем боле».
Кто, скажи мне, кроме шаха,
О твоей помыслит доле?

Царь, послушайся, не езди
В этот гибельный поход.
Не давайся в злые руки,
Как слепец и сумасброд.
Мне доподлинно известно,
Что тебя в Тбилиси ждет.
Брат побьет тебя о камни,
Как незрелый твердый плод».

И монах на полдороге
С Константином повстречался,
И вручить ему посланье
Без задержки постарался.
Царь прочел предупрежденье,
Помрачнел, перепугался,
Повернул коня и молча
Он в обратный путь помчался.

Видя это, вся дружина
Говорила с удивленьем:
«Отчего он так внезапно
Изменил своим решеньям?
То, что нужно ехать в Картли, —
Не его ли было мненьем?
Почему же он вернулся,
По каким соображеньям?»

Говорили меж собою,
Что беспечен этот ках, —
Лучше б он с царем Вахтангом
Столковался о делах:
Если брат несчастья брата
Не сочтет своими — шах
Снимет головы с обоих
И добро развеет в прах.

Возвращаясь, по дороге
Говорил один другому:
«Я не верю в это дело,
Мы хлопочем по-пустому.
Царь о двух болеет царствах,
А бежит в испуге к дому. . .»
Карталинцы в это время
Приготовились к погрому.

На обоз они напали,
Ибо он тащился сзади,
Сундуки поразломали,
Растащили много клади.
Только вечером тревога
Поднялась во всем отряде:
Ночь разбойников укрыла.
Были войны внакладе.

Своего владыку кахи
Упрекали с этих пор:
«Тот, кого считал ты братом,
Поступил с тобой, как вор.
Вместо трона карталинцы
Утащили твой ковер.
Уж сидеть бы лучше дома,
Чем терпеть такой позор!»

И сказал им царь: «Довольно,
Прекратите поношенья!
Я потешился немного
И пошел на приглашенье.
Но теперь приму я к сердцу
Ваши общие стремленья.
Будь по-вашему! Но только
И мое напомню мненья.

Не хотел я зла, однако
Вы мне сердце истерзали.
Я готов. Готовьте к бою
Ваши ружья и пищали.

Соберите ваше войско,
Облекитесь в крепость стали, —
Разобьем ворота Картли,
Коль они враждебны стали!

Я хотел, чтобы согласно
Воцарилось в этот год,
Я хотел унять раздоры
Подчиненных и господ, —
Вы ж меня на путь толкнули
Разногласий и невзгод.
Пусть война на вашу совесть
Тяжким бременем падет!»

9

**КАХЕТИНСКИЙ ЦАРЬ
ЧЕРЕЗ ПОСЛАНЦЕВ-МОНАХОВ
ТРЕБУЕТ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАРТЛИ
К СВОЕМУ ГОСУДАРСТВУ**

Государь писал Вахтангу:
«Получив твое посланье,
Ради дружеской беседы
Поспешил я на свиданье.
Ты ж питье припас такое,
Что утратил я желанье
Ехать дальше, — неужели
Я нуждаюсь в оправданье?

Видит бог: с тобой поладить
Я надеялся вполне,
Но узнал я, что готовишь
Ты мне гибель в западне.
Я ушел, и ты ограбил
Мой отряд в своей стране,
Посягнул на то, что с детства
От отца досталось мне.

Возврати мои богатства,
Подобающие сану.
Пострадав от скорпиона,
Талисман кладут на рану.
За четыре прегрешенья
Мстить я впятеро не стану,
Ибо сам ты первый скажешь,
Что подобен я тирану».

Легкомысленным посланьем
Карталинцы отвечали:
«Мы не знаем, что за люди
Вас в дороге обобрали.
Наши люди неповинны —
Вам на нас наклеветали.
Мы при чем, коль ваши свиньи
К волку в логово попали?»

Оскорбился царь Кахети,
И, не глядя на отказ,
Он доверенных монахов
Снарядил в последний раз,
И правдивое посланье
Написал царю тотчас:
«Если мы не помиримся,
Враг сомнет обоих нас.

Царь, не слушай слов коварных,
Вникни заново в дела ты,
Шептунов и лицемеров
Из своей гони палаты.
Не пожрут без божьей воли
Саранчу грачи пернаты.
Пусть ты лев, но и драконы
Беспощадны и крылаты.

Не ломай стены, к которой
Прислонился ты спиною,
Не касайся гнезд орлиных,
Будь, как голубь, чист душою.

О своих птенцах заботься,
А не то орлы стрелою
Налетят, и сгинет разом
Всё, добытое тобою.

Ты не думай, что богатый
По заслугам стал богат,
Что бедняк в дырявой чохе
Сам в несчастьях виноват.
Только бог любую малость
Превратить умеет в клад.
Тот, кого он обездолит,
И пылинке будет рад.

Посмотреть себе под ноги
И счастливцу не мешает,
Ибо спесь основу счастья
У счастливых отнимает.
Неусердный к господину
Раб от бога пострадает,
Но беда и господину,
Коль раба он угнетает.

Ты обидел господина,
Так не сетуй на людей.
Сам господь не оправдает
Своенравности твоей.
О покорности владыкам
Пел Давид на склоне дней.
Коль не можешь подчиняться,
Сам приказывать не смей!

Шаху ты не подчинился,
Оттого теперь в опале.
Шах пожаловал мне Картли,
Рассуди: виновен я ли?
Коль ослушаюсь я шаха,
Что со мною будет дале?
Разорят страну злодеи,
Как нередко разоряли!

Я не требовал бы Картли,
Но меня толкает страх:
Не простит мне мой владыка
Непокорности в делах.
Покарав тебя за козни,
Он сотрет меня во прах.
Отомстить за ослушанье
Семикратно может шах.

Бог прощает прегрешенья
Приносящим покаянье,
Обратись с повинной к шаху,
Прекрати непослушанье.
Лучше силе покориться,
Чем идти на растерзанье.
Не отдашь добром мне Картли —
Страшно будет наказанье.

Я не попусту болтаю.
Сердце горестью полно.
И тебе за слово правды
Порицать меня грешно:
Плохо прятал свою ты пряжу,
Криво гнал веретено.
Барыша ты не получишь
За негодное сукно.

Кулаком не бей по шилу
И не тыкай им в иголку, —
Только руки перепортишь,
Мало будет в этом толку.
Не враждуй напрасно с шахом —
Будешь плакать втихомолку:
Мигом вышвырнет в Россию,
Натрепав усы и холку!

Я добра тебе желаю,
Поразмысли сам с собою,
Окропи свой лик греховный
Освященною водою,

Отправляйся к властелину
С покаянной головою, —
Он вернуть тебе корону
Может собственной рукою.

Не криви душою, чтобы
Жизнь разумною была.
Не умысли зла другому,
И тебе не будет зла.
Надо с самого начала
Так обдумывать дела,
Чтоб потом не сокрушаться,
Разорив себя дотла!»

10

**ЦАРЬ КАРТЛИ БРОСАЕТ В ТЕМНИЦУ
ПОСЛОВ КАХЕТИНСКОГО ГОСУДАРЯ**

Бодро двигались монахи
В карталинскую столицу:
«Нам служить в церквах позволят,
Нам казны дадут частицу.
Нагрузим мы наших мулов
И верблюдов вереницу».
Невдомек монахам было,
Что посадят их в темницу.

Говорил один: «Потешусь
Я в тбилисской серной бане».
Говорил другой: «Досыта
Балыка поем в духане».
Третий: «Я вина Атени
Выпью целое марани».
Лишь четвертый им заметил:
«Не попасть бы в петлю ране!»

Слабый путник, не решаясь
Переплыть через поток,

Самодельный укрепляет
Над пучиною мосток,
Но, упав с него внезапно,
Он цепляется за мох. . .
Наших старцев ждал подобный
Во дворце переполох.

Царь, разгневанный и грозный,
Встретил иноков сурово.
Те замешкались в испуге,
Не смогли сказать ни слова.
Словно щит, они держали
Пред собой письмо царево
И, вручив его владыке,
Стали мямлить бестолково.

Не взирая на монахов,
Начал царь читать посланье
И нашел в нем дух гордыни,
Дух вражды и порицанья.
Обливаясь жарким потом,
Он пришел в негодование.
Искра вспыхнула от ветра,
Охватило пламя зданье!

Словно уголь раскаленный,
Царь лицом побагровел
И вскричал: «Зачем явились
В карталинский вы предел?
Почему не отвратили
Вы царя от черных дел?
Если б кинулись вы в воду,
Был бы легче ваш удел!

Почему в монастыре вы
Не сидите, славя бога?
Отчего от вас повсюду
Свары, сплетни и тревога?
Из-за вас, точа кинжалы,
Ищем к ссоре мы предлога.
Нет от бога вам прощенья,
Ибо зла несете много!

Вы смотрите, что он пишет,
Ваш ублюдок незаконный!
Чем он силен? Что за клады
Он хранит в суме посконной!
За орлом зачем летает
Он крикливою вороной?
Это мы еще посмотрим,
Где кому владеть короной!»

И сказал он приближенным:
«Нестерпимо, наконец,
Что отступник учит вере,
Уму-разуму — глупец.
Сам червяк, а изрекает
Поученья, как мудрец.
Под замок посланцев этих!
Не для них он, мой дворец.

Вы схватите их и бросьте
В подземелье без пощады,
Стерегите, чтоб не стали
Рыть подкоп из-за ограды.
Пусть немедленно спаспеты
Соберут мои отряды
И в Кахетию ворвутся,
Разрушая все преграды!»

И когда молва повсюду
Разнеслась об этом деле,
Донесли царю Кахети,
Что монахи в подземелье,
Что словам его посланья
В Картли внять не захотели,
Что враги готовят войско,
Дуют в трубы и свирели.

Кахетинский царь заране
Был к походу снаряжен.
Быстро двинувшись к Тбилиси,
Авлабар отрезал он.

В Нарикале в это время
Был персидский гарнизон, —
Константин поднялся в крепость
И устроил в ней заслон.

Но его разбили в битве,
И, пылая жаждой мщенья,
Царь отправился к лезгинам,
Собирая ополченье.
В Чари он договорился,
Заплатил за пополненье,
И лезгины окружили
Городские укрепления.

И внезапно отвернулся
Бог от Картли и Кахети,
И Тбилиси захватили
На заре отряды эти.
Для купцов и мирных граждан
Наступило лихолетье:
Тот прикончен, тот изранен,
У того пропали дети.

В этот страшный день субботний
Проклинали люди свет:
Все разграблены именья,
Ни домов, ни лавок нет.
Царь Вахтанг бежал, спасаясь
От великих этих бед,
И волна Куры от крови
Приняла багровый цвет.

11

**ТУРКИ ЗАНИМАЮТ КАРТЛИ;
КАРТАЛИНСКИЙ ЦАРЬ УЕЗЖАЕТ В РОССИЮ**

Жар Кахетии раздуло
Карталинским ураганом.
Коршун с коршуном сцепились
Над дыпленком бездыханным.

Но вблизи орел проснулся
И приблизился к горланам,
И унес от них добычу,
Победив на поле бранном.

Эх, напрасно эти птицы
Не поладили тайком!
Тот бы ножкой поживился,
Этот — спинкой и крылом.
Зря позволили злодею
Завладеть своим добром!
Коль неправду говорю я,
Наградите тумаком.

Белена была Вахтангу
В эти дни вкусней нектара:
Он к султану обратился,
Не очнувшись от удара.
Двух строителей послал он
Заметать следы пожара:
Лицемера Иессея
И царевича Бакара.

Но строители ошиблись,
Не хватило им уменья,
Только Картли и Кахети
Обрекли на разоренье.
Не могли они воздвигнуть
Неприступного строения,
Уступив врагу без боя
Все грузинские владенья.

Не смогли цари поладить, —
Зол был каждый и упрям,
Не умели присмотреться
К государственным делам,
Крепко запертые двери
Лютым отперли врагам, —

Привели лезгинов кахи,
Карталинцы — турок к нам.

Лишь проведаль царь Кахети,
Что горами и долиной
Турки движутся к столице
Напрямик, как рой осиный, —
Он признал себя бессильным
Перед вражеской дружиной.
Сдал ключи он сераскиру
И пришел к нему с повинной.

И вошли в Тбилиси турки,
Увидав, что нет запрета.
Иессей поладил с ними —
Был он веры Магомета.
Царь Вахтанг ушел в Россию
Через Рачу в то же лето.
Что случилось с ним в России,
Я еще скажу про это.

В горы к пшавам и хевсурам
Удалился Константин.
Разместилось близ Тваливи
Беглых множество грузин.
Но ни жать не мог, ни сеять
В этом месте ни один, —
Что имели, то проели
И бедняк и господин.

Невтерпеж несчастным кахам
Становилось это горе.
Поклялись они друг другу
Отомстить турецкой своре:
«Проведем подкоп секретный
И ворвемся в крепость Гори!»
Царь решился, и запели
Боевые трубы вскорее.

Иессей, узнав, что в Гори
Мчатся кахи по лесам,

Во главе отряда турок
Из Тбилиси вышел сам.
Грянул бой. И кровь людская,
Щедро пролитая там,
Жернова вертеть могла бы,
Коль текла б по желобам!

От рассказов этих горьких
И в гортани горько стало!
Зедавальская долина
Ополчений не вмещала.
Атакуя войско турок,
Одолели мы сначала,
Но потом разбиты были:
Нас измена доконала.

Страшный день! Отряды турок
Проливали кровь невинных,
Обезглавливали женщин,
Чернецов, простолюдинов.
Наши головы возили
На арбах, в больших корзинах.
Мертвецов не хоронили, —
Грызли волки их в долинах,

12

ПЛЕНЕНИЕ ДАВИДА ГУРАМИШВИЛИ ЛЕЗГИНАМИ

Очевидцу дней печальных
Тяжко длить повествованье!
Нелегко даются людям
Эти горькие признанья.
Все мы грешники. Во мраке
Нам нет вешнего сиянья.
Растеряв, мы снова ищем
Нашей жизни достоянье.

Наше зло перетянуло
На весах добра и зла.
Бог воздал нам, недостойным,
За греховные дела.
Потому и дань неверным
Разорительной была,
И исчез последний хлебец
Вместе с солью со стола.

Колесо судьбы обратно
Стало с этих дней вращаться,
Зацепило карталинцев,
Кахов вынудило сдаться.
Петухов шакалы съели —
Курам некуда деваться:
Только ястребы напали,
Стали в ужасе метаться.

И руинами покрылась
Благодатная страна.
Всех в неволю уводили,
Кто не спасся дотемна.
Стали бабами мужчины,
Устрашила их война.
И никто не мог лелеять
Картли в эти времена.

Константин не спасся тоже.
Он отрекся без возврата
Для турецкой волчьей шкуры
От персидского халата.
Хоть и сдался добровольно
Он на милость супостата,
Но покончил дни на плахе
От руки чужого ката.

И причина этих бедствий —
Только наш раздор один!
Турок стал владыкой Картли,
Кахов вытеснил лезгин.

Кровь родная затопила
Дно ущелий и долин,
Всюду смрад стоял от трупов
Обезглавленных грузин.

Был и я когда-то князем,
Жил в селе Горис-Убани.
Там в шелках мои невестки
Щеголяли на гуляньи.
Но судьбою был заброшен
Я на север от Кубани.
Горе мне! О, кто б со мною
Разделил мои стенанья!

Расскажу я, как лезгины
Ловко мною овладели.
Разоренный край покинув,
В Ксанском скрылся я ущелье.
В Ламискана жил мой родич,
У него я был при деле.
Наблюдал я за жнецами,
Ибо жатвы дни приспели.

Раз, велев быка зарезать
Нашим людям на обед,
Я и два моих подручных
Вышли на поле чуть свет.
Нас заметили лезгины
И пошли за мной вослед:
Было видно им с Иртозы,
Что жнецов на поле нет.

Рядом тек ручей прохладный,
Лес вокруг стоял стеною.
Человек пятнадцать пеших
Там охотилось за мною.
Прислонил я саблю к дубу
И ружье, что взял с собою,

И пошел себе на горе
Освежить лицо водою.

Тут меня они схватили,
Руки-ноги мне связали,
По тропинкам, по трущобам
За сто гор меня угнали.
Проливал я слез потоки,
Изнывал я от печали.
Ел, давясь, баранье сало,
Пил отвар из-под хинкали.

Не о том я убивался,
Что бараний ел курдюк, —
Лишь была бы сытной пища
И не кончилась бы вдруг! —
Тяжко было, что лезгины
Не снимали путы с рук.
Горе мне! Зачем не умер
Я от горьких этих мук!

С той поры меня держали
Как прислужника простого:
Не давали ни одежды,
Ни питания, ни крова.
Всё продать меня хотели,
Их холопа дарового.
Я бежал, меня поймали.
За побег побили снова.

Как я был в плену лезгинском
Бесконечно одинок!
Безоружному, больному,
Мне помочь никто не мог.
И вознес мольбу я к богу,
И меня услышал бог:
Снова я бежал из плена,
Подходящий выбрав срок.

ПЛАЧ ДАВИДА О ТОМ,
КАК, БУДУЧИ ПЛЕННИКОМ НА ЧУЖБИНЕ,
ОН НЕ ВИДЕЛ НИ ЛИЦА, НИ ОБРАЗА
СВОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ РОДИНЫ

О пленительная ликом!
Отблеск вечного светила!
Ни одна страна на свете
Мне тебя не заменила.
Сделай так, чтоб в отчих землях
Приняла мой прах могила!
Дай войти мне в рай небесный
Мимо адского горнила!

Ты одна моя надежда,
Жизни сладостный родник!
Неужели до кончины
Не увижу я твой лик?
Дай мне, господи, из плена
Возвратиться хоть на миг,
Отомстить врагам за горе
То, что я от них постиг!

О возлюбленная наша!
О жемчужина вселенной!
Потеряв тебя, в разлуке
С чем сравню твой лик бесценный?
Душу вырвут мне из тела,
С головой прощусь я, пленный, —
Ты к себе хотя клешами
Притяни мой прах смиренный!

Бьют меня, терзают, режут:
«Отрекись, забудь ее!»
Но сменю ли я, голубка,
Мед на горькое питье?
Так пробей же дверь в темницу,
Освети мое жильё,
Чтобы я бежал из плена
И узрел лицо твое!

**ПЕСНЬ О ТОМ,
КАК ХОЛОДНО БЫЛО В ПЛЕНУ ДАВИДУ
И СОЛНЦЕ НЕ ПОЯВЛЯЛОСЬ ИЗ-ЗА ТУЧ**

Воспеваю я и славлю
Свет немеркнувший предвечный.
Солнцу солнц давно обязан
Заплатить я долг сердечный.
Если зримое светило
Ослепляет взор беспечный,
Как незримое познаю
Я в сей жизни быстротечной?

Я пред солнцем солнц склоняюсь,
Я пред ним благоговею.
Я его лучей поклонник,
Ибо очи я имею.
Разве я могу другому
Поклоняться чародею?
Чтоб его не вызвать гнева,
Тинатин я петь не смею.

Видно, жены и мужчины
Все запятнаны грехом!
Вот зашло за тучу солнце,
Мгла спустилась над холмом.
Грудь мою тоска пронзила
Адамантовым копьём.
Где отец мой, мать и братья?
Где мой старый отчий дом?

Ноша давних прегрешений
На плечах отяготела.
Сбился я с пути-дороги,
Вьюга свищет, ломит тело.
Я в одной холодной бурке,
Нету шубы у картвела.
Солнцу солнц молиться буду,
Чтоб оно меня согрело.

От тебя, мое светило,
Я приму любую малость.
Светозарное, навеки
Непостижным ты осталось!
Только ты ушло за тучи,
Вся душа от горя сжалась.
Заслони меня от ветра,
Дай твою почуять жалость!

Почему ты человеку
Темным кажешься в метель?
Отчего не могут очи
Увидать тебя досель?
Ороси меня огнями
Посреди чужих земель!
Не нашел я путь к Вифезде,
Чтоб войти в ее купель.

Пусть во мгле меня отыщет
Луч твой светлый и отрадный,
Пусть в защиту от мучений
Стяг воздвигнет благодатный!
Коль умру, пускай засыпят
Грудь мою землей прохладной:
Не хочу сгореть от зноя,
Словно стебель виноградный.

Ты зарю превосхищаешь,
Предрассветное светило!
Отчего ж во мраке ночи
Ты меня не озарило?
Облегчи мне путь далекий
И, чтоб сердце не застыло,
Сделай так, чтоб надо мною
Тинатин свой лик явила.

Горе! Кто меня утешит
Лаской света неземной,
Чтоб, лучами озаренный,
Снова я обрел покой?

Кто замерзшего коснется
Теплой ласковой рукой?
Я пожертвую сестрою
Ради женщины такой!

Солнце, ты иные звезды
Затмеваешь неизменно.
Я с невидимым тобою
Не расстанусь в муках плена.
Обогрей меня, молю я,
Уж дрожат мои колена.
Не бросай меня в горнило,
Как негодное полено!

15

**СОН, ПРИСНИВШИЙСЯ В ПЛЕНУ
ДАВИДУ ГУРАМИШВИЛИ**

И во сне сказал мне голос:
«Что ты дремлешь, раб ничтожный?
Почему в свою отчизну
Не стремишься, осторожный?»
Кто-то грудь мою легонько
Тронул палкою дорожной:
«Почему бежать боишься,
Обуян тревогой ложной?»

Твой владыка не желает,
Чтоб лежал ты здесь больной.
Приказал тебе он снова
Жить с возлюбленной женой.
Встань, иди, шагай со мною,
Я водитель буду твой!
Приказал тебе он снова
Жить с возлюбленной женой.
Встань, иди, шагай со мною,
Я водитель буду твой!
Встань, иди, шагай со мною,
Я водитель буду твой!»

Мне не сном тогда, но явью
Показалось это слово.
Я подумал — мне в соседи
Дали пленника другого.
Я сказал ему: «Коль знаешь,
Как домой вернуться снова,
Отправляйся сам в дорогу,
А меня оставь, больного.

О своих молился нуждах
Я всевышнему отцу.
Пусть Христос отныне будет
Провожатым беглецу.
Он меня в плену разыщет,
Как заблудшую овцу.
Мне же людям неизвестным
Доверяться не к лицу».

И ответил он: «Владыка
Ныне милостив с тобою.
Он послал меня на землю
Понукать тебя клюкою.
Пожалел он, что, бездомный,
Стал ты жалкою овцою.
Иль не знаешь ты, что волки
Бродят позднею порою?»

Я сказал ему: «Как видно,
Не простой ты человек.
Но нужны мне каламаны,
Чтоб решиться на побег.
Подожди, обую ноги
И покину я ночлег».
Не сказав в ответ ни слова,
Эти споры он пресек.

И сказал он на прощанье:
«Что твердить про каламаны!
Слезы ближних открывают
Путь тебе в родные страны.

Я исполнил божью волю,
Подал знак тебе желанный.
Коль поверишь — дух господень
Не лишит тебя охраны!»

ПОБЕГ ДАВИДА ИЗ ПЛЕНА

Бил во мне источник жизни —
Полный влаги желобок.
Ныне там, где был источник,
Хлынул слез моих поток.
Я молил о провожатом,
Чтоб его послал мне бог,
Чтоб враждебную границу
Перейти я, грешный, мог.

И пошел я в край далекий,
Где хотел найти спасенье.
Сердце плакало; слезами
Затуманивалось зренье.
Уж не думал я, что сердце
Это выдержит томленье.
Потерял я вас, родные!
Нет мне боле утешенья!

Путь на север по светилам
Находил я неустанно;
Семь планет проводниками
Мне служили постоянно.
Так достиг горы я голой
Посредине Дагестана,
И немало претерпел я
В том краю от урагана.

Засвистел внезапно ветер,
Застучал о камни град.
Ослепляя взор огнями,
Били молнии подряд.

Негде было мне укрыться,
И, блуждая наугад,
Обмотал тряпьем я темя
И упал, тоской объят.

Я лежал ничком, и сердце
Мне сказало, маловеру:
«Поищи от бури крова
И не мучайся чрез меру».
Я пошел и в блеске молний
Вдруг наткнулся на пещеру,
И она мне показалась
Подходящей по размеру.

Я в пещере той укрылся
И возрадовался снова:
Сам господь послал мне милость,
Не лишил в ненастье крова.
Он укрыл меня от града,
Защитил от ветра злого.
Не утратившему веры
Бог не сделает худого.

Ты один спасаешь, боже,
Заблудившихся в пути!
Без тебя дороги верной
Никому не обрести.
Я лежал, глаза зажмурив,
Но велел ты мне идти, —
И пошел, и отыскал я
То, что должен был найти.

Град прошел, и мрак пещеры
Я оставил для скитанья,
И восславил в сердце бога
За его благодеянья.
Не силен я был в молитвах
Без священного писанья.
«Сохрани, помилуй, боже!» —
Говорил я сквозь рыданья.

**О ТОМ, КАК ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ,
ВЫЙДЯ ИЗ ПЕЩЕРЫ,
ПОВСТРЕЧАЛСЯ С НЕИЗВЕСТНЫМИ ЛЮДЬМИ
И НОГИ ЕГО ПОДКОСИЛИСЬ ОТ СТРАХА**

Той пещере, что приютом
Послужила мне в мороз
И спасла меня от града,
Я хвалу свою вознес.
И пошел я вдаль, стеною,
И потоком горьких слез
Оросил бурьян засохший,
Что вокруг пещеры рос.

Мне по щиколотку града
По дороге навалило.
Шел босой я, но отныне
Мне уже не страшно было.
Что мне вепрь, и волк лукавый,
И медведь, лесной громила,
Если пленника в дороге
Бережет господня сила?

Трудно мне теперь подробно
О прошедшем рассказать.
Три я дня лежал в бурьяне,
Головы не смел поднять.
Чтоб с погоней не столкнуться,
Путь не мог я продолжать.
Мой живот, изголодавшись,
Начал к ребрам прилипать.

Но трехдневное лежанье
Помогло: враги отстали.
За пять суток вместо хлеба
Съел я только семь ткемали.
Днем я в зарослях скрывался,
Подвигался ночью дале.
Так одиннадцать я суток
Шел в тревоге и печали.

И хотя не ел я хлеба
Джавахетского тогда,
И хотя о кахетинском
Позабыл я навсегда, —
В утешенье мне досталось
Угощенье хоть куда:
Барбарис еще не зрелый,
Терн зеленый и вода.

От шипов моя рубаха
Ободралась постепенно,
Не могли прикрыть лохмотья
Обнаженные колена.
Но господь, отец небесный,
Уводя меня из плена,
Облегчил мои недуги,
Ибо я терпел смиренно.

На двенадцатые сутки
Вышел я к большой реке
И, как зяблик, с перепугу
Затаился в тростнике.
Хлеб крестьяне за рекою
Молотили вдалеке.
Не найду ли я спасенья
В этом мирном уголке?

Скоро к берегу крутому
В челноке подплыли двое,
Словно спрашивая взглядом:
«Что стряслось, Давид, с тобою?»
Но, увидев человека
С безволосой головою,
Повернули и уплыли,
Перепуганные мною.

Я и сам, людей увидев,
Был в смятении и тревоге.
Потеряв остаток силы,
Подкосились в страхе ноги.

Уж не мог идти я дальше
И залез в камыш, убогий...
Предначертанное богом
Всё я вытерпел в дороге.

ВЫХОД ИЗ ПЛЕНА В РОССИЮ

Ночь прошла. Никто не гнался,
Чтоб настигнуть беглеца.
Истомленный и неспавший,
Снова шел я без конца.
И в дороге пропитанье
Мне досталось от творца:
Я нашел кусок арбуза,
Два отличных огурца.

Но когда, склонясь к реке, я
Обмывал арбуз от пыли,
Из-за пазухи упали
Огурцы и прочь поплыли.
И до слез я огорчился,
Что поймать их был не в силе:
Мне дороже ста червонцев
Огурцы в то время были!

Понесло их вдаль теченьем,
Я за ними вслед погнался.
Чуть в реке не потонул я,
Но, увы, ни с чем остался.
И немало я на бога,
Неразумный, обижался:
«Коль ты дал, зачем ты отнял
И над нищим надругался?»

Всё живое процветает
По твоей лишь благостыне, —
Отчего ж забыл ты, боже,
О своем голодном сыне?

Коль послал ему ты пищу
Здесь, в неведомой пустыне,
Почему обратно отнял
То, чем он владел отныне?»

Спохватившись, со слезами
Снова бога я молил,
Чтобы он мои упреки
Неразумные простил.
Пережить любую кару
Был готов я, слаб и хил,
Но, увы, идти голодным
Не имел я больше сил.

Я роптал: «Неужто голод
Омрачил мое сознание?
Но ведь душу укрепляют
Долгий пост и покаянье.
Предающиеся пьянству
Не достойны ль порицанья?
Вслед за плотью губят душу
Роскошь и невоздержанье».

Так я шел и горько плакал,
Тяжкой думою объят.
С покаянной молитвой
Брел вперед я наугад.
Вдруг возник передо мною
Плодоносный дивный сад,
Где сплошной зеленой чащей
Персик рос и виноград.

И нагнулся, и пролез я
В виноградник тот цветущий,
И наелся винограда,
Притаясь под темной кущей.
«Ах, зачем роптал на бога
Я, скиталец неимущий?
Почему не положился
На тебя я, всемогущий?»

Огурцы ты отнял, боже, —
Счел себя я страсотерпцем
И хулить тебя я начал,
Согрешив умом и сердцем.
Ты ж простил грехи мне эти
И привел к единоверцам,
Хоть набить мне надлежало
Рот за это горьким перцем!

Как могу я, боже правый,
Похвалу тебе воздать
За великие щедроты,
За святую благодать?
Темен я, — псалмы Давида
Не умею распевать.
Не взыщи за то, что грешен
Пред тобою я опять!

Сделай так, чтоб стали песней
Плач мой горький и томленье.
Мне, зловонному сосуду,
Средство дай для очищенья.
Сердце, разум мой и душу
Сохрани от прегрешенья,
Укрепи своею силой,
Не ввергай во искушенья!»

Внял господь моим стенаньям
И мольбе немногословной —
И послал успокоенье
Он душе моей греховной:
Вместо голоса тревоги
Я услышал глас духовный, —
До ушей моих донесся
Дальний благовест церковный.

О, как сердце задрожало,
Услыхав церковный звон!
Я вскочил и оглянулся,
И отпрянул, поражен:

Люди истово крестились
Возле церкви у окон.
Вот оно, мое спасенье!
Кончен вражеский полон!

Возместил мне бог сторицей
Всё, чего лишил когда-то!
Как безумное, стучало
Сердце, радостью объято.
И рассыпал изо рта я
Там немало винограда,
И бежать хотел я к людям
Из приветливого сада.

Тут внимательней взглянул я
На неведомых людей, —
Кички женщин поднимались,
Словно рожки у чертей.
Испугался я, несчастный,
Новых дьявольских затей
И решил бежать отсюда
И других искать путей.

Я набрал плодов в дорогу,
Чтоб не мыкать горькой доли, —
Часть за пазуху засунул,
Часть узлом связал в подоле.
И до сумерек в саду я
Затаился поневоле:
Днем, погони опасаясь,
Не посмел я выйти в поле.

Возвратившись на дорогу,
Снова я залег в тростник,
Но врагу не пожелаю
Новых горестей моих:
Комаров взметнулась туча
Надо мною в тот же миг,
И закрылся я руками,
Задыхаясь в гуще их.

И сказал я, комарами
Доведен до исступленья:
«Ухожу я, кто б там ни был,
Больше нет во мне терпенья!»
И вскочил, и быстрым шагом
Устремился я в селенье,
И гумно, где молотили,
Я заметил в отдаленье.

Словно званный гость, внезапно
На гумне я появился.
Окружив меня толпою,
На меня народ дивился.
У любого под рубахой
Крестик маленький светился,
Медный крестик лобызая,
Трижды я перекрестился.

«Лазарь, дай-ка парню хлеба!» —
Кто-то, сжалившись, сказал.
Слово «хлеб» заслышав ухом,
Я, как лист, затрепетал,
Закачался на ногах я,
Пошатнулся, застонал
И, как рухнувшее зданье,
Обессиленный упал.

Слово «хлеб» я знал по-русски,
Слышал я его и ране.
Услышав его, я понял,
Что на русской я окрайне.
И душа, забыв о муке,
Погрузилась в ликование,
И, как сноп, я там на землю
Повалился без сознания.

Был казак в селеньи этом,
Мне ниспосланный судьбою.
Как родной отец за сыном,
Он ухаживал за мною.

Обнял он меня с любовью,
Оросил мне грудь слезою,
Толмача Январу-пшава
Разыскал, привел с собою.

Повезли меня за речку,
В храм господень привели,
Дали мне святым иконам
Поклониться до земли.
К старшине потом позвали,
Расспросили, как могли:
Кто такой, зачем скитаюсь
От отечества вдали.

Расскажу теперь я вкратце,
Как я с Терекком расстался.
Прибыл я в Сулак сначала,
В Астрахань потом подался.
С Волги я к царю Вахтангу
До Москвы с трудом добрался.
Царь с царевичем Бакаром
Там у русских укрывался.

Был начальником я сделан
У Вахтанга в арсенале.
Дай вам боже справить пасху
Так, как мы ее справляли!
Состязались в пеньи, в пляске,
Вирши взапуски писали,
Под веселый звон цимбалов
До рассвета пировали.

Виршеплет Джавахишвили
Там соперником мне стал.
Словно деревце кривое,
Был щеделушен он и мал.
Каждый стих мой, как репейник,
В хвост бедняге попадал,
И не раз, пища в досаде,
Шапку наземь он кидал.

**ОТЪЕЗД ЦАРЯ ВАХТАНГА
И СЫНА ЕГО БАКАРА В ДЕРБЕНТ**

Я нашел в Москве Вахтанга,
Двор и весь его совет, —
Все они ушли из Картли
Перед этим за шесть лет.
Но призвавший их в Россию
Государь покинул свет.
Оттого они терпели
На чужбине много бед.

Петр Великий, император,
Вслед за ним другие двое
Навсегда переселились
В царство вечного покоя.
Царь в унынье погрузился,
Видя бедствие такое.
Скорбь, снедающая разум,
Сердце ранила живое.

Потому струились слезы
Из Вахтанговых очей.
«Вот, — твердил он с болью в сердце, —
Уж не стало трех царей!»
И немало сокрушался
Об отчизне он своей:
«Дело сильно затянулось,
Чем теперь поможем ей?»

Но когда на русском троне
Архипастырем венчанна,
Милосердная к народу,
Облеклась в порфиру Анна
И когда ее увидел
Царь во всем величьи сана, —
О своих делах решил он
Рассказать ей без обмана.

Он предстал перед царицей
И сказал ей со слезами:

«Я в моей беде великой
Здесь, в Москве, утешен вами.
Но помыслите о Картли,
Помогите мне войсками!»
И царица согласилась
Поддержать его делами.

«У меня, — она сказала, —
Есть Дербент, Сулак, Баку.
Всё приморье подчинилось
Ныне русскому штыку.
Отправляйтесь в эти земли,
Я казной вам помогу, —
Нужно с нашим русским войском
Вам ударить по врагу.

Всем войскам, что охраняют
Те приморские владенья,
Адмиралам, полководцам
Я пошлю распоряженье,
Чтоб они отныне ваши
Исполняли повеленья,
Чтобы жизни не щадили
В день кровавого сраженья».

И ответил царь с поклоном:
«Ободряя несчастливца,
Ныне божескую щедрость
Вы явили мне, царица.
Благодарный вам навеки,
Как могу я изъясниться?
Мой язык отныне будет
Славословить вас сторицей».

Подошел Вахтанг к царице,
Чтоб к руке ее прильнуть,
Встав, она благословила
Государя в дальний путь:
«Дай вам бог свои владенья
Без больших потерь вернуть!»
И во здравье из бокала
Пожелала отхлебнуть.

Прибыл царь из Петербурга,
И в Москве с великим рвением
Он с царевичем Бакаром
Приступил к приготовленьям.
На шести ладьях решили
Мы отплыть со всем именем.
Целый месяц эти лодки
Мастерили по селеньям!

Наконец мы в путь пустились.
То нас волоком влекли,
То неслись мы быстроною,
То сидели на мели.
Уж три месяца по Волге
Плыли наши корабли.
Что нас вскоре ожидало,
Мы и думать не могли!

В эти дни, пока по Волге
Пробирались мы на взморье,
Колесо кривое мира
Повернулось, с нами споря:
Встретил нас Семен Абрамов
С черной новостью, и вскоре
Царь, унынием объятый,
Погрузился в бездну горя.

«Шемаху, — сказал Абрамов, —
Ныне занял хан Тамаз».
Царь за волосы схватился,
Слезы брызнули из глаз:
«Почему судьба доселе
Столь жестоко гонит нас?
Неужели нет исхода
Для меня и в этот раз?

Как мне быть, куда идти мне?
Тьма пути мои сокрыла.
Мой корабль навстречу буре
Развернул свои ветрила.

Весть о царском повеленьи
Нас, увы, опередила.
Пусть врагу напасть такую
Ниспошлет господня сила!

Если б только мы доселе
Не ползли, как черепахи,
Никогда б я не услышал
То, что нынче слышу в страхе.
Отнял мой кусок заветный
Нади-кул, слуга при шахе.
Как мне быть и что мне делать,
Распростертому во прахе?

Если я вернусь обратно,
Как себя мне оправдать?
Если я в Дербент отправлюсь,
Что там должен предпринять?
Боже, что со мной ты сделал?
Наложил зачем опять
На разумные деянья
Скудоумия печать?

Мне в Дербенте жить удобней,
Чем в ином скитаться месте.
Подожду я там, какие
Принесет нам осень вести.
Горем делу не поможешь,
Надо нам подумать вместе,
Как в дальнейшем без ошибок
Постоять за дело чести».

И когда мы появились
У дербентского причала,
В облаченьи духовенство
Нас торжественно встречало.
Белый стяг над башней взвился
По приказу адмирала,
От раскатов русских пушек
Вся окрестность грохотала.

Раздавался звон церковный,
Били залпы хоть куда!
Сотрясались в этом шуме
Горы, небо и вода.
Видно, были мы для здешних
Не простые господа.
Как-никак, а утешенье
Для приехавших сюда!

**ХАН ТАМАЗ ЗАНИМАЕТ ШЕМАХУ И ГЯНДЖУ;
ТУРКИ ОСТАВЛЯЮТ ТБИЛИСИ**

Расскажу о Нади-куле
И дела его открою.
Он, кочевник Таракама,
Хорасанским был главою.
Дружба с ним для Шах-Тамаз
Оказалась роковою:
Шах надел себе на шею
Петлю собственной рукою.

Шах-Тамаз, заметим кратко,
В ослеплении своем
Сладострастию и пьянству
Предан ночью был и днем.
Нади-кул, любимец шаха,
Стал слепцу поводырем:
Шах дела ему доверил,
Не заботясь ни о чем.

Властелин самодовольный,
Погрузился шах в веселье.
Тетиву ослабив лука,
Меч обрек он на безделье.
И упал он в ров глубокий,
И погиб он в подземелье.
До сих пор озера крови
Там просохнуть не успели.

В заключение о шахе
Скажем слово мы такое:
Мы добро в огонь не бросим,
Но сжигаем всё дурное.
Разве должен был оставить
Бог насильника в покое?
Бог всегда ему, злодею,
Злом воздаст за дело злое.

Нади-кул заметил скоро,
Что бессилен Шах-Тамаз,
И схватил его и стражей
Окружил его тотчас.
И мечом он горделиво
Над иранцами потряс
И немало непокорных
Обезглавил в этот раз.

Зваться стал он Тамаз-ханом,
Супостат отчизны нашей.
В эти дни, как волк баранов,
Покорил он кизилбашей.
И завел себе он много
Беглар-беков и узбашей,
И большие арсеналы
Основал воитель вражий.

Всё случилось так, как ране
Замышлялось Тамаз-ханом:
Как бессовестный изменник,
Шаха он поймал арканом,
Бросил в ров, а сам владыкой
Сел на шею персиянам
И известие об этом
Разослал по разным странам.

И посол с его посланьем
Был в Россию снаряжен:
«Взыскан милостью аллаха,
Я воссел на царский трон.

Шах-Тамаз почил бездетным,
Не оставил сына он,
Я назвался Тамаз-ханом,
В сан владыки возведен».

Торопясь, Хулуп-посланник
В путь отправился с пакетом.
Был радушно в Петербурге
Принят он двором и светом.
О делах царя Вахтанга
Там узнал он по изветам.
Плохо сделал тот предатель,
Кто сказал ему об этом!

Донесли тому Хулупу,
Что Вахтанг сказал князьям:
«Шемаханскому владыке
По заслугам я воздам.
Город бомбами осыплю,
Повелю греметь громам.
Если бог пошлет победу —
Это всё, что надо нам».

И когда, в поход собравшись,
Кончил царь приготoвленья,
Тот Хулуп с гонцом отправил
Тамаз-хану донесенье.
Он советовал усилить
На границах укрепленья,
Ибо округ Шемаханский
Царь берет в свое владенье.

Получив предупрежденье,
Осерчал преемник шаха
И пошел с войной, и стала
Шемаха добычей праха.
И бежали прочь лезгины,
И Гянджа тряслась от страха,
Слыша звон ворот железных,
Сокрушаемых с размаха.

Тамаз-хан, искусный воин,
Так стремился наступать,
Чтобы тысяча умела
Десять тысяч растоптать.
И врата Гянджи тараном
Сокрушила эта рать, —
И, спасаясь, из Тбилиси
Повернули турки вспять.

21

**ТАМАЗ-ХАН ТРЕБУЕТ У РУССКОГО АДМИРАЛА
ВЕРНУТЬ ЕМУ ПРЕЖНИЕ ВЛАДЕНИЯ**

Адмирал письмо в Сулаке
Получил от Тамаз-хана:
«Не насильничай над нами,
Если ты не враг Ирана.
Если есть долги за мною,
Возмещу их без обмана,
Если ж нет, то мне сегодня
Милость царская желанна.

Разве вам Дербент подвластен,
Армоан, Баку, Сулак?
Чересчур не надо хвастать
Хвастуну обильем благ.
Почему ты пашешь землю
Там, где сеял я табак?
Почему с моих базаров
Дани требуешь, как враг?

Коль теперь мы не поладим,
Дело кончится войною.
Лучше вам уйти оттуда,
Где стоите предо мною.
Вижу я, что, в этом месте
Овладев моей землею,
Не хотите вы считаться
С нашей дружбою былою».

Адмирал ему ответил:
«Не прими за оскорбленье,
Что обязан я в столицу
Написать уведомленье.
Жди высокого указа,
Собери свое терпенье.
Всё охотно я исполню,
Получив распоряженье».

И в ответ из Петербурга
Поступило приказанье:
«Отступить от побережья.
Крепость скрыть до основанья».
Но пока начальник ломом
Не ударил в стену зданья,
Не посмел никто из русских
Это выполнить заданье.

Между тем другое имя
Снова принял Тамаз-хан.
Укрепившись на престоле,
Он присвоил царский сан,
Стал отныне Надир-шахом
Повелитель персиян.
Шаха, равного Надиру,
Не имел с тех пор Иран.

Он, могучий, Шах-Тамаза
Предназначил топорю,
Устрашил мечом османов,
Дагестан и Бухару.
«Из Баку, — сказал он русским, —
Уходите подобру!»
Даже Индии властитель
Припадал к его ковру.

В эти дни к царю Вахтангу
Прискакал посланец снова.
Шах писал: «Вернись в отчизну,
Я не сделаю худого.

Пополам мечом рассек я
Твоего врага былого.
Верь мне, царь, и мой подарок
Не отталкивай сурово».

Не поверил, оскорбился
Царь, читая тот указ:
Шах кольнул Вахтанга в сердце,
Как шиповник колет в глаз.
Поразмыслив сам с собою,
Царь решил и в этот раз:
«У него в цепях железных
Я умру, как Шах-Тамаз».

22

**РУССКИЕ УХОДЯТ ИЗ ДЕРБЕНТА;
ЦАРЬ ВАХТАНГ УЕЗЖАЕТ В АСТРАХАНЬ**

Войско русских отступило
Из Дербента на Кизляр.
Спешно в Астрахань вернулись
Царь и сын его Бакар.
Там свалился на Вахтанга
Неожиданный удар.
«Что мне жить, — сказал владыка, —
Если жизнь — презренный дар!

Мир мгновенный, мир коварный,
Ты за что меня терзаешь?
Я с одной бедою свыкся —
Ты мне девять посылаешь.
Сердце мне мечом пробили —
Ты копьем мне грудь пронзаешь,
Не даешь мне жить, проклятый,
И на смерть не обрекаешь!»

И сказал Вахтанг Бакару:
«Извела меня невзгода!

Только ты, мой сын, для сердца
Слаще сахара и меда.
Я отсюда не уеду,
Ибо нет нигде исхода.
Ты теперь главою будешь
Разоренного народа.

Под какой звездой, не знаю,
Мир впервые я узрел!
Бился много я, но тщетно,
Ныне биться — твой удел.
Я сложил свое оружие,
Изнемог и постарел.
Будь нам горе или радость —
Ухожу от этих дел.

Те грузины, что за мною
Добровольно устремились,
Или дом имеют в Картли,
Или здесь переженились.
Как по-русски говорится,
Дай им волю, сделай милость,
Чтоб они, расставшись с нами,
Где угодно поселились.

У меня их нынче просят,
Но не дам их никому.
Погубив страну, у старца
Я ли сына отниму?
Горе мне, коль буду яму
Рыть я брату моему!
Чем мне жить сиротским хлебом,
Лучше сгинуть самому!

Всем дарую я свободу,
Пусть живут по доброй воле.
Лишь одно скажу я слово
Людям в горькой сей юдоли:
Если бог не пожелает,
Мы своей не минем доли,

Но смотрите, чтоб в несчастье
Вас не ввергло своеволье!»

Сын родителю ответил:
«Что напрасно сокрушаться?
Почему теперь ты начал
Клясть судьбу и угрызаться?
Иль не знаешь ты, что миру
Невозможно доверяться?
Разве может безупречно
Колесо его вращаться?»

Для чего тебе напрасно
Проклинать мгновенный свет?
Человек обязан вынести
Не одну, а девять бед.
Лучше быть всегда веселым,
Чем скорбеть на склоне лет.
И в слезах твоих и муках
Никакого толку нет.

Посоветую тебе я,
Коль не будешь ты сердиться,
Не спеша в Москву отсюда
Вместе с нами возвратиться.
Будем жить, как раньше жили,
Коль несчастье наше длится.
Исцелит твои печали,
Увидав тебя, царица».

Царь сказал: «Как жили раньше,
Жить не будем никогда:
Посмотреть в глаза народу
Я не смею от стыда.
Уж в очах моих сиянье
Потускнело навсегда.
Не оправиться мне больше —
Такова моя беда».

И грузины пред Вахтангом,
Плача, пали на колени,

Били в грудь себя руками
И кричали в исступленьи:
«Почему, о царь, в пустыню
Ты бежишь, подобно тени?
Почему ты хочешь скрыться
От житейских треволнений?

Девятнадцать лет минуло
С той поры, когда впервые
Мы с тобой ушли из Картли,
Натрудив немало выи.
Что же мы теперь имеем
За походы боевые?
Ты о нас не хочешь думать
В эти годы роковые!»

Царь ответил им, рыдая:
«Правду вы сказали мне!
Много видели вы горя
На чужбине, на войне.
Что ж мне делать? Я старался
Послужить родной стране,
Но не смог. . . За вашу дружбу
Кто заплатит вам вполне?

Вы меня не упрекайте
Верной службою своею.
Кроме слов благословенья,
Разве что я здесь имею?
Наградит вас бог сторицей,
Я же ныне не умею.
Не предаст он вас, несчастных,
В руки вору и злодею!

Ныне, горестью объятый,
Весть услышал я дурную.
Чем такие слышать вести,
Лучше в землю лечь сырую!
Вас, друзей моих, обязан
Я отдать под власть чужую,

Но язык мой не способен
Вас обречь на жизнь такую!

Оттого теперь я плачу,
Безутешен и гоним.
Нас несчастье заставляет
Делать то, что не хотим.
Где конец моим заботам,
Злоключениям моим?
Если б вас не возлюбил я,
Верно, отдал бы другим!»

И отчаялись грузины,
Услышав слова печали,
Рвали волосы от горя,
Кулаками в грудь стучали.
Удивлялись очевидцы
И несчастных порицали, —
Где ж им было знать, в какую
Западню мы все попали!

И сказал им царь: «Грузины!
Прекратите плач напрасный.
Всем известно вам, что ныне
Вестью я сражен ужасной.
Сохраните ж эту тайну
От людской молвы опасной.
Сердца мне не разрывайте,
Я и так убит, несчастный.

Нет, не падайте вы духом
И себя не бейте в грудь.
Пусть Бакар, мой сын любимый,
Вам теперь укажет путь.
Вы должны ему на верность
Добровольно присягнуть,
Чтоб без вedomа Бакара
Шага больше не шагнуть.

Насадивший древо басен
Нам оставил поученье:

„Послушание — заслуга,
А упрямство — заблужденье.
Пастырь стадо растеряет,
Коль свое утратит рвенье,
Но и стадо без надзора
Волк пожрет в одно мгновенье“».

И соратники, прощаясь
С опечаленным царем,
Ноги старцу целовали,
На колени став кругом.
И текли у них по лицам
Слезы горькие ручьем
В день, когда они навеки
Покидали царский дом.

Стал народ пенять Бакару:
«Царь наш в горе и недуге.
Видишь, он какой наградой
Отплатил нам за услуги?
Не в шелках грузин прогнал он,
Но в лохмотьях из дерюги.
Человек с десятка только
Он оставил из прислуги.

Хоть отец твой, безусловно,
Многомудрый властелин,
С кем в науках мог поспорить
Иоанн лишь Дамаскин, —
Ныне впал он в заблужденье,
Коль решился жить один,
Удалив от этой кельи
Нас, родных ему грузин».

Им Бакар ответил: «Знаю
О его решении странном.
Но, клянусь детьми моими
Александром и Леваном,
Много раз твердил отцу я:
«Что творишь ты с нашим станом?»

Но отец в Москву не хочет
Возвращаться к россиянам.

Мудрых дел его доньше
Видеть мне не довелось.
Ведь за что он ни возьмется,
Всё идет и вкривь и вкось.
Сын отца судить не может,
Хоть и видит всё насквозь.
Без царя в Москву уедем,
Пусть живет он с нами врозь!»

Он велел нам: «Торопитесь,
Чтобы здесь не задержаться.
Скоро осень; в бездорожье
Трудно будет отправляться:
До Царицына рекою
Нам придется добираться,
Там — верхом и на подводах
По лесам передвигаться».

И тогда в отряде нашем
Начались приготовления,
В путь готовили мы спешно
Провиант и снаряженье.
Но огнем неугасимым
Жгло нас царское решенье.
Перед близкою разлукой
День мы проклинали рожденья.

И пустились мы в дорогу,
И дела распались в прах.
Царь, оставшись одиноким,
Все мольбы отверг в сердцах.
Как на башне Вавилонской,
Нас объял великий страх,
Ибо стали говорить мы
На различных языках.

**ЖАЛОБА ДАВИДА ГУРАМИШВИЛИ
НА СУЕТНЫЙ И МГНОВЕННЫЙ МИР**

Можно ль миру доверяться?
Лжив, изменчив мир мгновенный!
Хоть вцепись в него когтями,
Не удержишь дланью брэнной:
Нынче ласков он, а завтра
Поразит тебя изменой.
Лучше нам забыть о плоти
И служить душе нетленной.

То сиянием, то мраком
Он, изменчивый, объят,
То зефиром он повет,
То напустит вихрь и град.
За короткий миг блаженства
Будешь горестен стократ.
Ни добро, ни зло не вечны,
Что глупцы ни говорят.

Я постиг его, — не даром
Жил и я когда-то в холе,
И любил его, и думал,
Что любить обязан боле.
А теперь, смотрите сами,
Стал я мрачен поневоле,
Лютым пламенем объято
Сердце в горькой сей юдоли.

Коротка ты, жизнь земная,
Счастье коротко вдвойне.
Всё утратил я, несчастный,
Что имел в родной стране.
Мир, предательски-трусливый,
Перепутал пряжу мне.
Словно в пламени полено,
Сердце в горе и огне.

Он, проклятый, криводушный,
Подстерег меня с капканом.

Он казался мне вначале
Милосердным и желанным.
Долго он играл со мною
И поил меня дурманом,
Лишь когда я пал, сраженный,
Опорочил словом бранным.

Вот зачем я полон жалоб,
Мир изменчивый кляня!
Что еще сулит мне в жизни
Эта злая западня?
Может быть, уже забыла
Обо мне моя родня.
И ни сына нет, ни дочки
В этом мире у меня!

Всё он отнял, мир мгновенный,
Чем гордился я порою.
Захлестнул мою он шею
Хитроумною петлею.
Дважды он связал мне руки,
Отдавая в плен без боя.
Плачу я, затмились очи,
Дни — как ночи надо мною.

В сердце он мое, проклятый,
Меч вонзил по рукоять.
Уж отцом меня не будут
Никогда именовать.
Вкруг меня — врагов немало,
Как же мне не унывать?
Сел и стал стихи слагать я,
Чтоб хоть их детьми назвать.

Вот зачем с лукавым миром
Ладить сердце не желает:
За собою человека
Он насильно увлекает.
Одного прошу я сына —
Он моленную не внимает,
Тем же, кто его не просит,
Близнецов он посылает.

Сколько раз копьё он гневно
Приставлял к груди моей!
Сколько раз, заставив плакать,
Не давал мне петь, злодей!
Повелев лозой бесплодной
Расцвести до срока дней,
Иссушил мое он семя
И состарил без детей.

Я — как дерево сухое,
Ибо он срубил мне ветки,
Из очей моих струятся
Слезы, горестны и едки.
Преждевременно отравлен,
Я мечусь, как рыба в сетке,
В четырех томлюсь стенах я,
Как томится птица в клетке.

Переменчив мир мгновенный,
Нынче — сырость, завтра — зной.
Нынче он тебя ласкает,
Завтра борется с тобой.
Ты ему не доверяйся:
Лук он держит за спиной.
Счастлив тот, кто, полон силы,
По тропе идет прямой.

Наделил двумя дарами
Человека он любого:
Нынче нам готова радость,
Завтра горе нам готово.
Кто из смертных вечно счастлив?
Мир не видывал такого.
Как слепил он нас из праха,
Так же в прах развеет снова.

Мир, как море в непогоду,
Переменчив с давних пор.
По его основе время
Вышивает свой узор.

Кто там острою косою
Косит нас, костляв и хвор?
Бренный мир и в блеске молний
Темен, им наперекор!

Коль утрачу крепость духа,
Скоро я навеки сгину,
Ибо сердце бrenным миром
Сожжено наполовину.
Отнял он живой источник, —
Чем залить огня пучину?
Искромсал мое он сердце,
Словно острый нож холстину.

Дни мои укоротились,
Подошла моя пора!
Стала горькою сегодня
Влага, сладкая вчера.
Уж готовятся шакалы
Труп терзать мой до утра.
Скоро я увижусь с вами,
Брат покойный и сестра!

Где найти мне тихий отдых,
Чтоб забыть о вечной боли?
Дух мой рвется из гортани,
Уж недолго жить мне боле.
Если, бывший ахалдабец,
Я теперь уеду в Боли, —
Воспитать сиротку-книгу
Не смогу я поневоле.

Что ты выиграл, мой недруг,
Затевая праздный спор?
Ты зачем в упрек мне ставишь,
Что бездетен я и хвор?
Разве детище Давида
Не прекрасно с этих пор?
Разве сказанное мною
Супостату не отпор?

Я взрашу мой труд, как сына,
Песнопевцем для картвела,
Лишь бы песнь моя в рыданье
Превратиться не успела.
Мой язык гремел, как било,
Сердце колоколом пело,
Но, увы, на царской службе
Трудно делать это дело.

24

**КОНЧИНА ЦАРЯ ВАХТАНГА.
ГРУЗИНСКИЕ КНЯЗЬЯ И ДВОРЯНЕ
ПЕРЕХОДЯТ НА СЛУЖБУ К РУССКОЙ ЦАРИЦЕ**

Знайτε все, что мир мгновенный,
Полный лживыми делами,
Даже ясный свет светила
Закрывает облаками.
Были нашему владыке
Мы послушными рабами.
Как детьми, наш царь великий
Милосердно правил нами.

Отнял мир у нас Вахтанга,
Омрачил наш долгий путь,
Впредь велел платить с лихвюю,
Коль попросим что-нибудь.
И пришлось нам без владыки
Горя досыта хлебнуть.
Только вспомню я об этом,
Вся огнем пылает грудь!

Горе! Столп какой свалился!
Пал какой чертог чудесный!
Радость горем обернулась,
Скорбью стала повсеместной.
Царь, детей своих покинув,
Опочил в могиле тесной.

Крепче стой, хоть ты не рухни,
Голубой шатер небесный!

Умер царь, и нам, грузинам,
Нелегка была утрата.
Тьмой подернулся ночью
Свет, сиявший нам когда-то.
С перебитыми крылами
Заметались мы, орлята,
Запищали безнадежно,
Как без курицы цыплята.

И сказали россияне:
«Ведомо, грузины, вам,
Что господь не позволяет
Поклоняться двум богам.
Иль обратно уходите,
Или здесь служите нам.
Бесполезно предаваться
Сокрушенью и слезам.

Двадцать с лишком лет гостями
Вы не можете считаться.
Коль на службу не пойдете,
Вам прокорму не набраться.
Будет стол у вас обилен,
Коль решите оставаться,
Если ж нет — настало время
Вам в дорогу собираться».

И завет царя Вахтанга
Мы, грузины, позабыли:
Не спросились у Бакара,
Своевольно поступили.
Мы пошли по тем дорогам,
Что всего опасней были.
Кто оттуда жив вернется —
Предсказать никто не в силе.

Кахетинцы и картлийцы
Поклялись, что с этих пор

Будут жить они как братья,
Всем врагам наперекор,
Что делиться будут хлебом
Без размолвок и без ссор.
Я со всеми вместе клялся
Помнить этот уговор.

Дав друг другу обещанье
Жить по-братски и трудиться,
К государыне решили
Мы с прошеньем обратиться:
«Всех нас в подданство прими ты
И пошли с врагами биться».
Прочитав прошенье наше,
Нас одобрила царица.

И тотчас она велела
Нас причислить к россиянам,
Дать князьям по тридцать дымов
И по десять — всем дворянам, —
Если этого не хватит,
То прибавить счетом равным
Всем еще по десять дымов,
Чтобы домом жить исправным.

Зависть мудрому решенью
Воспротивилась тотчас:
«Сталь тверда, железо мягко, —
Как равнять возможно нас?»
Двор узнал о нашей распре
И другой послал указ.
Только то у нас осталось,
Что нам дали в первый раз.

И лишь те отвергли зависть,
В ком была ума частица.
На конях они поспешно
Прочь хотели удалиться.
У меня был конь неважный,
Я не смог нигде укрыться.

Подскочив, кривую саблю
Надо мной занес убийца.

Умертвила злая зависть
Тетию Орбелиани
И Адама Цицишвили
Обрекла на поруганье.
Пострадав от лютой злобы,
Очутился я в капкане
И с тех пор живу без цели,
Голова моя в тумане.

Эта бешеная зависть
Принесла нам бед немало:
Старших саблей зарубила,
Младших насмерть растоптала.
Мой очаг она спалила,
Кров последний отобрала.
И вошла тоска мне в сердце,
Как отравленное жало.

Тайный недруг мой вначале
Неприметен людям был,
Но внезапно проявилось
В нем немало скрытых сил.
Поедая много мяса,
Он костями нас кормил.
Древо пышное срубил он,
Сучковатое взрастил.

Добрых сделал он дурными,
Всё разбил, что было свято.
Сам слепой, он перепутал
Все дороги для собрата.
Медный сплав с тех пор цениться
Стал у нас дороже злата.
Взыщет бог за всё дурное,
Что он сделал мне когда-то!

Я в те дни козлу поверил,
Как ягненок несмышленый,

И внезапно я очнулся,
Над обрывом вознесенный.
Враг сказал мне: «Перепрыгни!
Там за кручей луг зеленый!»
Не сумел я перепрыгнуть
И свалился в ров бездонный.

Я от пастыря отбился
И свернул на ложный путь.
Тех, кто сам себя утратил,
Уж найдет ли кто-нибудь!
Человеческая жадность
Мир не в силах обмануть,
Псы теперь на мой достаток
Могут смело посягнуть!

Неразумным и плачевным
Был глупца полет бескрылый!
Еле выбравшись из ямы,
Снова я свалился, хилый.
Уж не свидеться мне с вами,
Мать, отец и брат мой милый!
И с тобой, сестра, быть может,
Встречусь только за могилой.

Вот наш перечень служебный —
Что случилось с нами дале:
Мы в семьсот тридцать девятом
С Хотина врата сорвали,
Фридрихсговенские сваи
В сорок мы втором сжигали,
В пятьдесят седьмом успешно
Трон пруссаков потрясали.

В пятьдесят восьмом пруссаки
Нас погнали на восток.
От своих я оторвался
И остался одинок.
В Магдебургской цитадели
Был я заперт на замок
И, лишь вырвавшись из плена,
Снова просо сеять мог.

Много проса получил я,
Да не смог отведать мчади:
Мне в другое ехать место
Было велено без клади.
И опять мое селенье
Я покинул службы ради
И утехи дней минувших
Навсегда оставил сзади.

28—35. **ВЕСЕЛАЯ ВЕСНА**

На мотив русской песни «Весела весна»

1

Одна красотка, встретившись со мною,
Зажгла меня «Веселою весною».
Российской песни сила
Мне сердце опалила
Томительным огнем!

С тех пор горю я, и никто на свете
Омыть водой не хочет раны эти.
О боже, для защиты
Меха с водой пошли ты
Страдальцу твоему!

Дай мне прозреть, незрячему невежде,
Чтоб шел я в путь, узнав дорогу прежде.
Пошли мне вдохновенье,
Чтоб я свое творенье
Исправно завершил!

БОРЬБА ЗИМЫ, ВЕСНЫ И ВЕТРОВ

Зима, воссев на троне из кристалла,
 Свой грозный меч и щит в руках держала.
 Вокруг теснились слуги —
 Снега, Морозы, Вьюги, —
 Бесчисленная рать!

Враг Кекии, начальник сей дружины,
 Был грозный Эврос в образе мужчины.
 С ним Пфиникс был злонравный,
 Зефир, и Липси славный,
 И Нотос, и Борей.

Был Кекия начальником у Лета.
 Хвастливый Эврос клял его за это.
 Но с Кекией, на счастье,
 Апил был и Эргастий,
 Левантос и Аргест.

Сказал Аргест: «Эй, Липси, что с тобою?
 Всю землю замочил ты под собою!»
 Обидно Липси стало,
 И снег сковал он талый
 И лужи льдом покрыл.

И был наш Липси от руки Аргеста
 Пронзен копьем в седалищное место.
 И Пфиникса позвал он,
 И так ему сказал он,
 Страдая свыше сил:

«Увы, мой зад пробит посередине,
 Отмстить врагу не в силах я отныне.
 Ты клялся мне по чести
 Со мной сражаться вместе.
 Иди и отомсти!»

Затих Аргест, заметив это дело,
 На Пфиникса пошел Эргастий смело, —

Полки Дождей он в сечу
Повел врагу навстречу,
А Пфиникс вел Снега.

Рванулись на Эргастия Метели,
И хлопья снега с шумом полетели,
А он из самопала,
Чтоб Пфиниксу попало,
Лупил в него дождем.

И Пфиникса постигло поражение,
Не мог он в ход пустить вооруженье:
Промокли все пищали,
А хляби угощали
Водой его отряд.

Но тут Зефир с Эргастием столкнулся:
«Ты на кого, негодный, замахнулся?
Повеешь теплотою,
Разделаюсь с тобою,
Порошей угощу!»

Тогда на помощь славному герою
Пришел Апил с полуденной жарою.
Дыхание Апила
Порошу растопило,
И Солнце помогло.

Был дружен Эврос с Нотосом, Бореем,
Служил Левантос, Кекией лелеем.
Спокойные доселе,
Они лишь не хотели
Раздоров и войны.

Другие ветры в ярости жестокой
Давным-давно умчались в край далекий.
А где они блуждали,
Друзья о том не знали,
И я их не видал.

Узнав о битве, Эврос разъярился,
На Нотоса с Бореем напустился:
 «Пока вы, пустомели,
 Со мною тут сидели,
 Погибла ваша рать!»

И с Севера поднялся вихрь Борей
И засвистал, с великой злобой рея,
 Привел Мороз трескучий,
 Нагнал седые тучи
 И страх навел на всех.

И где Весна по воздуху летела,
Опять всё смолкло и обледенело.
 Сковало льдами лужи,
 И все, застыв от стужи,
 На землю пали ниц.

И взвился Траске, и клубами пыли
Его войска Бореею путь закрыли,
 И около зенита
 Вконец была разбита
 Борей злая рать.

И пал Борей, и Нотос в воздух взвился,
За Траске вслед Левантос появился,
 И лев на льва бесстрашно
 Обрушился отважно,
 И грозный грянул бой.

Потряс всю землю Нотос диким воем,
Но был Левантос истинным героем,
 И в бой они вступили,
 И лапами лупили
 Друг друга по башке.

И Кекия примчался на подмогу,
И Эвросу отбил из пушки ногу,
 И по причине порчи
 Того схватили корчи,
 И в страхе он упал.

И в плен попался Эврос, и бежала
Вся рать Зимы куда и как попало,
И весть о пораженьи
В тревоге и смятеньи
Зиме привез гонец.

И чтоб Весна мороз не поборола,
Сошла Зима с хрустального престола,
Щитом прикрыла тело
И привести велела
Крылатого коня.

И в стан Весны, как дикая гиена,
Она примчалась, вынув меч мгновенно,
И так, грозя булатом,
Свирепым супостатом
Напала на Весну.

Излаяла Весну она сначала
И голову ей градом исхлестала,
Но и Весна-плутовка
Пустила в Зиму ловко
Весенних молний пук.

К тому же ей и Солнце услужило,
Пригрело землю, лужи растопило.
Схватив коня за гриву,
Бежала по разливу
Разбитая Зима!

И Кекия с копьем, готовым к бою,
Взнуздав коня, погнался за Зимою.
Грозя своим оружием,
По топям и разлужьям
Он мчался ей вослед.

И до тех пор летел за ней вояка,
Пока Зима не сгнула средь мрака.
И, взяв трофей немалый,
Со славой небывалой
Домой вернулся он.

**ПОРАЖЕНИЕ ЗИМЫ, ПОБЕДА
ВЕСНЫ, ОБЕТЫ ПАСТУХОВ**

Погибло всё, чем рать Зимы владела.
На изумрудный трон Весна воссела,
И все живые твари
Слетелись к ней по паре,
Приветствуя Весну.

Теперь Зима была не та, что прежде:
Пришлось бежать ей в сношенной одежде.
Весна ж повеселела
И пестрые надела
Обновы на себя.

И каждое растеньице нагое
Она одела собственной рукою,
И по ее указу
На волю вышли сразу
Все узники Зимы.

Всё, что зимой от холода дрожало,
Зеленое надело покрывало,
И теплый ветер дует,
И хоры птиц ликуют,
Щебечут и поют.

И жаворонок свищет на опушке,
Удоду вторят возгласы кукушки,
И голуби рокочут,
И спать никто не хочет,
Заслышав соловья.

Повсюду звуки песенок знакомых,
И слышен уху шорох насекомых:
Они из темных норок,
Ликуя, на пригорок
Ползут из-под земли.

И всё, что было на земле мужского,
Соединилось с самочками снова.

И хлеб взошел, и травы
Пробились, и дубравы
Листвой покрылись вновь.

Ушла Зима с холодными снегами,
Пришла Весна с весенними цветами.
Людей влечет друг к дружке,
И юные пастушки
Толкуют пастухам:

«Кому кто люб, пускай пастушат вместе,
Коль что найдут, разделят пусть по чести».
Три девушки-смуглянки
Однажды на полянки
Пошли пасти овец.

К кустам они свое пригнали стадо,
И сердце каждой солнцу было радо.
На луг они присели
И песенку запели,
Ликуя и шутя.

Вокруг цветы пестрели на поляне
И шелестели в солнечном сиянье,
И каждая девица,
Желая веселиться,
Сплела себе венок.

И лишь одна пастушка унывала,
Ей белых роз сегодня не хватало, —
Она в кустах далеко
Блуждала одиноко,
Чтобы собрать букет.

И вдруг раздался дальний звук свирели.
«Не девушки ли это засвистели?» —
Подумалось пастушке,
И тотчас по опушке
Пошла она на звук.

Взошла на гору, видит: возле речки
Стоит пастух и вокруг него овечки.

Пастушка оробела,
Бежать назад хотела,
Да не хватило сил.

«Ай-ай! — она вскричала. — Как мне тяжело!
Что ждет меня! Пропала я, бедняжка!»
Пастух перепугался:
«Чей это крик раздался?» —
И к деве подбежал.

Спросил он деву: «Что с тобой случилось?
Зачем кричишь? Чего ты утрашилась?»
И руку к ней простер он,
И слезы ей отер он,
И начал утешать.

Понравился пастушке он, и вскоре
Красавица свое забыла горе,
К ногам его несмело
С улыбкою присела
И молвила ему:

«Любимый мой, теперь ты мой спаситель,
Защитник мой, заступник и хранитель!
Склонись к моим признаньям,
Послушай со вниманьем,
Что я тебе скажу.

Я для тебя цветов не пожалею,
Коль ты готов меня назвать своею.
На очи и ланиты
Мои, молю, взгляни ты,
Понравлюсь — не скрывай».

Сказал пастух: «Не надо торопиться,
Тебе самой букет твой пригодится.
Приди в себя сначала
И в том, что мне сказала,
Отдай себе отчет.

Ты не дрожи, припомни изречение:
«Рождает страх любовное влечение».
Испугана чрезмерно,
Не знаю я наверно —
Ты любишь или нет.

Когда свою осилишь ты тревогу,
Увидим мы — лукавому иль богу
Угодно это дело
И отчего велела
Судьба нам здесь сойтись.

Мне нравишься ты, дева, и, не скрою,
Немедленно возлег бы я с тобою,
Но сердце замирает —
А если кто узнает?
Осудят нас с тобой!»

«Ну что боишься? — девушка сказала. —
Кто нас увидит в чаще буревала?»
Услышал это слово
И усмехнулся снова
В душе своей пастух.

А девушка твердит ему со смехом:
«Кто помешает нашим здесь утехам?
Никто нас не увидит,
Никто нас не обидит, —
Чего ж боишься ты?»

Пастух ответил: «Если ты готова,
Красавица, мое послушать слово,
Во всем тебе признаюсь:
Чего я опасаюсь,
Кого я так боюсь.

Лукавить я с тобою не намерен,
Простой рассказ мой будет достоверен.
Известно всем, что твари
Живут друг с другом в паре,
Иных на свете нет.

За то, что муж с женою спят в постели,
Их не осудят даже пустомели.

Без страха, без опаски
Друг другу дарят ласки,
Счастливые, они.

Мужья и жены, верные супруги,
И день и ночь нуждаются друг в друге.

Они, мы знаем, вместе
В любом гуляют месте,
Не сторонясь людей.

Иные в сад идут для развлечения,
Играют, шутят, полны увлечения,
Друг дружку обнимают,
Друг дружку в бок толкают,
Нимало не стыдятся.

Но кто любви без брака предается,
Тот, словно вор, со страхом в лес крадется

И в зарослях из терна
Дела свои проворно
С подругою творит.

Пяти помех страшуся я от века:
Боюсь я сойки, бога, человека,
Дрозда, шипов растений,
Виновных в посрамленьи
Родителей моих.

Родители и страсть не утолили,
И потеряли то, что подарили.
Виновные в покраже,
Украденного даже
Не в силах были скрыть».

«Открой же мне, — воскликнула девица, —
Как приключилась эта небылица?

Со мною побеседуй
И о себе поведай,
Чтоб знала я тебя».

РАССКАЗ ПАСТУХА О ТОМ,
ЧТО ПРИКЛЮЧИЛОСЬ С ЕГО РОДИТЕЛЯМИ

Два жителя в одном селеньи жили,
Достатки их равны друг другу были.
Как говорит преданье,
Они в крестьянском званье
Хранили добрый нрав.

Желая меж собою породниться,
Они родства не знали как добиться:
Хоть оба и хотели,
Но дочери не имели
Ни тот и ни другой.

Но каждый, как пристало семьянину,
По взрослому имел в семействе сыну.
Родителям до гроба
Покорны были оба
Красавцы сыновья.

В один и тот же день они женились,
И у обоих дети появились:
Один родил сыночка,
А у другого дочка
Родилась в тот же день.

Молиться стали матери с отцами,
Чтоб поженались дети их с годами.
Мольбы святые эти
Услышал бог, и дети
С годами подросли.

И юноша и девушка-красотка
Росли друг с другом радостно и кротко,
Чтоб встать пред аналоем...
И минуло обоим
Им по шестнадцать лет.

Почувствовав влечение к невесте,
Стал юноша склонять ее, чтоб вместе
 Возлечь им, но девица,
 Не смея согласиться,
 Ответила ему:

«Не следует до нашего венчанья
Решаться на греховные деянья.
 Увы, не дай нам боже,
 Чтоб осквернили ложе
 До брака мы с тобой!

Коль ляжем мы и стану я брюхата,
Перед людьми я буду виновата.
 Что матушке скажу я,
 Коль от тебя рожу я,
 И как тогда мне быть?

Распутниками люди нас облают,
Приблудными детишек посчитают,
 Покроют нас позором
 И примутся всем хором
 Ругать наперебой.

Начнут болтать, что, не дождавшись свадьбы,
Не нужно было к делу приступать бы,
 Что мы, забыв о чести,
 С тобой лежали вместе
 До брачного венца.

А коль в сердцах поспорю я с подружкой,
Она ответит: «Разве с потаскушкой
 Я буду пререкаться?
 Ведь не могла дождаться
 Ты часа своего!

Ты весь свой род навеки осрамила,
Позором всем ты головы покрыла!
 С тобою, всякий знает,
 Сидеть не подобает
 За трапезой одной.

Ты потерпеть могла бы хоть немного,
Чтоб не нарушить заповедей бога,
А ты, не воздержавшись
И в церкви не венчавшись,
Ублюдка прижила!»

Любимый мой, в залог любви прочной
В свой дом меня прими ты непорочной.
Пусть всякий, кто увидит,
Напрасно не обидит
Меня укором злым.

Ведь женщине, что б там ни говорили,
Чем жить в позоре, лучше спать в могиле.
Коль впала в грех девица,
Над домом разразится
Ужасная гроза.

Порядочная девушка для света
Дороже перла, краше самоцвета,
А шлюха, каждый скажет,
Могильным камнем ляжет
Над гробом муженька.

Для девушки наряд — не прегрешенье,
А скромный нрав — двойное украшенье.
Невинность соблюдая,
Законы уважая,
Должна девица жить.

Коль человеку нечего стыдиться,
С ним даже перл красою не сравнится.
Прошу, не спорь со мною,
Пока твоей женою
Не стала я еще.

Родителей начнут порочить люди:
«Зачем вы жить позволили им в блуде?
Зачем вы не нашли их,
Зачем не развели их
Из леса по домам?»

Неужто вы не знали, не гадали,
Зачем они в кустарник убегали
И, прилепясь друг к другу,
Теперь на всю округу
Ославили себя?»

Оставь меня, чтоб на упреки эти
Отцов своих не обрекли мы, дети.
В любви несокрушимы,
Греха не совершим мы
На радость злым врагам.

Когда, жених с невестою, за пиром
Сидеть мы будем перед целым миром —
Покрытые позором,
С печальным грешным взором
Томиться будем мы.

Отец и мать, исполнены печали,
Промолвят нам: «Посмешищем вы стали!
Зачем, прелюбодеи,
Вы крали, как злодеи,
Запретную любовь?»

Ведь я — твоя невеста перед богом,
Подумай же о жребии убогом!
Пронзи мне грудь кинжалом,
Но срамом небывалым
Меня не оскверняй.

Коль стану я посмешищем народу,
Один конец мне — в петлю или в воду.
Меня ты не забудешь,
Раскаиваться будешь
И слезы будешь лить!»

Не внял моленью юноша влюбленный,
Пошел на хитрость, страстью распаленный,
Сказал: «У нас в усадьбе
Не думают о свадьбе,
А ждать я не могу.

Скончалась бабка, дед глядит туда же.
Венчаться нам нельзя и думать даже.
 Такое в доме горе,
 Что справить свадьбу вскоре
 Немыслимо никак.

Клянусь тебе, пришел конец терпенью,
Придется нам расстаться, к сожаленью.
 Коль хочешь жить монашкой,
 Сойдусь с другой милашкой,
 Забуду о тебе!»

В надежде, что упрямица смягчится,
Решил для вида парень рассердиться.
 Итак, в притворной злости
 Пошел к другой он в гости
 И начал с ней шутить.

И девушка, узнав про это дело,
Заплакала, от горя помертвела,
 Обиделась жестоко,
 И в сердце ей глубоко
 Запал великий страх.

Подумала: «Слюбившись с той, другою,
Навеки он расстанется со мною.
 Любовник бессердечный,
 Копьем печали вечной
 Он сердце мне пронзит!»

Она сказала юноше: «Обычай
Не дозволяет стыд терять девичий.
 Тебя я умоляла
 Во что бы то ни стало
 До свадьбы подождать.

Но коль к другой спешишь ты на свиданье,
Уж лучше я уйму твое желанье.
 Покинь лишь эту деву,
 Внемли господню гневу,
 Побереги себя.

Когда овец и прочую скотину
Погоним завтра мы с тобой в долину,
Там, в зарослях укромных,
Вдали от всех нескромных
Возьми, о чем просил».

5

**КАК МОЛИЛАСЬ ДЕВУШКА
И КАК ИСПОЛНИЛИСЬ ЕЕ ЖЕЛАНИЯ**

В середине ночи ставши на колена,
Молила бога девушка смиренно:
«Не ты ли создал, боже,
Супружеское ложе
Для мужа и жены?»

Хоть заповедь твою не соблюли мы
И от греха укрыться не могли мы, —
Всё, что должно случиться,
Пусть завтра совершится
По слову твоему.

Коль нам сойтись сама судьба велела,
Молю тебя, не порти это дело
И с твоего согласи
Позволь вкусить нам счастья
И радостей любви.

Но коль тебе любовь противна падших,
И страх и стыд в сердцах посеи ты наших
И в деле беззаконном
Не помогай влюбленным,
Да минет нас оно!»

Настало утро. В страсти торопливой
Проснулся рано юноша счастливый.
Своих овец погнал он,
И к деве постучал он:
«Пора уже, вставай!»

И лишь на луг пришли они с отарой
И обняли друг друга под чинарой,
В кустах над ними бойко
Насмешливая сойка
Вскричала что есть сил.

И так их эта сойка напугала,
Что всё у них желание пропало.
Дрожа от перепуга,
Мгновенно друг от друга
Отпрянули они.

В дубраве к ним вернулось вожделенье,
Пристроились они без промедленья,
Но кто-то рядом с ними
Растеньями сухими,
Шагая, прошуршал.

Подумали: «Идет прохожий мимо», —
А это дрозд в листве шуршал незримо.
С пастушкой чернобровой
Забился в куст терновый
Испуганный пастух.

Не посмотрел он под ноги и снова
Почуял пыл желанья молодого
И на колючки терна
Средь зарослей проворно
Пастушку повалил.

Бедняжка, не повинная нимало,
На терния стремительно упала —
И вскрикнула от боли,
И парня поневоле
Ногой толкнула прочь.

И покатился кубарем любовник,
И налетел с размаху на шиповник,
И, возвратясь к невесте,
Внезапно с нею вместе
От боли зарыдал.

На их беду сосед из деревушки
Рубил деревья рядом на опушке.

Их стоны услышал он,
И мигом прибежал он:
«Вы что кричите тут?»

Смущенные, не глядя друг на друга
Стояли парень и его подруга.

Увидев в шрамах тело,
Сосед смекнул, в чем дело,
И начал их корить.

«Поступок ваш, — сказал он, — очень скверен.
Скрывать его я вовсе не намерен.

О вашем поведеньи
Сегодня же в селеньи
Я людям расскажу.

Я при родных спрошу: „Скажите, дети,
Как вас могли колючки ранить эти?

Зачем в кусты вас гнало?
Иль места было мало?
Извольте дать ответ!“»

Пастух сказал: «К чему такое рвенье?
Я для тебя устрою угощенье:

Зарежу я барана
И лучшего чекана
Посуду подарю.

Я дам тебе серебряную чашу,
Чтоб не стыдил при всех ты юность нашу.

От нашего позора
Тебе лишь брань да ссора,
А пользы ни на грош».

Крестьянин тот родней им доводился,
На общем поле с ними он трудился,

В селеньи был соседом
И часть зерна при этом
Исправно получал.

Родитель парня был его приятель,
И сам он дому был доброжелатель,
И потому умело
Уладить это дело
Решил он сам с собой.

Подумал он: «Посмотрим для порядку,
Неужто парень даст мне эту взятку?»
«Ну, если сдержишь слово,
Не сделаю худого», —
Он юноше сказал.

И парень заколол ему барана,
И хлеба заготовил без обмана,
Кувшин вина немалый
Из отчего подвала
Поставил перед ним.

По глупости решился он на кражу,
И выкрал он серебряную чашу,
И подарил соседу,
Чтоб тот за взятку эту
Попридержал язык.

Благословив счастливые колючки,
Сосед избавил юношу от взбучки.
«Всё будет шито-крыто, —
Покушав с ним досыта,
Он обещал юнцу. —

Колючки эти тоже стоят денег,
Да освятит их заросли священник!
Они меня поили,
Они меня кормили
И чашу поднесли.

Ее, конечно, в городе продам я,
Сошью цветные чохы сыновьям я,
Куплю жене на платье:
Немало должен взять я
Абазов за нее!»

Забрав баранью шкуру для припаса,
Он сгреб в нее несваренное мясо,
И всё, что там стояло,
В карманы как попало
Мгновенно рассовал.

Сказал юнцу он: «Славный твой родитель
Пусть посетит теперь мою обитель.
Из этого кувшина
Ему я буду вина
За пиром наливать».

И, взяв кувшин, сосед поднялся с места,
Но взвыли парень и его невеста:
«Коль нас ты не морочишь
И предавать не хочешь,
Зачем кувшин берешь?»

Зачем, смеясь над нашими слезами,
Ты терн колючий славишь перед нами?
Ведь мы тебя кормили
И чашу подарили
Затем, чтоб ты молчал!

Но если ты опять нам угрожаешь
И на шипы нас заново сажаешь,
Отдай обратно нашу
Серебряную чашу!» —
И бросились к нему.

И завязалась между ними драка,
И был наказан юный забияка:
С дубинкой наготове
Сосед ему до крови
Всю голову разбил.

Юнец помчался жаловаться. Следом
Поплелся гость, насыщенный обедом.
Забыв свою расправу,
Он выспался на славу,
Но утром помрачнел.

Жена спросила: «Что с тобой случилось?
О чем грустишь, скажи мне, сделай милость!»
Ответил муж: «Сегодня
По милости господней
Я видел дивный сон.

Приснилось мне, что мать с отцом в могиле
О нас с тобой, горюя, говорили:
«Сыночек с своей женою
Терзали нас порою
По скупости своей.

Они под старость нас не опекали,
Кусочком хлеба часто попрекали...»
Жена, они из гроба
Взывали к Смерти оба,
Чтоб наказала нас!

И Смерть сказала: «За провинность эту
Сперва невестку призову к ответу,
Потом тебя, злодея:
Как смел ты, дурень, с нею
Родителей не чтить?»

И стал молить родителей я слезно
И обещал, пока еще не поздно,
Послать им угощенье, —
И отчее прощенье
С трудом я получил.

Коль за три дня не справим мы поминонок,
Велит нам выйти Смерть на поединок.
С косою в своей деснице
Она, подобно жнице,
На наш нагрянет дом.

Сперва с тебя она ответа спросит,
Коль ты смолчишь — так замертво подкосит,
А я — другое дело:
Грехи свалю я смело
На голову твою».

Жена сказала: «За оплошность эту
Ты, верно, хочешь сжить меня со свету!
У нас стада скотины,
Вином полны кувшины,
В амбаре тьма муки.

Неужто не имеешь ты желанья
Родителям устроить поминанье?
Я хлеб сажаю в печку,
Коли скорей овечку,
Открой кувшин с вином.

Не трать, несчастный, время по-пустому,
Не допуская проклятой Смерти к дому!
Коль хлеба будет мало,
Скажи мне, чтоб я знала, —
Я выпеку еще».

Ответил муж: «Не много испекла ты,
Пеки еще, ведь мы с тобой богаты».
Жена в ответ ни слова,
Пошла и стала снова
У печки хлопотать.

И бурдюки вином своим заране
Наполнил муж, открыв кувшин в марани.
Откормленную телку
Зарезал втихомолку
И двадцать штук ягнят.

Замолкли куры, гуси замолчали —
Хозяин их зарезал без печали.
И ладан он, и свечи,
И туши все овечьи
В большую лодку снес.

Сказал попам он: «Будьте на погосте,
Служите службу, как приедут гости».
И верную служанку
Он в лодке спозаранку
С припасами послал,

Поблизости от тех кустов зеленых,
Где он застал израненных влюбленных,
В ограде церкви старой
Под ветхою чинарой
Лежал его отец.

Позвав туда соседей и соседок,
Родным юнца сказал он напоследок:
Ладья для вас готова,
Прошу вас, дайте слово
Пожаловать ко мне.

Но родственники начали ругаться:
«Пусть псы на тех поминках веселятся!
Зачем украл ты нашу
Серебряную чашу,
Барана и вино?»

Наш сын с невестой взять ее хотели,
Но ты избил на прошлой их неделе.
Пьянчуга бестолковый,
Ты палкою терновой
До крови их побил!

Мы не снесем такое оскорбленье,
Мы на тебя напишем донесенье.
Изволь сидеть на месте
Затем, что с нами вместе
Тебя потащат в суд!»

Сосед на это не сказал ни слова,
Не стал в ответ перечить бестолково,
Напрасно не ругался
И только ухмылялся
На выдумки юнца.

Сказал отцу он: «Сжался ради бога,
Я сам себя судить намерен строго.
Не предавайся гневу,
Но юношу и деву
Ты снова расспроси.

Я сам тебе в грехе моем признаюсь,
Скажу, в какой беде я обретаюсь
И по какой причине
Я вынужден был ныне
Пойти на воровство.

Я был в отлучке из своей округи,
Вернувшись, дома не застал супруги.
Усталый и голодный,
Я в комнате холодной
Обеда не нашел.

В твоём же доме было мне привычно
И пить, и есть, и утварь брать обычно,
Когда нужда бывала
И кубков не хватало
За пиром у меня.

Пришел к тебе я. Твой отец в постели
Лежал больной, как болен он доселе.
Он крепко спал, и, кроме
Него, во всем я доме
Не встретил никого.

Припомнил я былую дружбу нашу,
Три хлеба взял, серебряную чашу.
Будить отца не стал я,
Кувшин с вином достал я
И всё сложил в арбу.

Поехал на волах я за дровами,
И ел твой хлеб, и пил вино глотками,
И выпил с половину,
Пока меня в долину
Не вывезли волы.

И охмелел немного от вина я,
И стал скучать, о мясе вспоминая.
От долгого сиденья,
Невольного говенья
Совсем я ослабел.

Твой сын там пас отару. «Дай нам боже,
Чтоб вырос ты и стал мужчиной тоже!» —
Сказал ему тогда я
И мяса, голодая,
У парня попросил.

Он указал мне на пустой мешочек:
«Возьми, коль там остался хоть кусочек».
— «Тогда барана надо
Зарезать нам из стада», —
Сказал на это я.

Мы часть его зажарим на жаркое,
Возьмем с собой в селенье остальное.
«Ну нет, я не решаюсь,
Отца я опасаюсь», —
Ответил парень мне.

Я возражать не стал ему, трусишке,
И стал рубить деревья на дровишки.
И тут в тени платана
На тучного барана
Наткнулся невзначай.

Подкрался я к нему без промедленья
И заколол его в одно мгновенье.
Когда сдирал я шкуру,
Воронья стая сдуру
Кружила надо мной.

Поджарив мясо, на свою пирушку
Позвал я парня и его подружку:
«Овец на время бросьте,
Прошу к себе вас в гости
Отведать шашлыка».

И удивился сын твой несказанно:
«Откуда взял ты этого барана?»
Скрывать свой грех не стал я:
«У вас его украл я,
Чтоб голод утолить».

Твой сын вскричал: «Да что ты, шутишь, что ли?
Была б нужда, мы сами б закололи!»
И встал он перед нами,
Взывая со слезами:
«Что я скажу отцу?»

«Не беспокойся за своих овечек,
Перед отцом я буду сам ответчик», —
Утешил пастуха я.
И начал он, вздыхая,
Со мною пить и есть.

Напившись пьян, схватил он в руки чашу:
«Я вижу, ты семью ограбил нашу!
Такого вероломства,
Не глядя на знакомство,
Тебе мы не простим!»

Сказал я: «Братец, всё, что взято мною,
Открыто здесь лежит перед тобою.
А будь я вправду вором,
Держал бы под запором
Всё то, что я украл».

Но юноша схватил большую палку
И, осерчав, со мной затеял свалку.
Увидев, как он злится,
Я тоже стал сердиться
И не сдержал себя.

Обратно отнял чашу у юнца я,
И отдубасил палкой молодца я.
На помощь забияке,
Не будучи во браке,
Пришла его жена.

Терновой веткой я ее по заду
Ударил, чтобы выместить досаду.
«Покуда ты девица,
Должна бы постыдиться
В чужую драку лезть!»

Родным отцом тебя я почитаю
И потому столь смело поступаю.
Барана ж, без сомненья,
Я взял без дозволенья
Напрасно у тебя.

Перед тобой я грешен был и прежде,
Но ты прощал мне, глупому невежде.
Молю тебя, не сетуй
И ради драки этой
Не порывай со мной.

Коль юноше нанес я оскорбленье,
Он от меня услышит извиненье,
А деньги за барана
Отдам я без обмана,
И чашу, и вино.

Теперь же я прошу тебя: поедем!
Зачем напрасно ссориться соседям?
Ведь я с тобой в разлуке
В слезах ломаю руки.
Не огорчай меня!»

Отец сказал: «Не надо торопиться.
Назавтра это дело разъяснится.
Про все события эти
Пускай расскажут дети, —
Узнаем, в чем там суть.

Коль правду ты рассказываешь, значит,
Меня они, негодные, дурачат.
Не прав был сын, коль скоро
Из-за такого вздора
Затеял драку он.

Будь целый бык на пастбище заколот,
Когда тебя в дороге мучил голод, —
Я б не сказал ни слова.
Так мог ли я простого
Барана пожалеть?

Я вижу, мне неправду говорили
И вкривь и вкось всё дело извратили.
Все эти небылицы
Я парню и девице
Вовеки не прошу!

Пускай они поплатятся особо:
Побью их так, что будут помнить оба.
Как эти пустомели
С тобою драться смели
И вором называть?!»

Сосед на это низко поклонился:
«Перед тобой во всем я повинился.
Коль ты простил мне кражу,
Я прочее улажу.
Вставай, идем со мной.

Коль за меня побьешь детей напрасно,
Печалиться я буду ежечасно.
Они еще ребята
И нас не могут свято,
Как должно, почитать.

Но к юноше я злобы не питаю
И попусту его не упрекаю.
Хватил я лишку, старый,
И перед этой парой
Весьма виновен я.

Поговори ты с ними без дубинки,
Вели им собираться на поминки.
Родителей невесты
Найдешь, приехав в лес, ты:
Они приедут тож.

Прошу тебя прибыть со всей роднею,
Не запоздай, чтоб выехать со мною.
Попы готовы в храме.
И дело лишь за нами,
Чтоб службу начинать».

Тогда отец оставил возраженья,
Решил он посетить богослуженье.

Со всей семьею следом
Поплыл он за соседом
На лодках и плотах.

Приехав в лес, сошли на берег гости.

Попы давно их ждали на погосте.

Готовясь к этой службе,
Сосед попу по дружбе
Свой замысел открыл.

Он рассказал, как в зарослях из терна
Влюбленные вели себя зазорно.

Шепчась, обиняками
Попу открыл он в храме,
Что там произошло.

«Не говори об этом ты приходу,
Ни родичам, ни прочему народу.

Один лишь знай об этом
И по святым заветам
Влюбленным помоги.

Родитель парня дом ведет исправно,
Но схоронил он матушку недавно.

Отец его доселе
Лежит больной в постели,
И скоро он умрет.

Однако я готов помочь влюбленным,
Соединить союзом их законным.

По этой я причине
Несу расходы ныне
И заплачу тебе.

Мой замысел отнюдь не выдавая,
Ты, на господню милость уповая,

В конце богослуженья
Святое наставленье
Родителям прочти.

Они придут сюда со всей роднею
И выстроятся в храме пред тобою.
И парень, и подруга,
Влюбленные друг в друга,
С родными будут здесь.

Спроси ты у родителей: «Доколе
Им свадьбы ждать согласно вашей воле?»
Родные всё расскажут
И на закон укажут:
«Не время их венчать».

А ты скажи: „Коль может дед скончаться,
Немедленно им нужно обвенчаться.
На всем рука господня!
А потому сегодня
Я обвенчаю их“».

Ответил поп: «Твой замысел прекрасен,
И обвенчать влюбленных я согласен,
Но нужно это дело
Разумно и умело
Устроить нам с тобой.

Хотел бы я сперва свести их к месту,
Где терн поранил юную невесту, —
Там глупых опрошу я,
Грехи им разрешу я
И проповедь прочту».

Сосед сказал: «Пошлю юнца к тебе я,
Пускай он сам расскажет, не робея,
Про все свои терзанья,
И дай ты обещанье
В беде ему помочь».

И сообщил он парню под секретом:
«Желает поп помочь тебе советом».
И юноша влюбленный,
Тайком оповещенный,
Отправился к попу.

И поп сказал: «Чтоб мог ты спать с женою,
Я свадьбу вам сегодня же устрою».
Склонившись на ступени,
Поповские колени
Облобызал жених.

«Но как мы это выполним решенье,
Коль нет на то от старших дозволенья?
Никто у нас в усадьбе
Не думает о свадьбе, —
Венчаться нам нельзя».

Сказал священник: «По молитвослову
Я разъясню им заповедь Христову.
Родные согласятся,
Но ты изволь держаться
При этом в стороне.

Не говори об этом никому ты,
Держи уста до времени замкнуты
И лишь одной невесте
Шепни в укромном месте
Словечко или два.

Теперь иди с подружкой своею
Туда, где терн тебя поранил с нею,
И я за вами следом
С известным вам соседом
В те заросли приду.

Хочу я там над вами помолиться,
Узнать, согласна ль жить с тобой девица,
А после в божьем храме,
Чтоб кончить дело с вами,
Возьмусь я за родных».

Жених с невестой так и поступили
И в заросли украдкой поспешили,
И к месту преступления
Привел без промедленья
Священника сосед.

«Благосло-о-вен. . .» — воззвал служитель божий.
Крестьянин засмеялся над святошей.

Но цыкнул поп сурово:
«Что я сказал смешного?
Чему смеешься ты?»

«Ах, батюшка, — отвечивал крестьянин, —
Ведь для молитвы выбор места странен:

Ведь в этом самом месте
Они валялись вместе,
А ты поклоны бьешь!»

Окончив кое-как богослуженье,
Поп отпустил влюбленным прегрешенья:

«Теперь идите с миром.
Сегодня вместе с клиром
Улажу дело я».

Почуяв, что судьба благоприятна,
Жених с невестой кинулись обратно.

Священник же с соседом
Пошел за ними следом,
Не слишком торопясь.

И юноша сказал своей пастушке:
«Нас обвенчал священник на опушке.

От церкви далеко мы,
Залезем в стог соломы,
Доколе службы ждать?!»

Сказала дева: «Обалдел ты, что ли?
Зачем твердишь ты: «Службы ждать доколе?»

Неужто в самом деле
Не понял ты доселе,
О чем молился поп?»

Ведь он простил нам грешное деянье,
А ты твердишь, что это есть венчанье!»

Но, не поняв ни слова,
Повлек пастушку снова
В кусты ее жених.

Тут, изловчившись, девушка рванулась
И вся в слезах к священнику вернулась,
В тревоге и волненьи
Упала на колени
И молвила ему:

«Что ж это будет, господи, помилуй!
Опять в кусты меня он тащит силой!
Внимать он мне не хочет
И лишь одно бормочет,
Что нас ты обвенчал».

И поп, смеясь, ответил ей: «Девица,
К чему стремитесь — то осуществится.
Не бойся, недотрога,
Осталось ждать немного,
Иди назад к нему».

Вернувшись в храм, ударил поп к обедне,
И прихожан из рощицы соседней
Загнал он в церковь, чтобы
Не бегали в трущобы,
Не шлялись по двору.

Свою обедню быстро отслужил он,
И к проповеди важно приступил он,
Начав обиняками,
Искусными словами
Допрашивать родных:

«Когда случайно в местности бесплодной
Найти овцу сумеет волк голодный,
Он может ли сдержаться,
Чтоб мяса не нажраться?»
Родня сказала: «Нет!»

«А если мы в костер бросаем сено,
Скажите мне, ужель оно мгновенно
В огне не загорится
И в прах не превратится?»
— «Сгорит!» — сказал народ.

«Но если вы всё это сознаете,
Зачем закон господний не блюдете?
Зачем девиц пугливых
От юношей ретивых
Не отделите вы?»

Когда они в горах за стадом бродят,
Кто знает, что им в голову приходит?
Упрямые не в меру,
Бесчестите вы веру,
Не думая о том.

Коль юноши и девушки созрели,
Зачем вы их не жените доселе?
Вы сами в том виновны,
Что мысли их греховны,
На вас он, этот грех!

Неужто вы дидойцы или кисты,
Язычники, чьи помыслы нечисты?
Бесстыдные гуляки,
Не думая о браке,
Живете вы в грехе».

Родитель парня возразил несмело:
«Подобное у нас случилось дело,
Но мы в глубоком горе.
И справить свадьбу вскоре
Не можем мы никак.

Скончалась мать, отец смертельно болен,
И я в своих намереньях не волен:
Оставил я надежды,
И все мои одежды
Мокры от горьких слез.

Я голову в отчаяньи теряю,
Живу в беде и радости не знаю.
Вот почему доселе
Мы свадьбу не успели
Устроить молодым».

Ответил поп: «Дойдет черед до свадьбы,
А вот с венчаньем нам не запоздать бы!
Сегодня в этом храме,
Как убедитесь сами,
Я обвенчаю их.

Ваш родственник о свадьбе похлопочет,
Он замолить грехи пред вами хочет.
Пошел он на затрату,
И свадебную плату
Берет он на себя».

Сказал отец: «Невиданное дело!
Как это неожиданно пришло!
Но как же свадьбу эту
По твоему совету
Немедля нам сыграть?

Ведь наш сосед собрал нас на поминки,
Где всё, что есть, прикончат до крупинки.
Не в силах мы с супругой
Предложенной услугой
Воспользоваться здесь».

Сосед сказал: «Ты дай нам обещанье,
Что не расстроишь свадьбы и венчанья,
Поминки же, не скрою,
Устроим мы с женою
Когда-нибудь потом».

Уговорили старого крестьяне,
Благословил он сына на венчанье.
Когда был сын обвенчан,
Толпа мужчин и женщин
На свадьбу собралась.

И тут жена соседа разрыдалась.
Дивились люди: что с бедняжкой случилось?
Подумал поп: «Наверно,
Ударил благоверный», —
И стал его честить.

Сосед поклялся: «Что ты, благодетель!
Ее не бил я, весь народ свидетель!
Спроси кого угодно —
Все знают превосходно,
Что я не бил ее».

Сказал священник: «Если так, то, значит,
Не от побоев здесь мамаша плачет.
Ты знаешь всё, конечно, —
Скажи чистосердечно,
О чем она ревет?»

Ответил муж: «Ты сам спроси сначала,
Зачем она внезапно зарыдала.
О чем она там хнычет
И в грудь руками тычет,
Мне, право, невдомек».

И поп сказал: «Дивлюсь я, воля ваша!
О чем ты беспокоишься, мамаша?»
А та ему: «Во храме
Своими ты руками
Зарезал нас, отец!»

Воскликнул поп: «Ответь же мне толково,
Что я там сделал страшного такого?
Какая вам досада
От брачного обряда,
Понять я не могу».

«А кто расстроил нам поминки эти?
Ведь с мужем мне не жить теперь на свете!
Ему не даром снилось,
Что Смерть прийти сулилась
И погубить меня».

«Всё это вздор, — ответил ей священник, —
Наплел тебе с три короба мошенник.
Чтоб ты не захотела
Ему испортить дела,
Тебя он обманул».

Но сотворил он доброе сегодня,
За это милость ждет его господня.
Отец его покойный,
Старик весьма достойный,
Одобрил бы его.

Ведь он, не поскупившись на затрату,
Помог в беде любимому собрату,
А ты вопишь, дуреха,
Что поступил он плохо!
Нельзя, мамаша, так.

Очнись, пойдем, пора развеселиться,
Испить винца и мясом подкрепиться.
Чтоб ты не помешала,
Наплел твой муж немало,
Неправду он сказал».

И муженек жене признался: «Лела,
Ведь ты могла испортить это дело.
Ты пожалела б денег
И, как сказал священник,
Испортила бы всё.

Уж я тебя, моя голубка, знаю
И потому так скрытно поступаю.
Молчать ты не умеешь,
В делах не разумеешь,
Всё ходишь да звонишь.

Не надо плакать! Встань, идем со мною,
Умой лицо холодной водою.
Давно нас ждут миряне —
Соседние крестьяне,
Чтоб вместе сесть за стол».

Заставил он жену уgomониться,
Пойти к ручью и наскоро умыться.
Но с саблей обнаженной
Макари, дружка конный,
Пред нею вдруг предстал.

«Ох, Смерть идет! — жена заголосила. —
Пропала я! Близка моя могила!
Ужели так ослабли
Глаза твои, что сабли
Не видишь, муженек?»

И кинулась бежать она, рыдая,
А муж вослед ей: «Дурища слепая!
С ума сошла ты, что ли,
Коль Смерть не можешь боле
От дружки отличить?»

Погнался он вослед за благоверной,
Но не настиг супруги суеверной.
Послал за нею тещу,
И та беглянку в рощу
Вернула, поругав.

В тени деревьев на большой поляне
Сидели, свадьбу празднуя, крестьяне,
И кубки там стучали,
И песни там звучали,
Чтоб не скучал отец.

В стихах там состязались, как умели,
Играли там на чанги и свирели,
Плясали там самаю,
И было, полагаю,
Там сотни три гостей.

Когда с невесты сняли покрывало,
Ей дали кубок, стоящий немало,
И был за тем обедом
Подарен ей соседом
Баран-золоторог.

И удалился в заросли крестьянин,
Где был шипами юноша изранен,
И в месте этом злачном
Постель он новобрачным
Постлал, скосив траву.

И, выполнив все правила законов,
Он ночью свел туда молодоженов,
И мдади и макари
При этой юной паре
Остались сторожить.

И понесла с той ночи молодица,
И срок пришел наследнику родиться.
Родился в этот день я,
И Кацвией с рожденья
Нарек меня отец.

6

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕВУШКИ ОТ ПАСТУХА;
ПЕЧАЛЬ И ПЛАЧ ЕГО
В РАЗЛУКЕ С ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Сказал пастух: «Коль человек согласен
Пойти на взятку, нам он не опасен.
За серебро и золото
Он тайну нашу свято
Схоронит от людей.

Но тот, кому не нужно угощенья,
Ни серебра, ни прочего имения, —
Молчать не согласится.
Как от него добиться,
Чтоб он не выдал нас?»

«Но кто же это, — девушка спросила, —
Кого б еда с питьем не соблазнила?
Кто он такой, смиренник,
Что не возьмет и денег?»
Пастух ответил: «Бог!

Страшусь я бога. Отрок непорочный,
Привык бежать я страсти неурочной.
И рад был я, девица,
Любовью насладиться,
Да бога я боюсь.

Иди туда, где ждут тебя подруги,
Будь им сестрой, пока мы не супруги.
Ведь найденное вместе
Обязаны по чести
Вы, девы, разделить.

Коль я тебе по жребию достанусь,
С тобою я вовеки не расстанусь.
Как муж с своей женою,
Возлягу я с тобою,
Обвенчанный попом».

Понравилось пастушке это слово:
В нем не было намеренья дурного.
И кончилось свиданье,
И деву на прощанье
Поцеловал пастух.

Она ушла, и вдруг за вечерело,
И солнышко на небе догорело,
Но девушка к подругам
Вечерним, сонным лугом
Спешила, торопясь. . .

И юноша воскликнул со слезами:
«Что я наделал глупыми словами!
Зачем, утратив разум,
Покончил с девой разом?
В своем ли я уме?»

Каким я оказался дуралеем,
Что милым воспротивился затеям!
Зачем я так поспешно,
Сурово и небрежно
С красоткой поступил!

Зачем судьбу, ниспосланную богом,
Я оттолкнул в невежестве убогом?
Господня эта милость
Сама ко мне явилась,
А я ее отверг!

Со мною было девушке приятно,
А я сказал ей: «Уходи обратно!»
Одну в глухой долине
Возлюбленную ныне
Оставил я, глупец!

В убежище загнав овечье стадо,
Вослед за ней идти мне было б надо.
Зачем я торопился
И с милой разлучился
По глупости своей?

Ленив я оказался и порочен,
Возлюбленной моей не озабочен.
За то, что одиноко
Скорбит она глубоко,
Еще расскаюсь я!

Бог не простит мне грешное деянье,
Возлюбленной пошлет он испытанье
За то, что грешен был я,
За то, что погубил я
Ее, мою любовь!

Служил я плоти, ленью объятый,
А за душой не следовал, проклятый.
Погрыз я в этой скверне,
И пламени теперь мне,
Увы, не миновать!

О, горе мне, забывшему о божьей,
Коль ночь ее застигнет по дороге!
Коль прянет тать полночный
За девой непорочной,
Кто деву защитит?

О, горе мне, коль где-нибудь во мраке
Она, упав, очутится в овраге!
Никто из ямы этой
До самого рассвета
Не вытащит ее.

О, горе, коль по жребию слепому
Ты, милая, достанешься другому,
Коль буду одинок я —
Затем что не помог я
Тебе, моя любовь!

Коль попадешь ты в руки человека,
Который сердцем холоден от века,
Коль будет он, постылый,
Душой навек остылый,
Всю жизнь тебя терзать!

Я голову с молитвой преклоняю,
Я господу прошу и умоляю:
„О боже, будь покровом,
В пути ее суровом
Не покидай ее!

Чтоб не забыла милого девица,
Позволь мне с нею вновь соединиться,
Назвать своей женою
С открытою душою,
С сияющим лицом!“»

7

**ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕВУШКИ К ПОДРУГАМ;
ПАСТУШКИ ДЕЛЯТ ПО ЖРЕБИЮ
СВОИ НАХОДКИ**

А девушка, спеша вечерним лугом,
Вернулась к перепуганным подругам.
Подружки горевали,
Искали, окликали
По имени ее.

Едва она явилась на полянку,
Они тотчас заметили беглянку.
Утешились пастушки:
Друг друга три подружки
Любили с давних пор.

И стали девы спрашивать: «Скажи нам,
Зачем ушла скитаться по долинам?»

Она в ответ сказала:

«Цветы я собирала,
Искала розы я».

И как ей звук слышался свирели,

И о каком пастух поведал деле,

И всё, что с ней случилось,

И как назад явилась, —

Открыла дева им.

«Мы думали, — сказали ей девицы, —

Что ты в когтях погибла у волчицы.

В тревоге и печали

По чаще мы блуждали

И кликали тебя.

Покуда мы брели, неутомимы,

Хорошенького ослика нашли мы.

Метать мы жребий будем,

По жребию рассудим,

Кому и чем владеть».

На следующий день перед рассветом,

Всяк со своим для жребия предметом,

Они пошли, как прежде,

Пасти овец, в надежде

Находку получить.

Пастушью палку в землю вколотили,

Покрыли шапкой, в чоху нарядили

И, чтобы стало ясно,

Сказали громогласно:

«Вот Кацвия-пастух!»

Потом, надев на ослика уздечку,

Осленка привязали к человечку,

И встали на дороге,

И жребии в тревоге

Сложили на пути.

Одна из двух, искавшая беглянку,
Для жребия румян имела банку;
Смазливая девчонка,
Нашедшая осленка,
Дала веретено.

А та, что полюбила втихомолку,
Имела только нитки да иголку.
Она взмолилась: «Боже,
Пусть я грешна, но всё же
Отдай мне пастуха!

Хоть пред тобой ничтожна и мала я,
Но не хочу, о господи, осла я.
Пусть ослик тот сегодня
По милости господней
Достанется другой.

Готова я твою исполнить волю,
Лишь выпал бы мне суженый на долю.
Не ввергни нас в горнило
За то, что полюбила
Его всем сердцем я!

Где б ни был он, мой Кацвия любимый,
Пускай живет, рукой твоей хранимый!
От горя и заботы,
Молю, избавь его ты
И сохрани от бед!»

Пока она взывала к силе божьей,
Издали приблизился прохожий.
Пастушки на дороге
Ему упали в ноги
И рассказали всё.

Понравились прохожему красотки.
«Какие же вы делите находки?»
Пастушки указали
На палку и сказали:
«Вот Кацвия-пастух!

А это ослик к пастуху привязан,
Любой из них достаться нам обязан.
Как видишь, в это лето
Нашли мы два предмета,
И оба налицо».

Сказал прохожий: «Вот вам три лучинки,
Отметьте их себе посерединке,
Мне в шапку положите,
Глаза мне завяжите, —
Я выну жребий вам».

Ответили прохожему девицы:
«Мы принесли с собою по вещице, —
С открытыми глазами
Меж этими вещами
Находки подели».

Тогда бумаги вынул он листочек
И каждой деве оторвал кусочек:
«Бумажки эти вещи,
Потрите их о вещи
И принесите мне.

Останется на каждой отпечаток,
Он будет убедителен и краток.
В бумажки погляжу я,
И каждой расскажу я,
Что ей дала судьба.

Пока читаю, вы не прерывайте,
А после как хотите поступайте!»
Потерли три девицы
Бумажки о вещицы
И подали ему.

Прохожий их собрал в своем подоле
И объявил, не размышляя боле:
«Внимайте мне, пастушки,
Но помните: друг дружке
Завидовать нельзя.

Пусть девушка, принеся румяна,
Себе супруга ищет неустанно,
А не доставшись мужу,
Пускай спасает душу,
Уходит в монастырь.

Веретено принеся девица
Пускай верхом на ослика садится.
Вот надпись на бумажке:
«Отдайте ей, бедняжке,
Бездомного осла».

А та, что помолилась втихомолку
И положила нитки да иголку,
Пусть Кацвией владеет
И нарушать не смеет
Супружеский обет».

Смотрите, как всё это получилось,
Чего по праву каждая добилась!
И парень и подруга
Опять нашли друг друга
Без помощи людей!

8

**ПАСТУХ КАЦВИЯ ПРОСИТ У ОТЦА
БЛАГОСЛОВЕНИЯ НА БРАК;
ОТЕЦ БЛАГОСЛОВЛЯЕТ ЕГО**

Когда услышал Кацвия известье,
Что он достался девушке-невесте,
Забыл свои он муки,
И, воздымая руки,
Прославил он творца.

К родителям пришел он со слезами:
«Вот я возрос, сынок, любимый вами.
Коль счастья мне хотите,
Прошу, благословите:
Пора жениться мне».

Отец сказал: «Задумал ты не дело,
Еще для свадьбы время не пришло,
Еще не возмужал ты
И женихом не стал ты:
Тебе лишь двадцать лет».

Ответил сын: «Позволь сказать мне слово,
Но только не казни меня сурово.
Будь истине послушен,
Правдив, не криводушен,
Суди не наобум.

Ужель ты сам, колючками исколот,
Когда-то не был столь же с виду молод?
Веселую попойку,
Дрозда, шипы и сойку
Неужто ты забыл?

В шестнадцать лет, в лесу, в укромном месте,
Припомни-ка, зачем ты лез к невесте?
Зачем упасть заставил
И зад ей окровавил
Колючками шипов?

Не захотел ты внять ее молениям,
Охваченный любовным нетерпеньем,
Не мог ты воздержаться, —
Так где же сил набраться
Мне, парню в двадцать лет?

Ты не сердись, — закончил он с поклоном, —
Не огорчайся сыном несмышленным,
Ведь я сказал без злобы,
Шутя с тобою, чтобы
Припомнил юность ты».

Отец сказал: «За это указанье
Не заслужил ты, сын мой, наказанья,
Поистине, не сплетни,
Не выдумка, не бредни
Всё то, что ты сказал.

Противиться тебе я не желаю
И с радостью на брак благословляю.
Открой глаза пошире,
Живи с родными в мире,
Ищи себе жену.

Не выбирай лишь пьющей да сварливой,
Завистливой, бесстыдной, нерадивой:
Родных она осудит,
С тобой ругаться будет,
Копье вонзит в тебя.

Неважно ей, богат ты или беден,
Лишь был бы шелк на платье ей заведен.
А нет, так придерется,
На мужа замахнется,
Ударит по лицу.

Воспользовавшись слабостью твоею,
Усядется тебе она на шею,
И ты по воле бабы
Начнешь через ухабы,
Как бешеный, скакать.

А коль жена получит власть над мужем,
Завязнет муж, скача по топким лужам.
Ни щеткой, ни скребницей,
Ни мылом, ни водицей
С него не смоешь грязь.

Однако и красавица девица
Не всякий раз в супруги нам годится:
Немало всяких ловчих,
До женщины охочих,
Преследует ее.

И коль она окажется распутна,
Сберечь ее от ловчих будет трудно.
Пронырливого вора
Заметит страж не скоро:
Вор знает, где искать.

Подумай сам, какой тут страж поможет,
Когда он вечно бодрствовать не может?

Едва сомкнет он очи,
Жену проворный ловчий
В свою захватит сеть.

Жена, что мужа любит постоянно,
Сама себе есть лучшая охрана.

Зачем ей отлучаться
И вору доверяться
По прихоти своей?

Но если нет у женщины желанья
Сберечь себя, — напрасны все старанья!

Ничто не помогает,
Когда она желает
Сама себя украсть.

Распутница всегда полна соблазна
И для мужчин поистине опасна:

Уйдет, изменит мужу,
Убьет, погубит душу,
Хозяйство разорит.

Ведь коль захочет юная блудница,
Сам патриарх, пожалуй, соблазнится

И по ее примеру
Свою забудет веру
И господу предаст.

Тебе, мой сын, нужна жена такая,
Которая бы, мужа привлекая,

Грехов чуждалась этих
И думала о детях.
Запомни это, сын.

Коль хочешь с ней всю жизнь прожить

счастливо,

Не отвергай за то, что некрасива, —

Была бы только верной,
Супругою примерной,
Имела добрый нрав.

С тобой она не будет вероломна,
В твоём саду трудиться будет скромно,
Не выдаст, не обманет,
Беречь и множить станет
Имущество твое.

Стеречь очаг начнет она прилежно.
И коль ее любить ты будешь нежно,
Она воздаст сторицей
И никуда стремиться
Не будет от тебя.

Любя друг друга сердцем и душою,
Вы предадитесь сладкому покою.
Постель она устроит,
Тепло тебя укроет,
Уложит мирно спать.

Отнять ее никто не сможет силой,
Украсть тайком никто не сможет милой.
Ни горя, ни волнений,
Ни тяжких подозрений
Не испытаешь ты.

Коль человек не может спать спокойно,
Его несчастье жалости достойно.
Печальный, раздраженный,
В тревогу погруженный,
Встречает утро он.

Он сам себя своей печалью душит,
Он сам себя своей тревогой сушит.
Вздыхая то и дело,
Свое он мучит тело,
Торопит свой конец.

Подверженный душевному увечью,
Летит, как ветер, к смерти он навстречу,
Покоя не имеет,
Слабеет и хиреет,
Становится больным.

Печаль и горе старят раньше срока,
Когда душа уязвлена глубоко.
Они нас убивают,
Они не позволяют
До старости дожить.

Когда в грозу ударит град на поле,
Погибнет злак и встать не сможет боле.
Коль человек в могиле,
Помочь никто не в силе:
Уже не встанет он.

Тот, кто женой-красавицей владеет,
Поистине покоя не имеет:
И дома и в дороге —
Повсюду он в тревоге
По милости жены.

Он думает: «А вдруг моя пеструшка
Шныряет всюду, словно потаскушка?
Какая польза дому,
Коль яйца другому
Уже несет она?»

Он думает: „А вдруг какой стервятник
С ее согласия залетит в курятник?
Стервятнику утеха,
Да мужу не до смеха, —
Наплачусь я, бедняк!

К чему она, красивая собою,
Коль не живет в согласии со мною,
Коль мужа не жалеет,
Коль, глупая, болеет
Куриной слепотой?

Пусть лучше будет курица-чернавка,
При ней в хозяйстве что ни день прибавка.
Красой она, без спора,
Прельстить не сможет вора,
Ее не стащит вор.

Она кудахтать будет у порожка,
Снесет яичек полное лукошко,
И высидит цыпляток,
И вырастит ребяток, —
Чего ж еще желать?«»

Но Кацвия, мечтая о пастушке,
Сказал отцу: «Ни крали, ни дурнушки
Я не ищу нимало.
Кого судьба послала,
На той я и женюсь.

Ее недавно встретил я в долине,
Меня она не видела доныне.
С венком скитаясь в поле,
Сама по доброй воле
Пришла ко мне она.

Букет цветов она мне протянула,
С улыбкою мне в очи заглянула:
«Вот всё, что я имею!
Невестою твоею
Хочу я быть, пастух».

Но я не принял розы от пастушки,
Сказал: «Вернись туда, где ждут подружки!
С тобой я не расстанусь
Вовеки, коль достанусь
По жребию тебе».

И только жребий кинули девицы,
Достался я в супруги озорнице.
Судьба, как видно, знает,
Кого мне посылает.
Судьбы не миновать!»

«Что есть судьба? — отец ответил сыну. —
Доверься миру лишь наполовину:
Обманет мир мгновенный,
Сразит тебя изменой,
Как сладко ни живешь.

Все образы изменчивого мира:
И нищенство, и царская порфира,
И отдых, и тревога
Даются нам от бога,
Судьба тут ни при чем.

Тебя доселе бог не оставляет,
Затем что грех тебя не привлекает.
К тебе пришла девица
Любовью насладиться
И принесла цветы.

Но ты, ревнитель заповеди божьей,
Не впал во грех, хотя и был пригож ей.
За это воздержанье
Избавит от страданья
Тебя владыка наш.

И матушка твоя во время оно
Не преступила божьего закона:
Любя меня, однако
Возлечь со мной до брака
Сочла она грехом.

Кто заповеди держится господней,
Поистине, не сгинет в преисподней.
Презрев земные беды,
Достигнет он победы,
Когда чиста душа!»

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПЕСНИ ДАВИДА**

36. ПЕСНЯ

*На мотив русской песни
«Чувствую я скорби люты всякой минуты»*

Мне любимая сказала, сердце надорвала:
«Не хочу я жить с тобою,
Дурен ты собою!

С соловьем, но не с вороной розе жить влюбленной!»
И, прогнав меня, дурного,
Вышла за другого

Говорит: «Ты безобразен, некрасив и грязен.
Розой ты не наслаждался,
С бузиной связался».

Накричала, изругала, из дому прогнала.
Что я буду делать, жалкий,
Весь избитый палкой?

Потеряв свое жилище, я брожу, как нищий,
Как бродяга нелюдимый,
Выгнанный любимой.

Сердце в пламени сгорает, сердце унывает.
Тлея, горестно брожу я,
Горем исхожу я.

Оттого брожу в кручине, что забыт я ныне,
Что в огонь тоски жестокой
Брошен черноокой.

Почему я брошен милой, расскажу, унылый:
Жить не мог я, к сожаленью,
По ее веленью.

Часто мне в минуту гнева говорила дева:
«Берегись меня обидеть,
Буду ненавидеть.

Хочешь быть мне другом вечным, будь чистосердечным.
Не криви душой напрасно,
Если любишь страстно.

Мой завет храни, любя, ты, береги себя ты,
Хочешь быть со мной счастливым —
Будь всегда правдивым.

Чтобы я тебя любила, век не изменила,
Ты со мной не расставайся,
Мною утешайся!»

То, что мне она велела, я не счел за дело,
То, что мне она сказала,
Исполнял я мало.

Потерял себе я цену за свою измену,
Просьб ее не исполнял я,
Непокорным стал я.

Я забыл ее, распутный, для любви минутной,
Согрешил пред ней в разлуке, —
Поделом мне муки!

37. ПЕСНЯ

*На мотив русской песни
«Улетела зозуленька тай через дубину»*

Расскажу о том, как роза жизнь свою разбила:
Соловья забыв, ворону роза полюбила.
Соловей, узнав про это, улетел из сада,
Сел, горя, на шиповник — там, где гор громада.
И тогда спросила роза: «Что стряслось с тобою?
Я ль была не ароматна, не красна собою?»
Соловей ответил: «Роза, хороша ты цветом,
Но, увы, была бесцветна для меня ты летом.
Пленено твоей красою, сердце обманулось.
Обнял я тебя с любовью, ты же отвернулась.
Отвернулась от лобзанья, горько стал рыдать я,
Ты ж другому отворила сладкие объятья.
Я любил тебя, и холил, и поил росой,
Ты ж подачкою прельстилась жалкой и дрянной,
Ты копьем безмерной скорби сердце мне пронзила,
Ты ничтожного уroda, роза, полюбила.
Ты мое разбила сердце, поразив недугом.
Потому и я не в силах быть тебе супругом,
Потому и жить с тобою я не в силах доле, —
Оставайся с тем, кого ты полюбила боле.
Если ты не захотела жить в любви со мною,
Будь ничтожному уроду милою женою».
О, презренный мир, лукавый, ты всему виновник:
Розу ты послал вороне, соловью — шиповник!

38. ПЕСНЯ

*На мотив русской песни
«Ах, сколько в годах цвела молодых!»*

Ах, сколько цветов расцветает весной!
Когда-то и я расцветал, молодой,
Надеялся жить я привольно и впредь.
О чем-то заботиться, чем-то владеть —
И слышать о том не хотел я!

С возлюбленной я наслаждался в саду,
Где розы качались у нас на виду,
Где свой аромат расточали цветы,
Где был я далек от людской суеты
И душу сгубить не боялся.

И так я старался на свете прожить,
Чтоб людям хотелось меня полюбить.
Веселья и радости полон всегда,
Я грусть и печаль разведал без труда
В саду, преисполненном неги.

Но осенью в гости явился мороз,
С собой листопад он и горе принес.
И мраком покрылось мое бытие,
Иссякло, пропало веселье мое,
Погиб урожай мой обильный.

Зима обрывает с деревьев листья,
Кончина стирает людские черты.

Не будь легкомыслен при жизни, мудрец,
Страшись загубить свою душу вконец,
 Предавшись, как я, заблуждению!

О старость незрячая, горе тебе!
Лишь юность одна благодарна судьбе:
Где старец, скатившись с горы, упадет,
Там юноша по льду всё выше идет, —
 Путь юноши — старцу погибель.

39. ЗУБОВКА

На мотив русской песни «Казак — душа правдивая»

Я из Зубовки однажды к дому возвращался
И с красоткой чернобровой в поле повстречался.
На лице ее прекрасном родинка чернела,
Красота ее внезапно сердцем овладела!

Я спросил ее: «О солнце, держишь путь куда ты?
Из какого ты селенья, из какой ты хаты?
Я узрел тебя, и сердце стало словно камень,
Окропи меня водою, жжет меня твой пламень!»

Осерчав, она сказала: «Грех тебе, злодею!
Как просить ты смеешь, чтобы стала я твоею!
С соловьем любиться розе, не с тобой, вороной!»
Слыша это, я заплакал, в сердце уязвленный.

И она сказала снова: «Прочь, отстань, прошу я!
Не хочу тебя, другому здесь принадлежу я.
Мой супруг тебя красивей, мужественней с виду».
Обезумел я, почуяв горькую обиду.

А она: «Ни слова больше! Отцепись, проклятый!»
И ударила, ругая, палкой суковатой.
Покачнулся и упал я, потеряв сознание,
И она передо мною встала, как сиянье.

Пожалела, наклонилась и взяла за руку:
«И за что ты, неразумный, принимаешь муку?»
Я сказал: «Из-за тебя я разума лишился,
Не обласканный тобою, с жизнью распростился!»

И красавица с улыбкой ласково сказала:
«Если нас с тобой увидят, худо бы не стало.
Встань, пойдем, пора вернуться каждому до дому,
Будешь здесь, так снова выйду я к тебе, дурному».

И ушла она, пропала, чудо черноброво,
Лишь оставила на память ласковое слово.
С той поры я, раб влюбленный, всё гляжу на поле,
Лишь пришла бы, ничего я не желаю боле.

«Я приду», — она сказала. Полный ожидания,
Не могу в тоске по милой я сдержать рыданья.
В час кончины одинокой не она, так кто же
Дверь в загробное селенье мне откроет, боже?

Послужить моей любимой жажду я, унылый.
Переполненное сердце вечно жаждет милой.
У нее в руках, я знаю, чтобы жил и впредь я,
Есть и хлеб существованья и вода бессмертья.

Дай мне, боже, только ею жить в години эти!
Разве есть еще другая, лучшая, на свете?
За меня она, я знаю, вытерпела муки,
Вижу лик ее обмерший, связанные руки.

Где теперь ты, дорогая? Отзовись скорее!
Ты была мне в целом мире всех людей роднее.
Я в аду тебя не вижу, ты в стране господней,
Так возьми ж меня с собою прочь из преисподней!

Я в аду тебя не вижу, ты в стране господней,
Так возьми ж меня с собою прочь из преисподней!
Так возьми ж меня с собою прочь из преисподней!

40. ПЛАЧ ДАВИДА О МГНОВЕННОМ МИРЕ

Плачу и рыдаю, сердцем унываю,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Плачу о себе я, о своей судьбе я,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Дух мой отлетает, тело покидает,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Что же я томился, в мир зачем явился?
О коварный мир! О мгновенный мир!

Был рожден я в горе, дом утратил вскоре,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Из родного дому отдан был другому,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Плакал я, голодный, в муке безысходной,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Нрав твой без труда я понял, голодая,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Лишь тебя достиг я, вмиг тебя постиг я,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Были мне готовы сети и оковы,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Увидал свой путь я, и ударил в грудь я,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Горько зарыдал я, и к тебе воззвал я:
О коварный мир! О мгновенный мир!

Худо ты устроен, жалости достоин,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Горек ты и вреден, радостями беден,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Горе да утраты, вот лишь чем богат ты,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Злобный и порочный, ты — как тать полночный,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Те глупцы, что миру верят, как кумиру,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Сроду между нами ходят сиротами,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Ты в грехах и сквернах губишь легковерных,
О коварный мир! О мгновенный мир!
И ведешь убогой, ложною дорогой,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Плачу я, рыдаю, ибо лжив ты, знаю,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Ибо вверг меня ты в горе и утраты,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Обречен тобой я и лишен покоя,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Светоч жизни брэнной, ты грозишь изменой,
О коварный мир! О мгновенный мир!

С самого рожденья стоишь ты презренья,
О коварный мир! О мгновенный мир!
От земли до тверди всё подвластно смерти,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Как ягненок зверю, я тебе не верю,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Обернувшись другом, ты сразишь недугом,
О коварный мир! О мгновенный мир!

За свои несчастья рад тебя проклясть я,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Влек меня ты к разным горестным соблазнам,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Всё, что мне дарил ты, чем меня кормил ты,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Я вкушал с весельем и — отравлен зельем,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Радуюсь, горя, миру говорю я:
О коварный мир! О мгновенный мир!
Мрак ты мне являешь, свет мне заслоняешь,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Стоит ли дивиться, что в тебе творится,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Лживый и смердящий, скоропреходящий,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Я тебя увидел и возненавидел,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Вкрадчивый, коварный, пес неблагодарный,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Кто с тобой столкнется, под ярмом согнется,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Под тяжелой ношей упадет прохожий,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Солнце за луною всходит над землею,
О коварный мир! О мгновенный мир!
За крупицу счастья — целый мир ненастья,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Стражду я от зноя, от мороза — вдвое,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Ты в жару и в стужу губишь плоть и душу,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Потому я ныне вопию в пустыне,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Что твои деянья выше пониманья,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Что зимой, что летом — худо в мире этом,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Где искать мне крова от тебя, дурного,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Ты мольбы не слушал, мой очаг разрушил,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Ты мой сад плодовый снес рукой суровой,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Нет отца на свете, мать забыли дети,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Я, их брат родимый, прочь бежал, гонимый,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Только возмужал я, разум потерял я,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Красотой прельстился, без ума влюбился,
О коварный мир! О мгновенный мир!
И попал в беду я, и постиг нужду я,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Вот и воздаянье за мое деянье,
О коварный мир! О мгновенный мир!

По твоим советам жил я в мире этом,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Сладкое для взора брал я без разбора,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Сам меня толкнул ты, сам и обманул ты,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Дни утехи любви, да разбиты зубы,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Коль терзал ты тело, так наставь на дело,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Коль сразил недугом, дай пожить хоть с другом,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Светлою отрадой бедного порадуй,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Дай мне друга видеть, не стремись обидеть,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Зол ты и опасен, груб и безобразен,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Все твои творенья ждет уничтоженье,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Вот мой враг стучится, смель меня грозитя,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Это смерть с подъятым близится булатом,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Если ты есть бденье, что есть сновиденье?
О коварный мир! О мгновенный мир!

Если ты — питаенье, что есть голоданье?
О коварный мир! О мгновенный мир!
Коль ты — жизнь земная, что есть смерть
людская?

О коварный мир! О мгновенный мир!
Избери ж любое, то или другое,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Всё, о чем я мыслил, здесь я перечислил,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Завтра иль сегодня быть мне в преисподней,
О коварный мир! О мгновенный мир!
От врага бегу я, скрыться не могу я,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Смерть спешит за мною с острою косою,
О коварный мир! О мгновенный мир!

О цветник изрытый, наглухо закрытый,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Дикий сад, в котором всё покрыто сором,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Дал ты мне во вьюгу вшивую дерюгу,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Запеленат ею, я окаменею,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Вот твое желанье и твое даянье,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Твой обед и ужин, что к поминкам нужен,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Хоть длинна дорога, ты даешь немного,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Но и эта пища ради братья нищей,
О коварный мир! О мгновенный мир!

В час, когда умру я и душа, горяя,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Досягнет из тела горнего предела,
О коварный мир! О мгновенный мир!
С бедною поклажей в руки божьих стражей,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Передашь ее ты. Вот твои щедроты,
О коварный мир! О мгновенный мир!

Взденут цепь на шею, и предстану с нею,
О коварный мир! О мгновенный мир!
С цепью зол несчетных на суде бесплотных,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Взвешают всё земное, доброе и злое,
О коварный мир! О мгновенный мир!
Злое перетянет — дух в геенну канет,
О коварный мир! О мгновенный мир!

41. СПОР ЧЕЛОВЕКА СО СМЕРТЬЮ

Смерть ко всем приходит в гости,
Отворяйте двери шире!
Человек навстречу Смерти
Сам стремится в этом мире.
Изо всех деяний света
Я отмечу лишь четыре:
Смерть, возмездие, геенну,
Рай, сияющий в эфире.

● Потому и стан мой гнется
И немеет поясница,
Что придет моя кончина
И нигде мне не укрыться.
Ускакать я не успею,
Будь мой конь быстрее, чем птица,
В бесполезном поединке
Добрый меч не пригодится.

Смерть не взяточница, чтобы
Золотую взять монету, —
Никому не даст пощады,
Отвергая взятку эту.
За долги отцов и дедов
Всех сживет она со свету
И любого уподобит,
Как сама она, — скелету.

Говорит Человек:

Смерть, дивлюсь твоей я силе, —
Где она и в чем живет?
С виду ты скелет скелетом,
Даже мясо не растет.
Как мышинные закутки
У тебя глаза и рот.
Отчего ты не устанешь
Истреблять наш бедный род?

Отвечает Смерть:

Набрехал ты, старче, много.
Да к чему твои старанья?
Никогда я не щадила
Даже малые созданья,
Лишь тебя, седого деда,
Оставляла без вниманья.
Вот тебе в ответ картина
За твои живописанья.

Как ты смел меня порочить!
Хорошо, что нет досугу.
Наточить мне надо косу,
Чтоб прийти к тебе в лачугу.
Отсеку тебе башку я,
В траур выряжу супругу,
Истреблю твоё отродье,
Всё семейство и прислугу.

Говорит Человек:

Смерть, тобой я недоволен,
Что бы там ни говорили.
Чтоб зарыть меня, лопату
Приготовила не ты ли?
Черви, змеи и лягушки
Ждут меня в сырой могиле.
Нет, тебя с твоей косою
Славословить я не в силе.

Слушай, Смерть, пишу тебе я
Порицанье в трех томах.

Горе тем, кто смерть прославит,
Превращаясь в жалкий прах!
Когти в тело запуская
И терзая впопыхах,
Для чего косою вдобавок
Ты на нас наводишь страх?

О твоих деяньях повесть
Даже слушать нет охоты.
Ты — скелет, косарь бездушный,
Жрешь ты сено до икоты.
Кто, скажи мне, за тобою
Убирает нечистоты?
Коль никто, то в шароварах,
Верно, носишь кое-что ты.

Отвечает Смерть:

Не косарь я, Человеке,
Сено мне не для еды.
Не пойму, какие твари
Пищей этою горды.
Сердце с печенью болеют
От холодной лишь воды.
Мрут больные от поноса,
А кланут мои труды.

Говорит Человек:

Смерть, отверженная богом,
Сколько б ты ни съела пищи,
Остаешься ты голодной,
Неприкаянной и нищей.
Сколько раз из-за тебя я
Горько плакал на кладбище!
Пусть тебя грома господни
Поразят в твоём жилище!

Отвечает Смерть:

Нет, не ем я мертвечины,
Не кошу травы я в поле.
Я есть дух, который миру
По господней служит воле.

Истребительница тварей,
Посылательница боли,
Вам глаза я закрываю,
Чтоб не зреть вам света боле.

Говорит Человек:

Смерть, одна ты в целом мире,
Как тебе хватает рук?
Север, юг, восток и запад
Посетить ты можешь вдруг.
Как ты только успеваешь
Облететь весь мир вокруг?
Расскажи, открой мне правду,
Коль на это есть досуг.

Отвечает Смерть:

Не одна я, Человече,
В этом мире промышляю:
Мне помощницы — болезни,
Им же нет конца и краю.
Иногда от рук убийцы
Улетают души к раю.
В день убийства и раздора
Я сижу и отдыхаю.

Говорит Человек:

Смерть, я понял всё до слова
И хвалю твои повадки,
Ибо сам я вспоминаю,
Как дрожал я в лихорадке.
Я спросил тебя нарочно,
Не нуждался я в разгадке:
Смерть и жизнь по божьей воле
Здесь блюдут свои порядки.

Похвалить тебя хочу я
И прославить без обмана.
Хороша ты, Смерть, собою,
Привлекательна, румяна.
Мех твой золотом украшен,
В кружевах сукно кафтана,

Ноги в красных шароварах,
Туфли шиты из сафьяна.

Отвечает Смерть:
Ты себя, старик, не видишь!
Безобразный, как урод,
Обо мне ты пишешь книгу
По-дурацки круглый год.
Пусть коса моя за это
Дурню голову снесет!
Кто, скажи чистосердечно,
Утешать тебя придет?

Нитку вдеть в иглу ты можешь,
Но, узнать меня желая,
Почему со мной ты споришь,
Оба глаза закрывая?
Почему, у живописцев
Образ мой перенимая,
Костяком меня рисуешь,
Будто я и впрямь такая?

Впрочем, ты такой же будешь,
Лишь приду к тебе я в гости:
Станешь голым ты скелетом,
Плоть отвалится от кости.
Весь твой мозг, настанет время,
Выпьют черви на погосте.
Вот тогда не будешь злиться, —
Там, во гробе, не до злости.

Говорит Человек:
Смерть, напрасно ты крадешься!
Сам я знаю, что придешь.
Нынче, завтра — но готовым
Ты всегда меня найдешь.
Чем же я тебе, костлявой,
Показался нехорош?
Есть у смертного защита, —
Отрицаешь — значит, врешь!

Помутился разум Смерти
В озлоблении великом.

И обрушилась на старца
Пожирательница с криком:
«Кто бы ни был твой защитник,
Под его не буду игом,
Как голодный волк козленка,
Разорву тебя я мигом!»

Говорит Человек:

Если, Смерть, пожрешь меня ты,
Не прибавишь ты ни пуда.
Бог тебя низвергнет в пламя,
Там тебе придется худо.
Я же буду взят на небо,
И, страдаешь ты покуда,
Не устану я зловоньем
Угощать тебя оттуда!

Так окончились меж ними
Словопрение и спор;
Не сумел несчастный старец
Свой отсрочить приговор.
Размахнулась Смерть косою
И ударила в упор, —
И старик подобен Смерти
Стал обличьем с этих пор.

42. СПОР ЧЕЛОВЕКА С БРЕННЫМ МИРОМ

Лжив, изменчив мир мгновенный!
Посудите, люди, сами:
Благосклонный к нам вначале,
Что он хочет сделать с нами!
Человек в садах Эдема
Был счастливым при Адаме,
Но теперь, плодов отведав,
Мы погублены плодами.

Мы теперь в долгу пред богом,
Миновала наша слава!
Хоть бы кто срубил под корень
Древо, чьи плоды — отравы!
Брать займы, чтоб сын платился,
Кто отцу присвоил право?
Вот оно — коварство мира
И порок его устава!

То, что взял займы родитель,
Платит сын его с лихвой:
Смерть идет к нему и косу
Точит мертвою рукой.
Плох ты, мир! Зачем, не знаю,
Жаль расстаться мне с тобой!
На любого человека
Глаз имеешь ты дурной.

Говорит бранный мир:
Что ты брешешь, человеке,
Зло мое живописуя?
Лживый сам, мое коварство
Ты расписываешь всуе.
За такое поношенье
Мигом голову снесу я!
Кто ж пленял тебя, несчастный,
Коль утратил всю красу я?

Хочешь знать, каков мой возраст?
Знай, несчастный сумасброд:
Я живу семь тысяч двести
Восемьдесят третий год.
Ты зовешь меня мгновенным,
Но не близок мой уход!
Ты ж, семидесятилетний,
Окочуришься вот-вот!

Зря ты спорить стал со мною,
Не повинен я нисколько.
Коль меня ты видишь бранным,
Значит, зренья плохо стало.
Ты же в мире — однодневка
И при этом — надувала.
То, что сгинешь ты, как предки,
Знать тебе бы надлежало.

Огорчил мое ты сердце,
Словом дерзостным казня.
За какие преступленья
Эта злая воркотня?
Красотой земли и неба
Изукрасил бог меня,
Ты ж из вод и ветра создан,
Из земли и из огня.

Говорит человек:

Да, но я — подобье божье,
Значит, суть моя двойка,
Бог тебя мне отдал в слуги,
Чтоб служил ты мне. Однако

Кровь мою ты проливаешь
Посреди ночного мрака.
Где б ни шел я, ты за мною
Скачешь, лая, как собака.

Говорит бранный мир:
Всё, что ты сказать изволил,
Безусловно, очень верно.
Только властвовать над миром
Не умеешь ты примерно.
Ты еще не различаешь,
Что есть благо, что есть скверна.
Я при чем, коль ты наказан
За грехи отцов чрезмерно?

Если я тебе не верен,
Коль я лжив и плутоват,
Отчего ты мне доселе
Доверяешь, как собрат?
Нет, ты сам себе водитель,
Значит, ты и виноват,
Ибо ты корыстен сердцем,
Чревом жаден и брюхат.

Дал глаза тебе создатель,
Чтобы видеть все предметы,
Чтобы зло с добром не путать,
Различая их приметы.
Ты гляди перед собою,
Чтоб запомнить, ходишь где ты,
Необъезженная лошадь,
Осторожен будь в езде ты.

Суть несложной этой притчи
Поясню тебе толково:
Раз попал осел в трясины,
Он туда не лезет снова.
Кто единожды ожегся,
Кипятка не пьет крутого.
Отчего ж, изведав горя,
Вновь желаешь ты дурного?

Говорит человек:

Надоел он мне до смерти,
Твой дурацкий произвол!
То, как ночь, ты непрогляден,
То, как день, глядишь на дол,
То меня сжигаешь зноем,
То дрожу я, нищ и гол.
Как посмел сказать ты, чтобы
Не ходил я, как осел!

Говорит бранный мир:
Ты напрасно так обижен,
Что привел я басню эту.
Разве можно, рот разинув,
Дурачком бродить по свету?
Посмотреть сначала надо,
Есть дорога или нету!
Сам о камень ты расшибся,
А меня зовешь к ответу.

Тот, кто бродит беззаботно,
Упадет, конечно, скоро.
Отвратительной отрыжкой
Будет мучиться обжора.
Тем, кто пользуется мною
Так, как надо, я — опора,
Но, коль меры ты не знаешь,
Я с тобою лют, без спора.

Отвечай мне ты, который
Вечно ссоришься со мной,
Кто всегда меня поносит:
«И такой ты и сякой!»
Чем тебе я не потрафил?
Чем коварен нор мой?
Я в жару даю прохладу,
Посылаю в стужу зной.

Я даю питье и пищу,
Чтобы жизнь твоя продлилась,
Многоцветные одежды —
Чтобы тело нарядилось,

Я дарю тебе девицу,
Чтоб в постель с тобой ложилась, —
Ну, а чем меня доселе
Одарила ваша милость?

Говорит человек:

Горе мне с твоей прохладой,
Да не сладко и от зноя!
Из того, что рассказал ты,
Не приемлю ничего я.
Правда, ты даешь мне пищу,
Даже платье недурное,
Но зачем потом ты зубы
Выбиваешь у героя?

Что твердишь ты про одежды,
Испещренные богато?
Посмотри, что с ними стало, —
Износились без возврата!
Моль их съела, псы изгрызли,
Нету пуговиц из золота!
Всех друзей моих убил ты,
С кем я дружен был когда-то.

Говорит бранный мир:

Глуп, однако, ты, бедняга,
На ответы не востер.
Где добро, где зло — не знаешь,
А болтаешь всякий вздор.
С материнской ты утробы
Надо мною власть простер,
Но понять мою натуру
Не умеешь до сих пор.

Что людей я убиваю —
Это просто небылица.
Кто наврал тебе про это,
Тот со мной еще сразится.
Как убийства появились,
Знает нынче и тупица.
Прародитель твой с прабабкой —
Вот кто первый был убийца!

Говорит человек:

Нет, мой прадед и прабабка
Далеки от преступленья!
Жаль им было и барана
Отдавать на оскотление.

Человек разгорячился
И, утратив всё терпенье,
Собеседника ударил
Палкой в лоб за оскорбление.

Говорит бранный мир:

Бранный мир со лбом разбитым
Отвечал ему: «Едва ли
По твоим поступкам видно,
Что умнее люди стали.
Райских груш поела бабка,
Вас за это покарали, —
С той поры вы стали смертны.
Посуди: виновен я ли?»

Пусть теперь за лоб разбитый
Бог воздаст тебе, злодей!
Пусть оплатит семикратно
Ради немощи моей.
Пусть отнимет все богатства
И, как создал он людей,
Пусть лишит тебя он жизни,
Сна, дыханья и страстей.

Чем, скажи, я провинился
И страдать тебя заставил?
Уличи меня, прошу я,
Где пошел я против правил?
Ты, не вникнув в это дело,
Всё лицо мне окровавил,
Безо всякого проступка
Чуть в могилу не отправил».

Говорит человек:

Есть у мудрых изречение:
«Мир для смертных — супостат».

С ним не надобно родниться:
Не сестра он и не брат.
На словах он — сущий ангел,
А в душе он — сущий гад.
Хитрый, кажется святошей
Он на первый только взгляд.

Весь в грязи и нечистотах,
Ты — подобие уродца.
Всех ты пачкаешь смолою,
Кто рукой тебя коснется.
Начинаешь ты кудахтать,
Что вот-вот яйцо снесется,
А оно еще до срока
Из утробы изольется.

Предаете ты легковерных,
Существует мир доколе.
То велишь ты нам смеяться,
То грустить о горькой доле.
Те, что счастья ожидают,
По твоей страдают воле.
Стебли роз твоих шипами
Всё мне сердце искололи.

Говорит бранный мир:
Почему ж в глаза не скажешь,
В чем она, вина моя?
Почему меня поносишь,
Грязь на голову лия?
Не в моем распоряженьи
Смех и слезы бытия.
Это дело человека,
Он ответчик, а не я.

Сколько б ты, глупец, ни злился,
Правды мы скрывать не будем.
Поучение премудрых
Сообщить я должен людям.
Если в мире вы владыки,
Будьте истины орудьем,

Не свалитесь в ров глубокий,
Помыкая правосудьем.

Кто со мной за слово правды
Обошелся столь сурово?
Верно, палкою ударить
Ты меня задумал снова?
Братец твой разбил дубиной
Череп брата молодого.
Коль ты чист, то след кровавый
С моего ты смой покрыва.

Говорит человек:

Человек развел руками,
Услышав, что брат — убийца.
Пуще прежнего, однако,
Стал роптать он и сердиться.
Он подумал: «Что со мною
Сделать этот мир грозитя?
Врал на прадеда с прабабкой,
А теперь на братьев злится!»

Вынув меч, сказал он миру:
«Если вправду ты, бахвал,
О родных моих и предках
Тут не попусту болтал, —
Расскажи мне всё, иначе
Размахнусь и наповал
Уложу тебя, чтоб тело
Пес на кладбище глодал!»

Говорит бранный мир:

Коль желаешь слушать — слушай:
Прадед звался твой Адамом,
Ева числилась прабабкой,
Каин — братом первозданным.
Ева яблоков поела —
Весь свой род покрыла срамом.
Авель, кровью мир забрызгав,
Пал на землю бездыханным.

Знай, что смерть во время оно
Сотворила не природа, —

Это есть изобретенье
Человеческого рода.
Авель пал, и кровь из раны
Досягнула небосвода.
Край небес с тех пор сочится
Алой кровью в час восхода.

Говорит человек:

Человек в раздумьи молвил:
«Уберу обратно меч,
Чтоб злодея ненароком
Пополам мне не рассечь.
Повинюсь пред ним учтиво
И, чтоб выгоду извлечь,
Расспрошу его подробно,
Пусть свою он кончит речь».

Он в ножны убрал железо,
Шапку скинул в знак смиренья
И, учтиво поклонившись,
Произнес без промедленья:
«Если б было мне известно
Это дело, — без сомненья,
От меня бы ты не слышал
Никакого поношенья».

Говорит бранный мир:

Бранный мир ответил важно:
«Мне твоей повинной мало.
Царь земли ты, а не знаешь,
Как вести себя пристало.
Царь не может без разбора
Вынимать клинок кинжала.
Обнажать свое оружие
И тебе не подобало».

Говорит человек:

Не сердись, прошу усердно,
Пред тобой виновен я.
Я хочу, чтобы друзьями
Стали с этого мы дня.

Я из вод и ветра создан,
Из земли и из огня.
Что сие обозначает?
Образумь, наставь меня.

Говорит бренный мир:

Ты, семидесятилетний,
Не отрекся от дубины,
А до сей поры не знаешь
Дней своих первопричины.
Бог тебя слепил из ветра,
Из воды, огня и глины
И живую вдунул душу,
Чтоб дышал ты до кончины.

Говорит человек:

Ты сказал, что брат мой Авель
Кровь свою изверг до неба.
Этим рассказням зловещим
Не могу я верить слепо.
Разве этим двум несчастным
Не хватало в мире хлеба?
Почему они друг друга
Ненавидели свирепо?

Говорит бренный мир:

Трус завидует отважным,
И страдает он бесплодно.
Уязвленный благородством,
Он не мыслит благородно.
Жертва Авеля пылала
И была творцу угодна.
Зависть Каина томила
Неотвязно, безысходно.

Каин целый день трудился
На полях среди дубрав,
И зерно принес он в жертву,
Урожай земли собрав.
Но добро свое смешал он
С семенами сорных трав,

И господь отверг молитву,
Этой жертвы не приняв.

Авель господу молился,
Не мечтая о награде,
В жертву лучшего ягненка
Выбрал он в овечьем стаде.
Позавидовал убийца
Черной ненависти ради,
И чело его померкло
В недовольстве и досаде.

Бог спросил: «Скажи мне, Каин,
Почему твой лик затмился?
Отчего ты, неразумный,
Потом ярости покрылся?
Ты неискреннюю жертву
Мне принес, когда молился,
Так возьми ж себе обратно
То, что мне отдать стремился».

И промолвил брату Каин:
«Брат, пойдем работать в поле,
Мы обязаны друг другу
Помогать в земной юдоли».
И послушал брата Авель,
И пошел по доброй воле.
Каин, злобою пылая,
Захватил с собой дреколье.

«Почему, — спросил он, — в жертву
Ты приносишь лучший скот?» —
И ударил брата в темя,
И свалился наземь тот.
И струя кровавой влаги
Обагрила небосвод.
С той поры сочится кровью
Край сияющих высот.

43. ЗАВЕЩАНИЕ ДАВИДА ГУРАМИШВИЛИ

Не хочу я больше лиры и свирели,
Уж не в силах петь я, как я пел доселе.
Повернулся лживый мир ко мне спиною,
Ничего мне не дал, что сулил весною.

Не простил грехов мне он в великом гневе,
Иссушил мне корни, листья сжег на древе.
Стал я одинокий, сирый, нелюдимый,
Ближними забытый, брошенный любимой.

Сердце словно уголь стало от печали,
Волосы густые с головы упали,
Сморщились ланиты, словно плод печеный,
И поник я долу, скорбью удрученный.

Овладели телом немощи и хвори,
На больное сердце навалилось горе.
С обнаженной саблей смерть ко мне стучится,
Острою косою смель меня грозится.

Слушайте же, люди, верящие в бога,
Те, кто соблюдает заповеди строго:
В день, когда пред вами мертвый я предстану,
Помяните миром душу бездыханну.

Те, пред кем я грешен, мне мой грех простите,
Горечи и злобы в мыслях не таите:
Не смогу ничем я больше вас обидеть,
Онемел язык мой, взор не может видеть.

Если бы и стали спорить вы со мною,
Всё равно уста я больше не открою:
Глух я и безжизнен, нет во мне дыханья,
Истребил создатель сам свое созданье.

На одре кончины, устремленный к богу,
Ничего с собой я не беру в дорогу,
Ничего теперь мне, грешному, не надо —
Ни бахчи, ни дома, ни парчи, ни сада.

Боже, мой создатель, милостивым буди!
Об одном молю вас, праведные люди:
Три доски на гроб мне сбейте, остругайте,
Только позолотой гроб не украшайте.

Не трудитесь красить, сколотите просто,
Чтоб нести полегче было до погоста.
Не бросайте денег ради позолоты,
Лучше их оставьте на свои заботы:
Бесполезны гробу ваши украшения,
Мать-земля поглотит их в одно мгновенье.

Тот же, кто добра мне истинно желает,
Пусть душе поможет тем, чем подобает,
Пусть ее проводит он с посильным даром,
Чтоб она за гробом не пропала даром.

Вот что ей, убогой, будет во спасенье:
Служба и молитва, ладан и кажденье,
Пища для голодных, платье для холодных,
Чтоб никто не грабил бедных и безродных.

Мне же не помогут вопли и рыданья,
Не вернут мне жизни горькие стенанья.
Скорбные одежды — что они Давиду?
Лучше заплатите в храм за панихиду.

Горе мне, больному! Если что случится,
Нет поа с дарами, чтобы приобщиться.
Кто меня помянет в церкви за обедней?
Кто меня проводит в дальний путь последний?

Одинок я в мире: не дал бог мне сына,
Чтоб затеплить свечку дома в день помина,
Чтоб поминки справить обо мне, убогом...
Вот как я унижен всемогущим богом!

44. НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Святитель Иоанн в Кахети, в Зедазени,
Заставил слезы течь из стен церковной сени.
Есть в Картли некий храм, где Шио, наш отец,
Являет чудеса для страждущих сердец.

При этих двух церквах имел я по гробнице,
Чтобы в одной из них почить с крестом в деснице.
И каждый этот склеп был выложен из плит,
Оградой окружен и крышей перекрыт.

И вот взгляни теперь, случайный посетитель,
Где я нашел свою последнюю обитель!
Здесь тленью предан я, а где душа моя,
Куда она ушла, не понимаю я.

И как со мною мир коварен был безмерно,
Так, верно, и тебя обманет лицемерно.
Не осуждай меня, утратившего плоть,
И да простит тебе грехи твои господь!

ПРИМЕЧАНИЯ

Сборник стихов Давида Гурамишвили «Давитиани» (буквально: Давидово, написанное Давидом) дошел до нас в авторской рукописи — редкий случай в истории литературы древней Грузии. Сохранились также списки более позднего времени, позволяющие восстановить поврежденные места автографа.

Рукопись своей книги Гурамишвили передал сыну Ираклия II грузинскому царевичу Мириану в 1787 г. (подробнее см. об этом во вступ. статье), который и доставил ее на родину.

Ценность данного автографа поистине уникальна. Не будь его, творчество великого грузинского поэта могло остаться совершенно неизвестным.

Отрывки из «Давитиани» были впервые опубликованы (на языке оригинала) только в 1852 г. в журнале «Цискари» (№ X, XI, XII); полностью поэма была напечатана в 1870 г. В настоящее время существует несколько изданий «Давитиани» на грузинском языке. Особое значение имеет научное издание 1955 г., на котором основываются все последующие издания сборника.

В последнее время философская лирика и возвышенный гуманизм Давида Гурамишвили получили особенно широкое признание. Его книга переведена на языки многих народов мира. Своей жизнью и творчеством Гурамишвили был особенно тесно связан с Россией и Украиной. Естественно поэтому, что его творчеством давно интересуются русские и украинские писатели, ученые, переводчики.

В 1939 г. под редакцией Виктора Гольцева вышел в свет неполный сборник стихов Давида Гурамишвили, переведенных известными русскими поэтами-переводчиками: П. Антокольским, В. Державиным, В. Липскеровым, С. Спасским, С. Шервинским.

В том, что стихи Гурамишвили достойно звучали на русском языке, особенно велики заслуги большого друга грузинской культуры, поэта Н. Заболоцкого. Его переводы отличаются наибольшей близостью к оригиналу и высокими поэтическими достоинствами (первое издание осуществлено в 1953 г. в Москве). Вместе с тем его перевод — наиболее полный (фактически он перевел «Давитиани» целиком; опущены лишь несколько стихов религиозно-философского содержания, перевести которые поэт не успел).

Перевод творений Д. Гурамишвили на русский язык вызывает значительные трудности. Сочетание в ряде его произведений, таких, например, как «Плач Давида о том, как, будучи пленником на чужбине, он не видел ни лица, ни образа своей возлюбленной родины», «Сон, приснившийся в плену Давиду Гурамишвили», «О том, как Давид Гурамишвили, выйдя из пещеры, повстречался с неизвестными людьми и ноги его подкосились от страха» и некоторых других, реального и мистического плана, аллегорическое истолкование событий обыденной жизни не всегда поддается адекватному воспроизведению в переводе, требует подчас глубокого филологического комментария. Поэтому даже в переводах такого выдающегося мастера, как Н. Заболоцкий, некоторые стихотворения Гурамишвили звучат по сравнению с оригиналом несколько упрощенно. Проблема переводов Гурамишвили на русский язык до сих пор не может считаться окончательно решенной.

В настоящем издании все произведения Гурамишвили представлены в переводах Н. Заболоцкого в последней авторской редакции 1956 г. (печатаются по кн.: Давид Гурамишвили, Стихотворения и поэмы, Л., 1956, «Библиотека поэта», Малая серия). Издание сочинений Давида Гурамишвили на языке оригинала и в русском переводе имеет традиционно сложившуюся структуру, несколько отличающуюся от авторской. Сборник открывается тремя стихотворениями: «Имя и прозвище того, кто написал эту книгу», «Наставления для обучающихся», «О снискании блага». Затем следуют поэмы «Бедствия Грузии» и «Веселая весна» (у Гурамишвили жанровое определение этих произведений отсутствует). Заключает издание раздел «Стихотворения и песни Давида» (в авторской рукописи этот раздел не выделен).

Общая историческая справка, в которой содержатся сведения, необходимые для понимания творчества Гурамишвили, приводится во вступительной статье.

В примечаниях поясняются исторические реалии, некоторые труднопонимаемые фрагменты текста, специфические термины, относящиеся к грузинскому быту, библейские цитаты, имена, географические названия.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Данное стихотворение — одно из заключительных в авторском сборнике (оно помещено в конце рукописи). В печатных изданиях Гурамишвили это стихотворение, имеющее исключительно важное значение, — в нем излагается кредо поэта, — традиционно открывает книгу. «*Давитиани*» — буквально: Давидово; книга стихов Гурамишвили. Во времена Давида Гурамишвили Восточная Грузия делилась на два царства: *Картли* и *Кахети*. *Чари* — восточнокахетинская провинция, с территории которой военные отряды, руководимые лезгинскими феодалами, совершали грабительские набеги на царства *Картли* и *Кахети*, угоняя пленных. *Маджари* — молодое вино. В переносном смысле речь идет о том, что поэт дает молодым людям наставления, полезные, как молодое вино. *Ритор Шота* — величайший

грузинский поэт Шота Руставели (XII в.). В оригинале говорится, что патриарх поэзии, т. е. Шота Руставели, посадил древо мудрости для грядущих поколений и что мудрость эта была и духовной и мирской. В грузинской литературе много говорится о таком понимании мудрости. *Отче мой, шатер чудесный* и т. д. Имеется в виду библейская легенда об изгнании человека из рая. *Из земли увел родной*. В оригинале речь идет об уходе из бренного мира как неизбежной участи человека.

2. Это стихотворение Гурамишвили — образец дидактической поэзии. Оно сохранило огромную популярность до наших дней. «*Жизнь отдать свою за паству...*» — намек на евангельское изречение: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Иоанн, X, 14). *Иов* — библейский персонаж, «праведник», образец терпения и кротости. *Чем воздаст тому, кто глине Сообщает вид сосуда?* Подразумеваются бог и сотворение человека. *Тот, кто ближнего осудит, Сам судимым может стать*. Здесь и далее упоминаются евангельские «заповеди» — своего рода моральный кодекс древних. *Соломон* — иудейский царь, мудрец; считается одним из авторов библейских книг. *Мудрый лекарь распознает* и т. д. — цитата из «Витязя в барсовой шкуре» Шота Руставели (ср.: «Если лекарь заболает, он зовет к себе другого», пер. Н. Заболоцкого). О связи творчества Гурамишвили с наследием Руставели см. вступ. статью, с. 33—34.

3. Это стихотворение, так же как и предыдущее, дидактического характера. *Эпикур* (341—270 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, с учением которого были хорошо знакомы уже в древней Грузии. *Ибо клад, зарытый в землю*, — перифраз евангельской притчи (Матфей, XXV, 14—29).

ПОЭМЫ

4—27. Поэма посвящена трагическим страницам истории Грузии начала XVIII в.

1. *Карталинцы, кахетинцы* — см. примеч. 1. *Двух владык*. Подразумеваются Иисус Христос, который, по Евангелию, был потомком Давида, полубогородного царя иудеев, и царь Картли Вахтанг VI. Гурамишвили называет его иногда Вахтангом V. Вахтанг царствовал в Картли в 1703—1724 гг. (см. о нем вступ. статью, с. 8—11). Давид Гурамишвили считал его своим духовным учителем. *Псалтырь Давида* — собрание религиозных песнопений, авторство которых приписывается царю Давиду. *Иоаким, Анна* — родители богородицы Марии.

2. *Беды Картли и Кахети* и т. д. Картли и Кахети — см. примеч. 1. Имеются в виду трагические события в грузинской истории начала XVIII в.: полное разорение страны, вызванное экспансией агрессивно настроенных Ирана и Турции и подстрекаемых ими горских племен Кавказа. В июне 1723 г., опасаясь союза Вахтанга VI с Россией, турки заняли Картли и Кахети (вместе с Тбилиси) и установили

здесь свое господство, длившееся более десяти лет. Тяжелое положение страны усугублялось междоусобными войнами. *Кахабери* — легендарный герой древней Грузии, наводивший ужас на турок, — образец героизма и мужества.

3. *Картли* — см. примеч. 1. *Шах-Аббас I* — повелитель Ирана (1587—1629). Его армия причинила огромный вред Грузии; некоторые ее провинции были полностью разорены, а население насильственно переселено в Иран. *Тамаз* — внук шаха Аббаса; шах Ирана, последний из династии Сефевидов (убит в 1735 г.). *Абаз* — денежная единица, равная 20 копейкам. *Гилян* — северная провинция Ирана того времени, на побережье Каспийского моря. *Кахети* — см. примеч. 1. *Кумаш-Кавган* — деревня в Восточной Грузии, на границе с Дагестаном. *Метехи* — крепость, возведенная в центре Тбилиси, резиденция царей Картли. *Сиони* — главный кафедральный храм в Тбилиси. *Вахтанг Багратиони* — подразумевается Вахтанг VI, на протяжении ряда лет находившийся в Иране в качестве пленника (вернулся в Грузию в 1719 г.). *Сейдабад* — один из восточных районов древнего Тбилиси, где находился летний дворец грузинских царей. *Вестник* — посол Петра I, гвардии поручик Иван Толстой, который по поручению русского императора вел в 1722 г. переговоры с Вахтангом VI. *Персть* — прах, пыль. *Вазир* — царский советник, министр.

4. *Так же, как олень усталый...* — перифраз 41-го псалма Давида. *Я скрывать пращу Давида И хитон Христов не стану.* Здесь подразумевается грузинский геральдический знак, на котором были изображены хитон Христа и праща Давида, поскольку грузинские цари династии Багратиони считали себя потомками библейского царя Давида. По преданию, Давид, метнув камень из пращи, убил великана Голиафа. *Гянджа* — город на территории современного Азербайджана (ныне — Кировабад). *Разве могут три дракона Предоставить льву свободу?»* Здесь метафорически изложены возражения советников царя Вахтанга VI, опасавшихся, что решение грузинского царя заключить союз с Россией в целях защиты от агрессивной политики Ирана и Турции в случае неудачи еще более осложнит положение Картли. *Спасалар* (перс.) — военачальник. Вахтанг VI по существу тогда правилу, будучи правителем Картли, считался и спасаларом иранского шаха.

5. *Картли* — см. примеч. 1. *Царь Вахтанг не ладил с сыном* и т. д. Царевич Бакар (1700—1750) высказывал свое несогласие с отцом по вопросам внешней политики. *Этмандоле* — вазир (министр) шаха, которого этот последний наказал за союз с Вахтангом. *Гурджистан* — так называли Грузию на Востоке (от слова «гурджи» — грузин). *Кахети* — см. примеч. 1. *Константин* (Мамед-Кули-хан) — царь Кахети в 1722—1729 гг., сын кахетинского царя Ираклия I, принявший ислам. Иранскому шаху удалось противопоставить друг другу Константина и Вахтанга VI, что привело к кровопролитному братоубийственному столкновению между ними, которым в преминали воспользоваться внешние враги. *Исфаган* — город и провинция в Иране.

6. *Вышел в поле царь Кахети* и т. д. Перевод неточен, выражение «ставить шатер» — термин, обозначавший собрание государственного совета в случае необходимости решить какое-либо важное дело. *Картли* — см. примеч. 1. *Кахи* — кахетинцы, жители Кахети (см. примеч. 1). *Пусть бездетен ты, но в доме И племянник есть и брат.*

Подразумеваются будущие цари Грузии Ираклий II (1720—1798) и *Теймураз II* (ум. 1762). *Ираклий I* (Назар-Али-хан) — отец Константина (Мамед-Кули-хана), царь, придерживавшийся персидской ориентации. Одно время царствовал в Картли (1688—1703), в детстве воспитывался в России, где носил имя царевича Николая.

7. *Царь кахетинский, царь карталинский*. Кахети, Картли — см. примеч. 1. *Калами* — перс. «*Пешкеш дур*» — по-турецки: «прими подарок», «да будет награда твоей». «*Салами*» — приветствие. *Иессей* — брат Вахтанга VI, на протяжении ряда лет то тайно, то явно борющийся против него, пытаясь при поддержке Ирана и Турции завладеть престолом в Картли. Умер в 1734 г.

8. *Картли и Кахети* — см. примеч. 1. *Епифан* — как указано в оригинале, монах додойского монастыря (в Кахети), выполняющий тайное поручение Иессея. *Теймураз* — подразумевается брат кахетинского царя Константин, впоследствии — Теймураз II.

10. *Атени* — деревня в Средней Картли (см. примеч. 1), вблизи от Гори. Славится своим вином. *Марани* — винный погреб. *Спаснет* — военачальник. *Кахетия* — см. примеч. 1. *Авлабар* — один из районов Тбилиси, расположенный на левом побережье р. Куры в восточной части города. *Нарикала* — крепость в центральном районе старого Тбилиси. В те времена здесь стоял персидский гарнизон. *Чари* — см. примеч. 1.

11. В этом стихотворении описывается обострившаяся политическая ситуация в *Картли* и *Кахетии* (см. примеч. 1): внутрифеодальные войны и использование грузинскими царями и владетельными князьями внешних сил (Ирана, Турции, дагестанских феодалов), в результате чего страна дошла до катастрофически тяжелого состояния. *Султан* — здесь подразумевается турецкий султан, подобно иранскому шаху вмешивавшийся во внутренние дела Грузии. *Сераскир* — военачальник в турецком войске. *Рача* — горный район в Восточной Грузии, через который проходит один из путей на Северный Кавказ. *Пшав* — житель Пшави, одной из горных областей Восточной Грузии. *Хевсур* — грузин-горец. *Твализи* — село в Пшави. *Зедавельская долина*. Зедавела — местность между Гори и Атени (см. выше), где в 1727 г. произошло кровопролитное братоубийственное сражение, в котором участвовали также турецкие и дагестанские войска.

12. *Горис-Убани* — местность близ деревни Сагурамо, где родился поэт. *Ксанское ущелье* — ущелье в Средней Картли (см. примеч. 1). *Ламискана* — село в Картли в средней части Ксанского ущелья, откуда был похищен Давид Гурамишвили (подробнее см. вступ. статью, с. 14—15). *Иртоза* — гора, расположенная вблизи от Ламискана. *Хинкали* — пельмени.

13. Стихотворение представляет собой гимн мистико-аллегорического характера; главную тему его составляет любовь к Христу. В переводе она переосмыслена как признание поэта в любви к родине. Подробнее о гимнографическом творчестве Гурамишвили см. во вступ. статье, с. 31—32.

14. *Зримое светило* — солнце. Под незримым светилом подразумевается божество. *Тинатин* — по древнегрузинским источникам — отблеск лучей. Гурамишвили в данном случае подразумевает солнце. Отсюда же происходит и имя собственное Тинатин (одна из главных героинь «Витязя в барсовой шкуре» Ш. Руставели). *Адамантовым*

копьем. Адамант — алмаз. *Картвел* — житель Картли (см. примеч. 1). *Вифезда* — купальня в Иерусалиме (Иоанн, V, 2—5). Ее водам приписывалась целительная сила.

15. Как и предыдущие стихи, это — гимн духовного характера, в котором преобладает аллегорическая мистика. Пленник видит во сне божество, которое заботится о попавшем в беду поэте и посылает ему незнакомца, внушающего ему мысль о побеге. *Каламаны* — крестьянская обувь из грубой кожи, с тесьмами.

16. В данном стихотворении повествование ведется уже полностью в реальном плане, хотя кое-где встречается и мистическая трактовка событий внутренней и внешней жизни поэта. Так, в первой строке подразумевается Христос, как «источник жизни». Точно так же в 6-й строфе подразумевается библейская легенда о пришествии Христа на землю и его воскресении, что в оригинале видно более отчетливо.

17. В первой строфе (в оригинале: «гора», а не «пещера») подразумевается бог-отец, который, по библейскому преданию, ниспослал для спасения людей Христа, подобно камню, отделившемуся от горы. Это иносказание следует здесь понимать в переносном смысле: поэт говорит о божественной помощи, оказанной ему при спасении. *Ткемали* — дикая слива. *Джавахетский хлеб*. Джавахети — одна из провинций Южной Грузии, славившаяся плодородными землями и богатыми урожаями.

18. В 3-й и 6-й строфах этого стихотворения рассказывается о реальных событиях: о том, как голодный Давид нашел пару огурцов, а затем потерял их, уронив в реку; в оригинале этот момент усилен аллегорической картиной: бог сперва дал людям рай, а затем изгнал их из этого рая. *Кичка* — старинный праздничный головной убор замужних русских женщин. «*Лазарь, дай-ка парню хлеба!*» Следует отметить, что эта фраза в оригинале написана на русском языке. *Толмач* — переводчик. *Января-пшав*. Января — имя собственное; пшав — житель Пшавии. *Был начальником я сделан У Вахтанга в арсенале*. В оригинале эта должность называется «джабадарбаши» (турецко-персидское слово, обозначающее управляющего складом оружия — «джабахана»). *Джавахишвили* — фамилия какого-то поэта из свиты Вахтанга, над которым Давид одержал победу в поэтическом состязании.

19. В стихотворении описана неудачная попытка Вахтанга VI и его свиты вернуться в Грузию. *Другие двое* — Екатерина I (1684—1727) и Петр II (1715—1730). *Анна Иоанновна* — русская императрица (1730—1740), племянница Петра I. Во время ее царствования Россия заключила мирный договор с Ираном, признав иранский протекторат над Картли и Кахети (см. примеч. 1). Русская армия на некоторое время отошла от побережья Каспия. Это поставило в тяжелое положение Вахтанга VI и его свиту, готовившихся к походу на Кавказ в надежде на помощь русских войск. *Семен Абрамов* — русский посол в Персии. *Шемаха* — город в Азербайджане; одно время был столицей Ширвана, одной из провинций Азербайджана. Расположен на пути от Каспийского моря в Грузию. *Нади-кул*, или НаDIR-кул, при шахе Тамазе был фактическим правителем Ирана. В 1732 г. низложил шаха, а в 1735 г. убил его. В 1736 г. объявил себя шахом Ирана. Известен под именем НаDIR-шаха (иначе — Тахмасп-кули-хан).

Совершал в интересах персидских феодалов грабительские завосвательные походы в Азербайджан, Армению, Грузию, Бухарское и Хивинское ханства, Северо-Западную Индию.

20. *Кочевник Таракама*. Так называли в Грузии туркменских кочевников. Надир-кул, или *Нади-кул*, был по происхождению туркменом из *Хорасана* (юго-восточная провинция Ирана, заселенная в то время туркменскими племенами); его поэтому также называли Таракамой, указывая тем самым на его неперсидское происхождение. *Кизилбаш* (турецкое слово) — «красноголовые». Так называли персов грузины (отряды иранских войск носили красные шапки). *Беглар-бек* — высокий титул при иранском дворе, правитель какой-либо провинции. *Узбаш* (юзбаш-хан) — высокий воинский титул при иранском дворе. *Хулуп-посланник* (Холсфа-Мирза-кафи) — посол Ирана при русском дворе.

21. *Армоан* — неизвестный ныне населенный пункт на каспийском побережье, вместе с Сулаком и Дербентом оставленный в те времена русскими войсками.

22. *Кизляр* — населенный пункт (в настоящее время — город) на левом берегу Терека, недалеко от Каспийского моря. Некогда служил прибежищем покинувших родину грузин. *Насадиший древо бассей* и т. д. Подразумеваются библейские правоучения о послушании и о добром пастухе и евангельские притчи. *Иоани Дамаскин* — христианский подвижник, богослов и поэт-гимнограф, происходивший из Сирии и писавший на греческом языке (VII в.) *Александри Леван* — сыновья Бакара и внуки Вахтанга VI. Александр долгое время находился в России, а затем — при иранском дворе. Он пытался завладеть престолом в Картли, боролся против Ираклия II, но безуспешно. В конце концов по требованию грузинских царей был изолирован в России. Скончался в 1784 г. в Смоленской тюрьме. *Как на башне Вавилонской*. По библейской легенде, в Вавилоне задумали построить башню до самого неба; бог, чтобы помешать строителям осуществить их намерение, заставил их говорить на разных языках. Они перестали понимать друг друга, и башня осталась недостроенной.

23. *Ахалдабец*. Ахалдаба и *Боли* — селения в Картли (см. примеч. 1) в Ксанском ущелье. Первое село находится в долине, а село Боли — на горе. Поэт использует эти два названия для аллегорического изображения перехода из земного мира в мир небесный. *Картвел* — житель Картли.

24. В стихотворении рассказывается о таком важном для грузинских эмигрантов событии, как смерть царя Вахтанга в Астрахани (1737), и о переходе его свиты в русское подданство (1738). Гурамишвили вместе с другими грузинами был зачислен в сформированный из них гусарский полк, который получил поместья на Украине, на Полтавщине. Гурамишвили, в частности, досталось имение в Миргороде. После этого грузинские гусары и в том числе Гурамишвили систематически участвовали в военных операциях (против Турции, Швеции и Пруссии). *Кахетинцы* и *картлийцы* — жители Кахети и Картли (см. примеч. 1). *По тридцать дымов*, то есть по тридцать дворов. *Тетия Орбелиани*, *Адам Цицишвили* — члены свиты Вахтанга VI. *Хотин*. В 1739 г. русские войска взяли Хотинскую крепость, нанеся жестокое поражение туркам. Во взятии крепости участвовала рота грузинских гусар, в том числе — Давид Гурамишвили. *Фрид-*

рихсговенские сваи. Фридрихсговен — город на берегу Финского залива, в 1742 г. взятый русскими войсками во время войны со Швецией. В битве участвовали и грузины. В *Магдебургской цитадели*. Магдебург — город в Пруссии, в котором в 1758—1759 гг. находился взятый в плен во время Семилетней войны Давид Гурамишвили (подробнее см. во вступ. статье, с. 21). *Мчади* — лепешка из кукурузы или проса. Поэт говорит о том, что ему не удалось пожить мирной жизнью после освобождения из плена; он не смог выпечь мчади из посеянного и собранного им проса.

28—35. Эта поэма, называемая также «Пастух Кацвия», написана, как видно из заглавия, на мотив одноименной украинской песни (в оригинале — здесь и далее — автор и украинские и русские песни называют русскими).

2. В начале стихотворения перечислены греческие названия ветров, распространенные в средневековой Грузии. Поэт заимствовал их из словаря грузинского энциклопедиста и лексикографа Сулхана-Саба Орбелиани (1658—1725). *Кекия* — восточный летний ветер. *Эврос* — холодный и резкий восточный ветер. *Пфиникс* — южный ветер. *Зефир* — весенний легкий западный ветер (Гурамишвили ошибочно считает его зимним ветром). *Липси* — зимний западный ветер. *Нотос* — южный ветер. *Борей* — северный ветер. *Апил* — восточный ветер. *Эргастий* — западный весенний ветер. *Левантос* — юго-восточный ветер. *Аргест* — северо-восточный ветер. *Траске* — северо-западный ветер.

5. *Чохи* (чоха) — верхняя мужская одежда. *Абаз* — денежная единица, равная 20 копейкам. *Марани* — винный погреб. *Дидойцы или кисты*. Здесь: не христиане. *Макари* — дружка жениха. *Чанги* — музыкальный струнный инструмент. *Самайя* — популярный грузинский танец; исполняется тремя девушками. *Мдади* — подружка невесты. *Кацвия* — имя, производное от грузинского «кацви» (колючка).

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕСНИ ДАВИДА

36. Духовный гимн мистико-аллегорического характера, написанный в характерной для Давида Гурамишвили народной манере.

37. Как и предыдущее стихотворение, это тоже духовный гимн (в народной манере). «*Улетела зозуленька тай через дубину*». Так транскрибирует сам Гурамишвили (грузинскими буквами) название народной песни. Микола Бажан в украинском переводе «*Давитиани*» пишет: «На мотив пісні: „Полетіла зозуленька та й через дубину“» Давид Гурамишвілі, Давитіані, Київ, 1950).

39. В стихотворении описана встреча с красавицей-украинкой, олицетворяющей земные соблазны. Заключительная часть стихотворения в оригинале — явно мистико-аллегорического характера и выражает любовь поэта к божеству. *Зубовка* — название деревни близ Миргорода, принадлежавшей Гурамишвили.

40. Жалобы на несовершенство брeнного, т. е. земного, мира — один из характерных для древнегрузинской поэзии мотивов, которому Гурамишвили посвящает несколько стихотворений.

41. Жанр «спора», или «прений», весьма характерен для древнегрузинской поэзии.

42. В стихотворении нашел отражение библейский мотив перво-родного греха. *Я живу семь тысяч двести Восемьдесят третий год.* Здесь датировка дается по древнему библейскому летосчислению — от «сотворения мира». По современному летосчислению это — 1774 год. *Ты ж из вод и ветра создан, Из земли и из огня.* Здесь отражены древнегреческие воззрения о четырех элементах, составляющих основу всего сущего. Эти воззрения с древнейших времен были распространены и в Грузии. *Прародитель твой с прабабкой — Вот кто первый был убийца.* Подразумеваются Адам и Ева. *Братец твой разбил дубиной Череп брата молодого.* Имеется в виду библейская легенда об убийстве Каином брата Авеля.

44. *Зедазени* — монастырь на горе Иално, на границе Кахети и Картли (см. примеч. 1), основание которого в VI веке приписывается грузинскому подвижнику Иоанну. Впоследствии — усыпальница рода Гурамишвили. *Шио*, т. е. Шио-Мгвимели, — основатель Шио-Мгвимского монастыря в Картли (VI в.), впоследствии тоже ставшего усыпальницей предков Гурамишвили.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Портрет Давида Гурамишвили, выполненный художником Б. Гордезиани по плохо сохранившемуся автопортрету поэта.

2. *С. 101*. Страница авторской рукописи поэмы «Бедствия Грузии».

СОДЕРЖАНИЕ

Давид Гурамишвили. <i>Вступительная статья С. С. Цаишвили</i>	5
---	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Имя и прозвище того, кто написал эту книгу	41
2. Наставления для обучающихся. <i>Десять полезных и нужных советов, внушаемых отрокам</i>	46
3. О снискании блага	54

ПОЭМЫ

4—27. Бедствия Грузии	
1. Измена карталинцев и кахетинцев своим государям	59
2. Возмездие божие за грехи людей	62
3. Приглашение царя Вахтанга к государю российскому	68
4. Совет у царя карталинского	72
5. Враги доносят шаху о намерениях царя Вахтанга; шах отнимает у Вахтанга Картли и передает ее царю кахетинскому	76
6. Совет у царя кахетинского	78
7. Дружественное послание царя кахетинского к царю карталинскому	81
8. Возникновение ссоры между царями Картли и Кахети	84
9. Кахетинский царь через посланцев-монахов требует присоединения Картли к своему государству	88
10. Царь Картли бросает в темницу послов кахетинского государя	92
11. Турки занимают Картли; карталинский царь уезжает в Россию	95
12. Пленение Давида Гурамишвили лезгинами	98
13. Плач Давида о том, как, будучи пленником на чужбине, он не видел ни лица, ни образа своей возлюбленной родины	103

14. Песнь о том, как холодно было в плену Давиду и солнце не появлялось из-за туч	104
15. Сон, приснившийся в плену Давиду Гурамишвили	106
16. Побег Давида из плена	108
17. О том, как Давид Гурамишвили, выйдя из пещеры, повстречался с неизвестными людьми и ноги его подкосились от страха	110
18. Выход из плена в Россию	112
19. Отъезд царя Вахтанга и сына его Бакара в Дербент	118
20. Хан Тамаз занимает Шемаху и Гянджу; турки оставляют Тбилиси	122
21. Тамаз-хан требует у русского адмирала вернуть ему прежние владения	125
22. Русские уходят из Дербента; царь Вахтанг уезжает в Астрахань	127
23. Жалоба Давида Гурамишвили на суетный и мгновенный мир	134
24. Кончина царя Вахтанга. Грузинские князья и дворяне переходят на службу к русской царице	138
28—35. Веселая весна	
1. «Одна красotka, встретившись со мною...»	144
2. Борьба Зимы, Весны и Ветров	145
3. Поражение Зимы, победа Весны, обеты пастухов	149
4. Рассказ пастуха о том, что приключилось с его родителями	154
5. Как молилась девушка и как исполнились ее желания	159
6. Возвращение девушки от пастуха; печаль и плач его в разлуке с возлюбленной	182
7. Возвращение девушки к подругам; пастушки делят по жребью свои находки	185
8. Пастух Кацвия просит у отца благословения на брак; отец благословляет его	189

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕСНИ ДАВИДА

36. Песня («Мне любимая сказала, сердце надорвала, . . .»)	199
37. Песня («Расскажу о том, как роза жизнь свою разбила, . . .»)	201
38. Песня («Ах, сколько цветов расцветает весной! . . .»)	202
39. Зубовка	204
40. Плач Давида о мгновенном мире	206
41. Спор Человека со Смертью	212
42. Спор человека с бранным миром	218
43. Завещание Давида Гурамишвили	229
44. Надгробная надпись	232
Примечания	233
К иллюстрациям	244

Давид Гурамишвили
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1990
248 стр. План выпуска 1980 г. № 438

Редактор *Л. С. Гейро*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Кошм*
Корректоры *Ф. Н. Аврунина*
и *И. Г. Клейнер*

ИБ № 2267

Сдано в набор 18.02.80. Подписано к печати 03.06.80. М 15143: Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 13,12. Уч.-изд. л. 11,85. Тираж 40 000 экз. Заказ № 1419.
Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

1820